

ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

СМЕНА

№10 ОКТЯБРЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2016

О жизни и творчестве художника Федора Васильева
читайте на странице 66.

Из российской истории

Светлана Бестужева-Лада **Хирург-великомученик** 4

Замечательные современники

Денис Логинов **В «круговороте созидания»** 24

Георгий Кричевский **Любимое дело
Евгения Миронова** 78

Неизвестное об известном

Юрий Осипов **Большое путешествие
Ивана Гончарова** 40

Житейские истории

Виктор Попов **Характеристика** 56

Поэзия

Александр Мельник **Стихи** 63

Шедевры

Ирина Опимах **Фёдор Васильев.
«В Крымских горах»** 66

История без грима

Валентин Осипов **Крым в драме и фарсе** 94

Логунова шутит

Елена Логунова **Чу, я вижу Пикачу,
или как мы в Сочи Парке
покемонов ловили** 103

Литературные страницы МСПС

Иван Переверзин **Постижение любви** 106

Детектив

Леонид Млечин **Кровавая ночь в Дамаске** 130

Кроссворд. Эрудит**188**

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Яркина Мария Александровна,
sales@smena-online.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

Коллаж Натальи Кумуковой
(текст читайте на стр. 103)

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д.14
тел. (495) 612-15-07,
e-mail: jurnal@smena-online.ru
www.smena-online.ru

© ООО «Журнал «Смена»

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Шрифт: ParaType

Отпечатано:

**ОАО «Можайский
полиграфический комбинат».**

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж —

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 19.09.2016

**Выпуск издания осуществляется при финансовой
поддержке Федерального агентства по печати и мас-
совым коммуникациям**

«*Каждое утро десятки людей входят в подъезд пятиэтажного здания НИИ «Проектстальконструкция», расположенного в одном из новых районов Москвы. Их как бы встречает и провожает взглядом выбитый на гранитной мемориальной доске портрет человека, ни разу здесь не бывавшего, — это почетный академик Владимир Шухов. Но нет ничего странного — ведь именно он основал этот «штаб» передовой технической мысли в строительстве, человек, чье творчество вписало множество ярких и разнообразных страниц в летопись славы любимого им Отечества...*

Светлана **Бестужева-Лада** «России первый инженер»

«*В любой истории есть моменты, без которых не обойтись. Когда рассказывают о Станиславском, не обходится без упоминаний многочасовой встречи в «Славянском базаре», когда пишут о МХАТе, всегда «взлетает» с главного занавеса чайка. Эти детали настолько прочно вошли в наше сознание, что без них история уже кажется неполной. Между тем история отношений — между Станиславским и Немировичем-Данченко, между ними обоими и труппой МХАТа, между всеми ими и государством — гораздо глубже и интересней, гораздо неожиданней и не банальней, чем мы себе представляем...*

Евгения **Гордиенко** «Театр одного режиссера»

«*В апреле 1856 года секретарь российской дипломатической миссии в Берлине, князь Алексей Борисович Лобанов-Ростовский, был вызван в Санкт-Петербург и получил предложение занять должность советника при российском посольстве в Турции. Предложение было заманчивое, и князь согласился, хотя отлично понимал, что отношения России с этой беспокойной страной были, мягко говоря, не простые...*

Владимир **Братченко** «Великий дипломат Российской империи»

«*Для меня самое большое счастье — молчать на экране, — сказал актер Александр Балугев, отвечая на вопросы журналистов, как ему удалось столь проникновенно сыграть в «Муму» роль тургеневского Герасима. — А если посредством молчания ты смог еще что-то передать, это, на мой взгляд, высший класс для любого артиста». За такую отличительную черту актерского дарования Балугева в профессиональной среде шутливо называют «молчуном». Он и в жизни предпочитает меньше говорить и больше слушать...*
Очерк Георгия Кричевского об актере Александре Балугеве.

«*Окончание детектива Леонида **Млечина** «Кровавая ночь в Дамаске».*

Светлана
Бестужева-Лада

ХИРУРГ- ВЕЛИКОМУЧЕНИК

Древний род Войно-Ясенецких известен с XVI века, но к тому времени, когда в 1877 году родился будущий святитель Лука, семья их жила небогато. Однако отец его, владевший аптекарским магазином, смог дать своим чадам хорошее образование.

В 1889 году семья переехала в Киев, где Валентин окончил гимназию и художественную школу.

Феликс Станиславович Войно-Ясенецкий, будучи убежденным католиком, не навязывал семье своих религиозных взглядов. Семейные отношения в доме определяла мать, Мария Дмитриевна, воспитывавшая детей в православных традициях и активно занимавшаяся благотворительностью (помогала арестантам, позже — раненым в годы Первой мировой войны).

После окончания гимназии Валентин некоторое время колебался

в выборе между профессиями художника и врача, но решил все-таки выбрать медицину как более полезную обществу. Пытался поступить в Киевский университет на медицинский факультет, но не прошел. Получив предложение обучаться на естественном факультете, но, отдавая предпочтение гуманитарным наукам (не любил биологию и химию), он выбрал юридический, где проучился всего год, после чего вообще покинул университет и стал брать уроки живописи в частной школе профессора Книрра (Мюнхен). Вернувшись снова в Киев, Валентин, наблюдая нищету, бедность, болезни и страдания простолюдинов, принял окончательное решение стать врачом, чтобы приносить пользу обществу.

Серьезное увлечение проблемами простого народа привело юношу

В этом эссе речь пойдет о человеке, который трижды арестовывался по доносам коллег и провел в тюрьмах и в ссылках в общей сложности одиннадцать лет. Несмотря на это, он был и оставался блистательным хирургом, автором выдающихся трудов по анестезиологии, доктором медицинских наук, профессором, доктором богословия. Интересен тот факт, что в 1944 году он стал лауреатом Сталинской премии, хотя реабилитирован был лишь много лет спустя после смерти — в апреле 2000 года.

Архиепископ Симферопольский и Крымский Лука (в миру Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий) был причислен православной церковью к лику святых и канонизирован в сонме новомучеников для общецерковного почитания, память — 5 марта (18 марта) — день обретения его мощей.

В этот же день 2014 года произошло воссоединение Крыма с Россией...

к толстовству: он спал на ковре, расстеленном на полу, и ездил за город косить рожь вместе с крестьянами. В семье это воспринимали крайне негативно, пытались вернуть его к официальному православию. А Валентин писал Толстому и просил повлиять на свою семью, а также разрешить ему уехать в Ясную Поляну и жить под его присмотром. После прочтения запрещенной в России книги Толстого «В чем моя вера» он разочаровался в толстовстве, тем более что ответа от великого писателя так и не получил.

Окончательно решив посвятить себя медицине, Валентин в 1898 году вернулся в университет и, сдав экзамены, стал студентом медицинского факультета. Учился

прекрасно, был старостой группы, особенно преуспевал в изучении анатомии:

«Умение весьма тонко рисовать и моя любовь к форме перешли в любовь к анатомии... Из неудавшегося художника я стал художником в анатомии и хирургии».

После выпускных экзаменов, к всеобщему удивлению, он заявил о намерении стать земским врачом:

«Я изучал медицину с исключительной целью: быть всю жизнь земским, мужицким врачом».

Устроился работать в киевский медицинский госпиталь Красного Креста, в составе которого в 1904 году отправился на русско-японскую войну. Работал в эвакуационном госпитале в Чите, заведовал хирургическим отделением и получил большую практику, делая операции на костях, суставах и черепе.

Еще в киевском госпитале Валентин познакомился с сестрой милосердия Анной Васильевной Ланской, которую называли «святой сестрой» за доброту, кротость и глубокую веру в Бога. Ее руки просили два врача, но она обоим отказала. А вот Валентин сумел добиться ее расположения, и в конце 1904 года они обвенчались в читинской церкви Михаила Архангела. (В ней венчались декабрист Анненков и Полина Гебль, поэтому за старинным храмом закрепилось название «Церковь декабристов».)

Один из излеченных офицеров пригласил молодую семью к себе

в Симбирск. После недолгого пребывания там Валентин Феликсович переехал в уездный городок Ардатов и стал работать земским врачом. В крошечной больнице, персонал которой состоял из заведующего и фельдшера, он трудился по 14–16 часов в сутки, сочетая универсаль-

В ноябре 1905 года семья Войно-Ясенецких переехала в село Верхний Любаж Фатежского уезда Курской губернии. Земская больница на 10 коек еще не была достроена, и Валентин Феликсович принимал на выездах и на дому. Время приезда совпало с эпидемией в тех краях

П

кончательно решив посвятить себя медицине, Валентин вернулся в университет и, сдав экзамены, стал студентом медицинского факультета. Учился прекрасно, особенно преуспевал в изучении анатомии. А после выпускных экзаменов, к всеобщему удивлению, заявил о намерении стать обычным земским врачом

ную врачебную работу с организационно-профилактическими работами в земстве.

В Ардатове молодой хирург столкнулся с опасностями применения наркоза и, прочитав только что вышедшую книгу немецкого хирурга Генриха Брауна «Местная анестезия, ее научное обоснование и практические применения», задумался о возможности использования местной анестезии. Плохое качество работы земского персонала и чрезмерная перегруженность (около 20 000 человек в уезде, плюс ежедневная обязанность посещать больных на дому, притом, что радиус поездок мог составлять до 15 верст!) вынудили Валентина Феликсовича покинуть Ардатов.

брюшного тифа, кори и оспы. Валентин Феликсович брал на себя поездки по районам, не щадя себя, помогал, чем мог, больным. Кроме того, он опять участвовал в земской работе, занимаясь проведением профилактических работ. Молодой врач пользовался большим авторитетом, к нему обращались крестьяне Курской и соседней Орловской губерний.

В конце 1907 года Валентин Феликсович был переведен в Фатеж, где у него родился сын Михаил. Однако проработал там хирург недолго: исправник-черносотенец добился его увольнения за отказ прекратить оказание помощи пациенту и явиться по его срочному вызову. Валентин Феликсович одинаково относился

*Жена —
Анна
Васильевна
Ланская*

ко всем людям, не различая их по положению и достатку. В докладах «наверх» он был объявлен «революционером». Семья переехала к родным Анны Васильевны в город Золотоноша, где у них родилась дочь Елена.

Осенью 1908 года Валентин Феликсович уехал в Москву и поступил в экстернатуру при московской хирургической клинике известного профессора Дьяконова, основателя журнала «Хирургия». Стал писать

докторскую диссертацию на тему регионарной анестезии. Занимался анатомической практикой в Институте топографической анатомии, директором которого был профессор Рейн, председатель Московского хирургического общества, и 3 марта 1909 года на заседании хирургического общества в Москве сделал свой первый научный доклад.

Анна Васильевна просила мужа забрать к себе семью, но Валентин Феликсович не мог их принять по фи-

*Валентин Войно-Ясенецкий (слева)
проводит операцию в земской больнице*

нансовым соображениям. Но, так как очень любил и скучал по жене и детям, все сильнее задумывался о перерыве в научной работе и возвращении в практическую хирургию.

В начале 1909 года он подал прошение и был утвержден в должности главного врача больницы села Романовка Балашовского уезда Саратовской губернии, куда и переехала вся семья. Снова Валентин Феликсович оказался в тяжелом положении: его врачебный участок по площади составлял около 580 квадратных верст, с населением до 31 тысячи человек.

Летом он обратился к уездной земской управе с предложением организовать уездную медицинскую библиотеку, ежегодно публиковать отчеты о деятельности земской

больницы и создать патологоанатомический музей для исключения врачебных ошибок. Одобрена была только библиотека, открывшаяся в августе 1910-го.

Весь отпуск он проводил в московских библиотеках, анатомических театрах и на лекциях. Однако долгий путь между Москвой и Романовкой был неудобен, и Войно-Ясенецкий подал прошение на вакантное место главного врача больницы Переславль-Залесского Владимирской губернии. Практически перед отъездом родился сын Алексей.

В Переславле-Залесском Валентин Феликсович возглавил городскую, а вскоре фабричную и уездную больницы, а также военный госпиталь. В фабричной больнице

не было электричества, канализации и водопровода, отсутствовала рентгеновская аппаратура. Вообще на более чем 100-тысячное население уезда приходилось всего 150 больничных коек и 25 хирургических. Доставка больных могла длиться несколько суток. И снова Валентин Феликсович спасал самых тяжелых больных.

В 1915 году он издал в Петрограде книгу «Регионарная анестезия» с собственными иллюстрациями. На смену прежним способам слейного

ра не нашлось даже экземпляра для отправки в Варшавский университет, где он мог бы получить за нее премию (900 рублей золотом).

В это же время состояние здоровья Анны Васильевны ухудшалось, Валентин Феликсович обнаружил у жены признаки туберкулеза легких. Узнав о конкурсе на должность главного врача Ташкентской городской больницы, немедленно подал заявку, поскольку в те времена у врачей бытовала уверенность, что туберкулез можно вылечить климатическими ме-

В

Переславле-Залесском Валентин Феликсович возглавил городскую, а затем фабричную и уездную больницы, а также военный госпиталь. Вообще на более чем 100-тысячное население уезда приходилось всего 150 больничных коек и 25 хирургических. Но, несмотря на все трудности, Валентин Феликсович продолжал спасать самых тяжелых больных...

пропитывания анестезирующим раствором всего, что надо резать, пришла новая, изящная и привлекательная методика местной анестезии, в основу которой легла глубоко рациональная идея прервать проводимость нервов, по которым передается болевая чувствительность из области, подлежащей операции.

В 1916 году Валентин Феликсович защитил эту работу как диссертацию и получил степень доктора медицины. Однако книгу издали таким маленьким тиражом, что у авто-

рами. Сухой и жаркий климат Средней Азии подходил идеально.

Войно-Ясенецкие прибыли в Ташкент в марте 1917-го. А в январе 1919-го в городе произошло антибольшевистское восстание. После его подавления на горожан обрушились репрессии: в железнодорожных мастерских вершила революционный суд «тройка», обычно приговаривавшая к расстрелу. В больнице лежал тяжелораненый казахий есаул В.Т. Комарчев. Валентин Феликсович отказался выдавать его

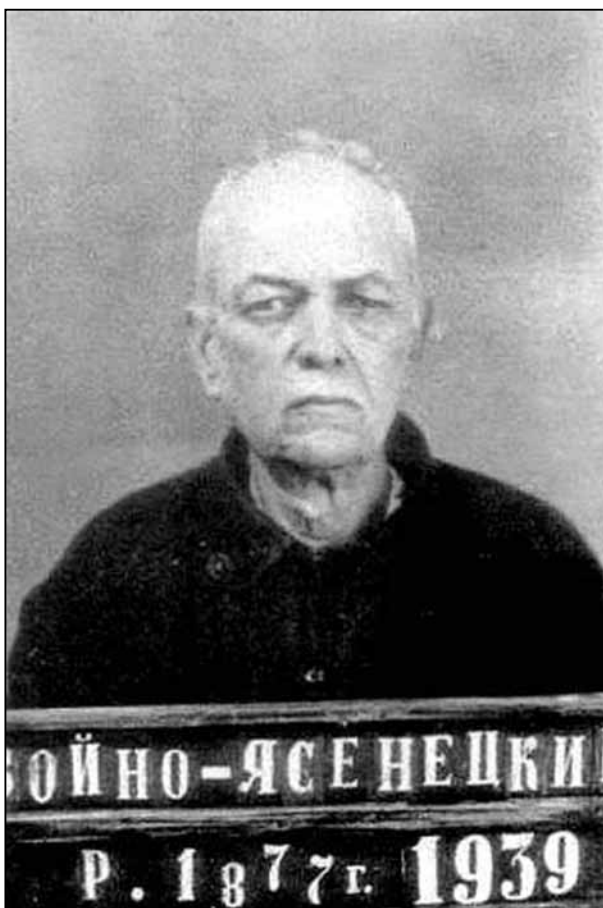
красным и тайно лечил, укрывая на своей квартире.

Некий служитель морга по имени Андрей, дебошир и пьяница, донес об этом в ЧК. Войно-Ясенецкий и ординатор Ротенберг были арестованы, но до рассмотрения дела их заметил один из известных деятелей Туркестанской ячейки РКП(б), который знал Валентина Феликсовича в лицо. Поговорив с ним, он освободил арестованных, и Валентин Феликсович вернулся в больницу, где сразу распорядился готовить

больных к операции, как будто ничего не случилось.

Арест мужа нанес здоровью Анны Васильевны серьезный удар, болезнь резко обострилась, и в конце октября 1919 года она скончалась. Валентин Феликсович остался с четырьмя детьми, старшему из которых было 12, а младшему — 6 лет. В дальнейшем дети жили у медицинской сестры из его больницы Софьи Сергеевны Белецкой.

Несмотря на все это, он продолжал вести активную хирургическую

практику и способствовал основанию в конце лета 1919 года Высшей медицинской школы, где преподавал нормальную анатомию. В 1920 году был образован Туркестанский государственный университет. Декан медицинского факультета П.П. Ситковский, знакомый с работами Войно-Ясенецкого по регионарной анестезии, добился его согласия возглавить кафедру оперативной хирургии.

Валентин Феликсович тяжело переживал кончину своей супруги, после чего его религиозные взгляды еще больше укрепились. Он регулярно посещал воскресные и праздничные богослужения, был активным мирянином, сам выступал с бе-

седами о толковании Священного писания. Под впечатлением его выступлений епископ Туркестанский и Ташкентский Иннокентий (Пустынский) предложил Валентину Феликсовичу стать священником, на что он сразу согласился. И уже через неделю был посвящен в чтеца, певца и иподиакона, затем — в диакона, а 15 февраля 1921 года в день Сретения — в иерея. И в больницу, и в университет отец Валентин стал приходить в рясе с крестом на груди, кроме того, он установил в операционной иконы Божьей Матери и каждый раз перед началом операции молился.

Весной 1923 года, когда съезд духовенства Ташкентской и Туркестанской епархии рассматривал отца Валентина в качестве кандидата на должность архиерея, под руководством ГПУ было сформировано Высшее Церковное Управление (ВЦУ), которое предписывало епархиям переходить к обновленческому движению. Под его давлением епископ Иннокентий был вынужден уехать из Ташкента. Отец Валентин и протоиерей Михаил Андреев взяли на себя управление епархиальными делами и сплотили вокруг себя священников — сторонников патриарха Тихона.

В мае 1923 года в Ташкент прибыл ссыльный епископ Уфимский Андрей (Ухтомский), который незадолго до того встречался с патриархом Тихоном, был им назначен епископом Томским и получил право

избирать кандидатов для возведения в сан епископа и тайным образом рукополагать их. Вскоре Валентин Феликсович был пострижен в монахи с именем Луки, и наречен епископом Барнаульским, викарием Томской епархии.

Ввиду невозможности отъезда в Барнаул, епископ Андрей предложил Луке возглавить Туркестанскую епархию. Получив согласие настоятеля кафедрального собора, епископ Лука отслужил свою первую воскресную всенощную литургию в кафедральном соборе.

И тут же в стенах ТГУ состоялся студенческий митинг, на котором было принято постановление с требованием увольнения профессора Войно-Ясенецкого. Он написал заявление об уходе.

На следующий день в газете «Туркестанская правда» появилась статья «Воровской архиепископ Лука», призывавшая к его аресту. Вечером 10 июня он был арестован.

Епископу Луке, а также арестованным с ним епископу Андрею и протоиерею Михаилу Андрееву были предъявлены обвинения по статьям 63, 70, 73, 83, 123 Уголовного Кодекса. Ходатайства прихожан и больных профессора об официальной выдаче заключенных были отклонены. 16 июня 1923 года Лука написал завещание, в котором призывал мирян оставаться верными патриарху Тихону, противостоять церковным движениям, выступающим за сотрудничество с больше-

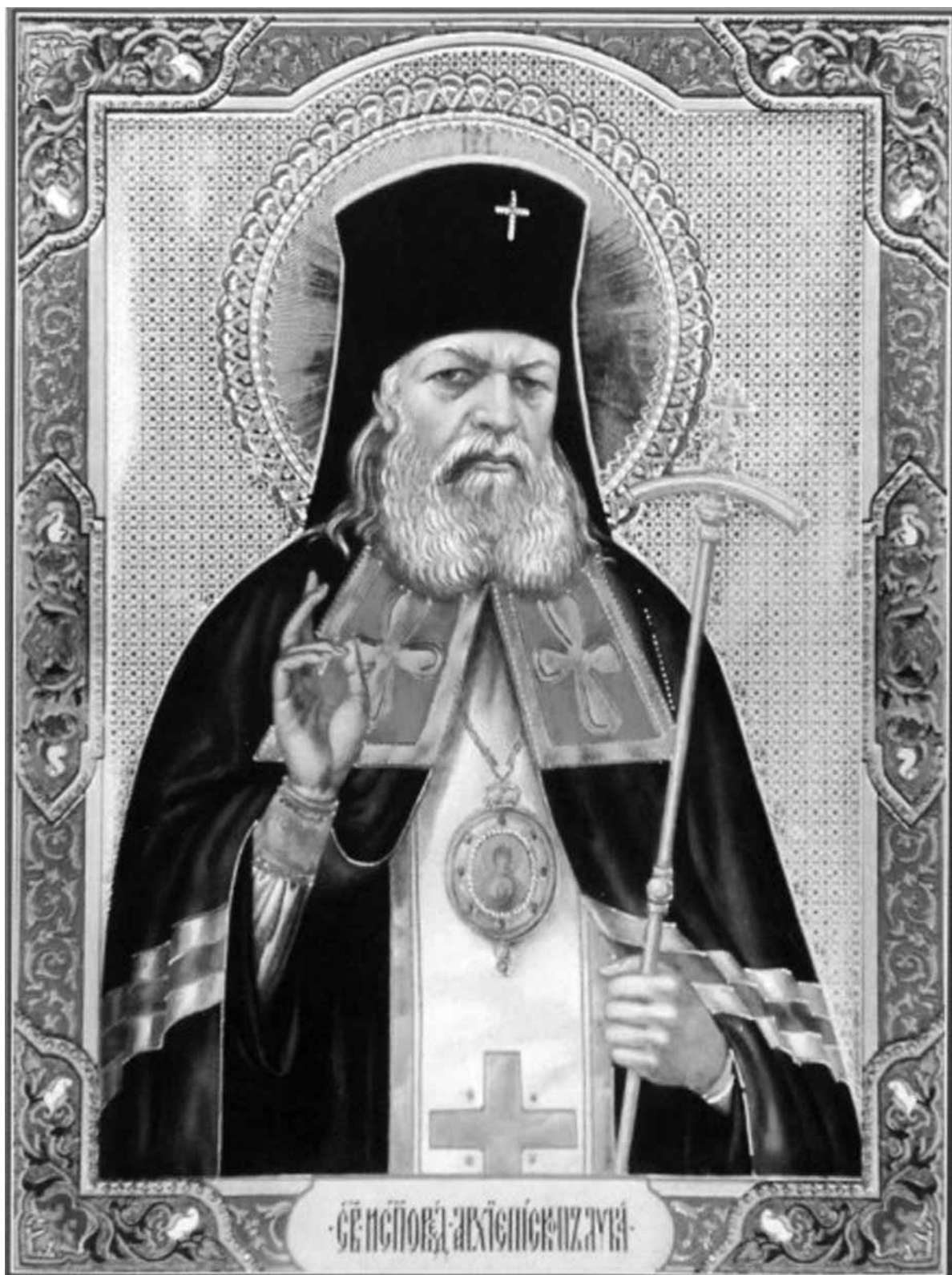
виками (оно было передано на волю через верующих сотрудников тюрьмы):

«... Завещаю вам: непоколебимо стоять на том пути, на который я наставлял вас. ...Идти в храмы, где служат достойные иереи, веprю не подчинившиеся. Если и всеми храмами завладеет веprь, считать себя отлученным Богом от храмов и ввергнутым в голод слышания слова Божьего.

...Против власти, поставленной нам Богом по грехам нашим, никак нимало не восставать и во всем ей смиренно повиноваться».

Учитывая политические соображения, слушание дела гласным порядком было нежелательным, поэтому оно было передано не в Реввоен трибунал, а в комиссию ГПУ. Именно в ташкентской тюрьме Валентин Феликсович закончил первый из «выпусков» (частей) давно задуманной монографии «Очерки гнойной хирургии». В нем шла речь о гнойных заболеваниях кожных покровов головы, полости рта и органов чувств.

9 июля 1923 года епископ Лука и протоиерей Михаил Андреев были освобождены под подписку о выезде на следующий день в Москву в ГПУ. Всю ночь квартира епископа была наполнена прихожанами, пришедшими проститься с ним, а утром, после посадки в поезд, многие прихожане легли на рельсы, пытаясь удержать святителя в Ташкенте.

Прибыв в Москву, святитель зарегистрировался в ГПУ на Лубянке. После долгого следствия 24 октября 1923 года комиссия ГПУ вынес-

ла решение о высылке епископа в Нарымский край, и Лука был переведен в Таганскую тюрьму, где находился пересыльный пункт. В кон-

це ноября он отправился в свою первую ссылку, местом которой был назначен Енисейск. Прибыв туда, он сразу стал вести прием, и желающие попасть к нему записывались на несколько месяцев вперед. Помимо этого, епископ Лука стал совершать богослужения на дому, отказываясь служить в обновленческих церквях.

Рост популярности епископа вынудил ГПУ отправить его в новую ссылку — в Туруханск. По прибытии епископа в Туруханск его встречала толпа людей, на коленях просившая благословения. Профессора вызвал председатель крайкома В.Я. Бабкин, который предложил сделку: сокращение срока ссылки за отказ от сана. Лука решительно отказался.

В Туруханской больнице, где Валентин Феликсович сначала был единственным врачом, он выполнял сложнейшие операции. Как-то к нему

вое, сами придумали. «А почему не назвали поленом или окном?» — поинтересовался профессор.

Эта женщина была женой председателя крайисполкома В. Бабкина, который написал заявление в ГПУ о необходимости повлиять на реакционера, распространяющего ложные слухи, представляющие «опиум для народа и являющиеся противовесом материальному мировоззрению, которое осуществляет перестройку общества к коммунистическим формам», и наложил резолюцию: «Секретно. Губуполномоченному — для сведения и принятия мер».

5 ноября 1924 года хирург был вызван в ГПУ, где с него взяли подписку о запрете богослужений, проповедей и выступлений на религиозную тему. Кроме того, крайком и лично Бабкин требовали отказа епископа от традиции давать

А

рест мужа нанес здоровью Анны Васильевны серьезный удар, болезнь резко обострилась, и вскоре она скончалась. Валентин Феликсович остался с четырьмя детьми на руках, старшему из которых было 12, а младшему — 6 лет. И хотя он тяжело переживал смерть любимой жены, все равно продолжал вести активную хирургическую практику.

на прием пришла женщина с больным ребенком. На вопрос, как зовут ребенка, ответила: «Атом», и объяснила удивленному врачу, что имя но-

благословение пациентам. Это вынудило Валентина Феликсовича написать заявление об уходе из больницы. Тогда за него вступился

отдел здравоохранения Туруханского края.

После трех недель разбирательств 7 декабря 1924 года Енгуботдел ГПУ постановил вместо суда избрать мерой пресечения гражданину Войно-Ясенецкому высылку в деревню Плахино в низовьях реки Енисей, в 230 км за Полярным кругом.

Последовало длительное путешествие по льду замерзшего Енисея. В день он проходил по 50–70 километров. Однажды Валентин Феликсович замерз так, что уже не смог самостоятельно передвигаться. Жи-

В начале марта в Плахино прибыл уполномоченный ГПУ, который сообщил о возвращении епископа в Туруханск. Власти Туруханска сменили решение после того, как в больнице умер крестьянин, нуждающийся в сложной операции, которую без Войно-Ясенецкого сделать было некому. Это так возмутило крестьян, что они, вооружившись вилами, косами и топорами, стали громить сельсовет и ГПУ. Епископ Лука вернулся 7 апреля 1925 года, в день Благовещения, и сразу включился в работу.

Р

ост популярности епископа Луки вынудил ГПУ отправить его в новую ссылку — в Туруханск. По прибытии туда епископа встречала толпа людей, на коленях просившая благословения. Профессора вызвал к себе председатель крайкома В.Я. Бабкин и предложил сделку: сокращение срока ссылки за отказ от сана. Лука решительно отказался

тели станка, состоящего из 3 изб и 2 земляных домов, радушно приняли ссыльного. Он жил в избе на нарах, покрытых оленьими шкурами. Мужчины поставляли ему дрова, женщины готовили и стирали. Рамы в окнах имели большие щели, через которые проникал ветер и снег, который скапливался в углу и не таял, вместо второго стекла были заморожены плоские льдины. В этих условиях епископ Лука крестил детей и даже пытался проповедовать.

А осенью в Туруханск пришло постановление об освобождении гражданина Войно-Ясенецкого, и он, провожаемый всеми прихожанами Туруханска, выехал в Красноярск, оттуда поездом отправился в Черкассы, где жили родители и брат Владимир, а потом снова вернулся в Ташкент.

Профессор Войно-Ясенецкий не был восстановлен на работу ни в городскую больницу, ни в университет. Пришлось заняться частной

практикой. По воскресным и праздничным дням он служил в церкви, а дома принимал больных, число которых достигало до четырехсот в месяц. Благодаря этому он пользовался большим авторитетом среди населения.

5 августа 1929 года покончил с собой профессор-физиолог Среднеазиатского (бывшего Ташкентского) университета И.П. Михайловский, который вел научные исследования по превращению неживой материи в живую и пытался воскресить своего умершего сына, итогом его работ стало психическое расстройство и самоубийство. Его жена обратилась к профессору Войно-Ясенецкому с просьбой провести похороны по христианским канонам (для самоубийц это возможно только в случае сумасшествия), и Валентин Феликсович подтвердил его сумасшествие медицинским заключением.

А осенью того же года в ОГПУ завели уголовное дело: убийство Михайловского якобы было совершено его «суеверной» женой, имевшей сговор с Войно-Ясенецким, чтобы не допустить «выдающегося открытия, подрывающего основы мировых религий».

Войно-Ясенецкого арестовали. Он обвинялся по статьям 10–14 и 186 п.1 УК УзССР. Валентин Феликсович объяснял свой арест ошибками местных чекистов и из тюрьмы писал руководителям ОГПУ с просьбами выслать его в сельскую местность Средней Азии, затем —

с просьбой выслать из страны. В качестве аргументов в пользу своего освобождения и отправки в ссылку он писал о скорой публикации «Очерков гнойной хирургии», которые пошли бы на пользу советской науке, и предлагал основать клинику гнойной хирургии.

Его просьба о ссылке была удовлетворена. Во второй половине августа 1931 года Войно-Ясенецкий прибыл в Северный край. Сначала он отбывал заключение в ИТЛ «Макариха» возле города Котлас, вскоре, на правах ссыльного, был переведен в Котлас, затем — в Архангельск, где вел амбулаторный прием. Однажды его вызвали в Москву, и особый уполномоченный коллегии ГПУ предложил профессору хирургическую кафедру в обмен на отказ от священнического сана, на что он ответил: *«При нынешних условиях я не считаю возможным продолжать служение, однако сана я никогда не сниму»*.

Весной 1934 года Войно-Ясенецкий возвратился в Ташкент, а затем переехал в Андижан, где оперировал, читал лекции, руководил отделением Института неотложной помощи. Здесь он заболел лихорадкой паппатачи, грозящей потерей зрения. Две операции на левом глазу не принесли результата, епископ ослеп на один глаз.

Тогда же, совершая восхождение на Памир, заболел бывший личный секретарь В.И. Ленина Н. Горбунов. Состояние его оказалось крайне

Валентин Феликсович с сыновьями

тяжелым, что вызывало всеобщее смятение, из Москвы о его здоровье лично запрашивал В.М. Молотов. Для его спасения в Сталинабад был вызван доктор Войно-Ясенецкий.

После успешной операции Валентину Феликсовичу было предложено возглавить Сталинабадский НИИ, он ответил, что согласится только в случае восстановления городского храма, в чем ему было отказано.

24 июля 1937 года Войно-Ясенецкий был арестован в третий раз. В вину епископу вменялось создание «контрреволюционной церковно-монашеской организации», проповедовавшей следующие идеи:

недовольство советской властью и проводимой политикой, контрреволюционные взгляды о внутреннем и внешнем положении СССР, клеветнические взгляды о компартии и вожде народов, пораженческие взгляды в отношении СССР в предстоящей войне с Германией, то есть преступления, предусмотренные ст. 66, ч. 1, ст. 64 и 60 УК УзССР.

Несмотря на длительные допросы методом «конвейера» (13 суток без сна), Лука отказывался признаваться в членстве в контрреволюционной организации и называть имена «заговорщиков». Вместо этого он объявил голодовку, продлившуюся 18 суток.

В начале 1938 года так ни в чем не признавшийся епископ Лука был переведен в центральную областную тюрьму Ташкента. Уголовное дело в отношении группы священников было возвращено из Москвы на исследование, и материалы в отношении Войно-Ясенецкого были выделены в отдельное уголовное производство. 29 марта 1939 года Лука, ознакомившись со своим делом и не найдя там большинства своих показаний, написал дополнение, приложенное к делу, где о его политических взглядах сообщалось:

«Что касается политической приверженности, я являюсь до сих пор сторонником партии кадетов... я был и остаюсь приверженцем буржуазной формы государственного управления, которая существует во Франции, США, в Англии... Я являюсь идейным и непримиримым врагом Советской власти. Это враждебное отношение у меня создалось после Октябрьской революции и осталось до сего времени ... так как не одобрял ее кровавых методов насилия над буржуазией, а позднее, в период коллективизации мне было особенно мучительно видеть раскулачивание кулаков.

... Большевики — враги нашей Православной церкви, разрушающие церкви и преследующие религию, враги мои, как одного из активных деятелей церкви, епископа».

Ввиду расстрела основных свидетелей, дело рассматривалось на Особом совещании НКВД СССР.

Приговор пришел только в феврале 1940 года: 5 лет ссылки в Красноярский край.

С марта 1940 года епископ Лука работал хирургом в районной больнице в Большой Мурте, что в 120 километрах к северу от Красноярска. Осенью 1940 года ему разрешили выехать в Томск, в городской библиотеке он изучал новейшую литературу по гнойной хирургии, в том числе на немецком, французском и английском языках. На основании этого было закончено второе издание «Очерков гнойной хирургии».

В начале Великой Отечественной войны он отправил телеграмму председателю Президиума Верховного совета СССР Михаилу Калинину:

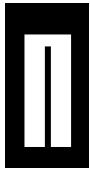
«Я, епископ Лука, профессор Войно-Ясенецкий... являясь специалистом по гнойной хирургии, могу оказать помощь воинам в условиях фронта или тыла, там, где будет мне доверено. Прошу ссылку мою прервать и направить в госпиталь. По окончании войны готов вернуться в ссылку. Епископ Лука».

Телеграмму в Москву не передали, но с октября 1941 года профессор Войно-Ясенецкий стал консультантом всех госпиталей Красноярского края и главным хирургом эвакогоспиталя. Он работал по 8–9 часов, делая 3–4 операции в день, что в его возрасте приводило к неврастении. Тем не менее, каждое утро он молился в пригородном лесу (в Красноярске в это время не осталось ни одной церкви).

27 декабря 1942 года епископу Луке, «не отрывая его от работы в военных госпиталях», было поручено управление Красноярской епархией с титулом архиепископа Красноярского. На этом посту он сумел добиться восстановления одной маленькой церкви в пригородной деревне Николаевка, расположенной в 5 километрах от Красноярска. В связи с этим и практически с отсутствием священников, за год архипастырь служил всенощную только в большие праздники и вечерние службы Страстной седмицы, а перед обычными воскресными службами вычитывал всенощную дома или в госпитале. Со всей епархии ему слали ходатайства о восстановлении церквей. Архиепископ отправлял их в Москву, но ответа не получал.

постоянным членом Священного синода, который собирался раз в месяц. Однако вскоре он отказался участвовать в деятельности Синода, так как длительность пути (около 3 недель) отрывала его от медицинской работы, и стал просить о переводе его в Европейскую часть СССР, мотивируя это ухудшающимся здоровьем в условиях сибирского климата.

В феврале 1944 года военный госпиталь переехал в Тамбов, и епископ Лука возглавил Тамбовскую кафедру. Кафедральным храмом архиепископа Луки стала открытая за полгода до его приезда в Тамбов городская Покровская церковь (вся епархия в 1944 году насчитывала три действующих храма), она практически не была обеспечена предметами богослужения: иконы и иные церковные принадлежности были

Под руководством архиепископа Луки за несколько месяцев 1944 года для нужд фронта было перечислено более 250 тысяч рублей на строительство танковой колонны имени Дмитрия Донского и авиационной эскадрильи имени Александра Невского. В общей сложности за два последних года войны было перечислено около миллиона рублей. За помощь Родине Лука был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне»

Летом 1943 года Войно-Ясенецкий впервые получил разрешение выехать в Москву, где участвовал в Поместном соборе, а также стал

принесены прихожанами. На архиерея оказывал постоянное давление местный уполномоченный, который узнавал о событиях из его

жизни через секретаря епархии протоиерея Иоанна Леоферова.

Под руководством архиепископа Луки за несколько месяцев 1944 го-

да для нужд фронта было перечислено более 250 тысяч рублей на строительство танковой колонны имени Дмитрия Донского и авиаэска-

дрильи имени Александра Невского. В общей же сложности за неполные два года было перечислено около миллиона рублей.

В феврале 1945 года архиепископ был награжден патриархом Алексием I правом ношения на клобуке бриллиантового креста, а в декабре за помощь Родине награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

В начале 1946 года постановлением СНК СССР с формулировкой «За научную разработку новых хирургических методов лечения гнойных заболеваний и ранений, изложенных в научных трудах "Очерки гнойной хирургии" и "Поздние резекции при инфицированных огнестрельных ранениях суставов"», профессору Войно-Ясенецкому была присуждена Сталинская премия первой степени в размере 200 тысяч рублей, из которых 130 тысяч рублей он передал детским домам.

Указом патриарха от 5 апреля 1946 года архиепископ Лука был переведен в Симферополь и стал консультантом Симферопольского военного госпиталя, где проводил показательные операции. Также читал лекции для практических врачей Крымской области в архиерейском облачении, из-за чего они были запрещены местной администрацией.

30 мая 1948 года на торжественном богослужении по случаю 25-летия своего архиерейского служения архиепископ Лука пропове-

довал на тему «Наука и религия», где сослался на Коперника, Пастера, Павлова и других верующих ученых, и добавил от себя: «Наука без религии — небо без солнца. А наука, облаченная светом, — это вдохновенная мысль, пронизывающая ярким светом тьму этого мира».

В 1955 году он ослеп полностью, что вынудило его оставить хирургию, и начал диктовать свои мемуары. В постсоветское время вышла автобиографическая книга «Я любил страдание...» В 1958 году он писал: «... как трудно мне было плыть против бурного течения антирелигиозной пропаганды, и сколько страданий причинила она мне и доныне причиняет».

Умер Войно-Ясенецкий 11 июня 1961 года в воскресенье, в День Всех Святых. На надгробии была высечена надпись:

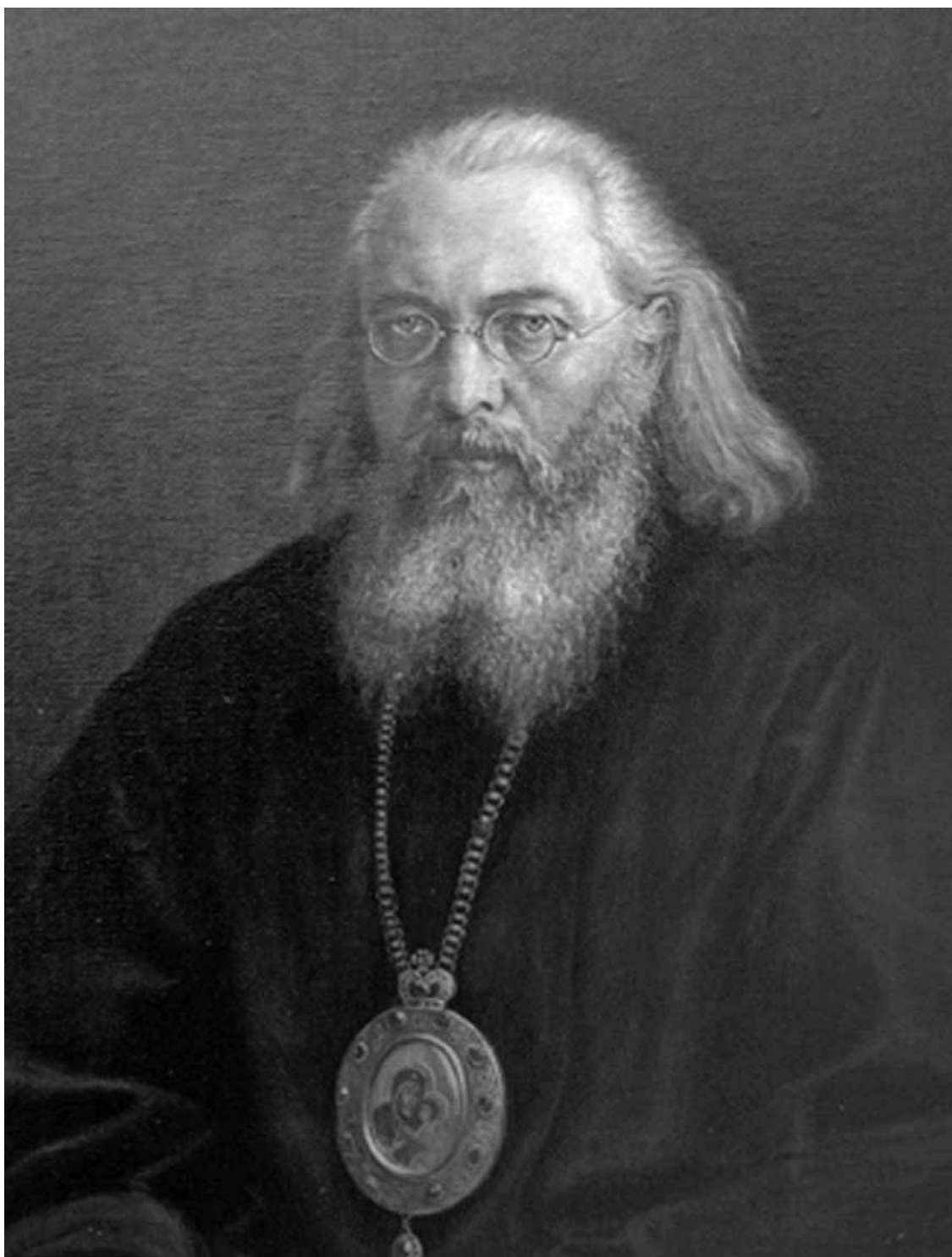
«Архиепископ Лука Войно-Ясенецкий

18 (27). IV.77 — 19 (11). VI.61

Доктор медицины, профессор хирургии, лауреат».

Был похоронен на Первом симферопольском кладбище, у храма Всех Святых. После канонизации православной Церковью в сонме новомучеников его мощи были перенесены в Свято-Троицкий собор. А в 2001 году из Греции привезли серебряную раку для его мощей.

Все дети профессора пошли по его стопам: Михаил и Валентин стали докторами медицинских наук, Алексей — доктором биологических

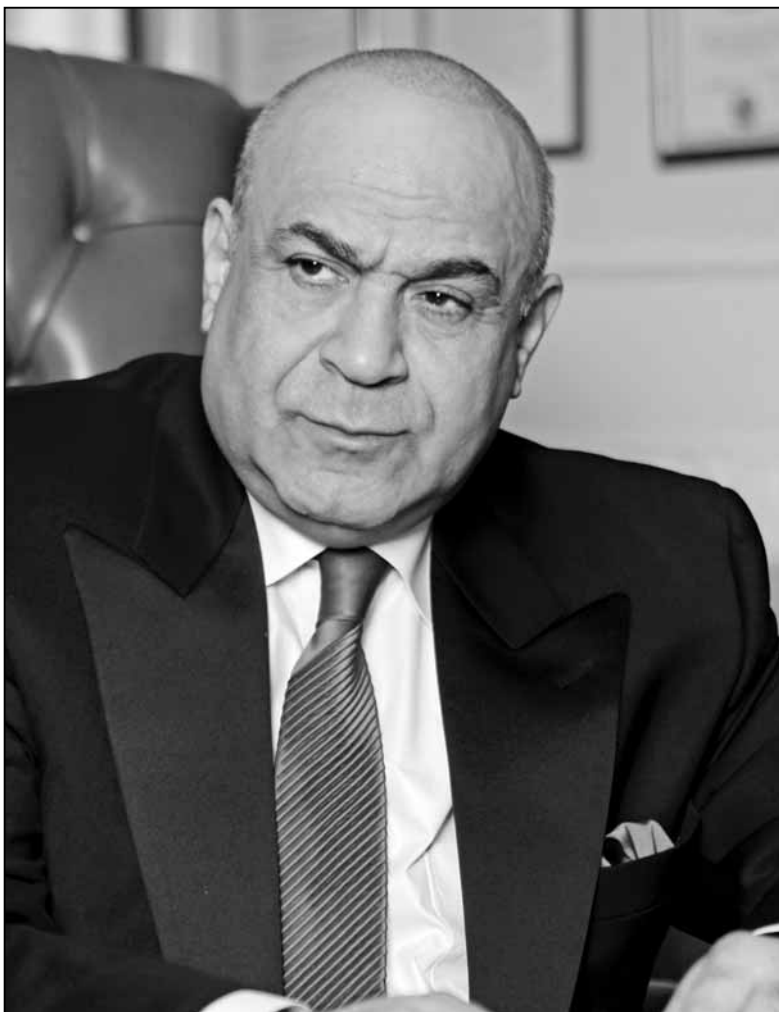
наук, Елена — врачом-эпидемиологом. Внуки и правнуки тоже ученые.

Заканчивая краткое описание жизненного пути человека, верующего врача, можно сказать: он был

лучше нас, и мы сегодня можем обратиться к нему, как посреднику, ходатаю перед Богом, с просьбой освятить нашу жизнь, наши дела:

«Святителю отче Луко, моли Бога за нас». □

С императорских еще времен адвокаты России являют собой образец достаточно закрытого сообщества. В стране, подавляющее большинство населения которой составляли крестьяне, другого и быть не могло. Адвокаты входили в элиту Российской империи, занимали в ней вполне устойчивое положение и являлись одним из «столпов» существовавшего тогда порядка.

Денис
Логинов

В «КРУГОВОРОТЕ СОЗДАНИЯ»

После Великой Октябрьской революции адвокатское сообщество претерпело серьезные трансформации. В советской «системе координат» юриспруденция, как и другие общественные практики, пребывала под мощным идеологическим давлением. В весьма «затравленном» состоянии оказалась именно адвокатура: «заточенная» на защиту конкретного

человека, его интересов и прав, она по определению не соответствовала коллективистскому коммунистическому императиву.

Только с началом «демократического» периода нашей истории, который принято отсчитывать с 12 июня 1990 года, когда Первым съездом народных депутатов РСФСР была принята декларация о государственном суверенитете РСФСР, мир российской адвокатуры стал все больше и больше открываться согражданам. В первую очередь благодаря наиболее ярким представителям адвокатского сословия, которые понимали, что их время пришло, и теперь только от них самих зависит, какое место они займут в стремительно менявшемся социуме... Как раз к таким людям относился Гасан Борисович Мирзоев — один из наиболее эффективных российских адвокатов, участник громких процессов, который, кроме отличной репутации, имел еще и собственное представление о том, как строить институт адвокатуры именно демократического гражданского общества.

Список регалий Гасана Мирзоева обширен — президент Гильдии российских адвокатов, президент Международной ассоциации русскоязычных адвокатов, ректор Российской академии адвокатуры и нотариата, председатель Коллегии адвокатов «Московский юридический центр», доктор юридических наук, профессор по кафедре адвокатуры и нотариата, действительный член (академик) Российской академии адвокатуры, Российской академии естественных наук (РАЕН), почетный доктор Бридчпортского университета (США), почетный доктор философии университета «EuroSwiss», депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации и Парламентского собрания Белоруссии, обладатель звания «Заслуженный юрист РФ», кавалер многих государственных, профессиональных и общественных наград и так далее.

Родился Гасан Борисович 11 декабря 1947 года в Баку — столице Азербайджанской ССР. Его отец, Борис Натанович Евдаев, годом ранее окончил Бакинский железнодорожный техникум и был назначен главным инженером железнодорожного депо города Грозного. Там и состоялась

свадьба молодого железнодорожника с Дорой Алхазовой, а через год в молодой семье появился первенец.

Сразу бросается в глаза: отец — Евдаев, а Гасан Борисович — Мирзоев... Как такое возможно? На Кавказе, всем известно, свято чтут фамилию рода!

— Я вам больше скажу: при рождении меня называли Григорием, а Гасаном я стал уже будучи взрослым, сознательно переменив имя и фамилию в июле 1969 года... Знаете, до Октябрьской революции на Кавказе ни у кого не было фамилий. После революции советская власть принялась эту ситуацию быстро «исправлять». У моего прадеда Евдо было два сына; один взял фамилию Евдаев — по имени отца, а второй стал Ифраимовым.

Итак, изначально я был Григорием Борисовичем Евдаевым. И понятия не имел, что еще в конце XIX века два старинных кавказских рода оказались в состоянии кровавой междоусобицы, потому что юноша из одной семьи убил юношу из другой. Что там и как произошло — история не сохранила, но «кровная месть» продолжалась долго! Как раз к моему рождению оба рода, можно сказать, оказались на грани выживания — в том числе из-за Великой Отечественной войны, в которой участвовали представители обоих семейств, сложив головы за Родину. И тогда старейшины — мой дедушка Натан, у которого остались двое сыновей, и его друг, живущий по соседству, Мирза, у которого остался в живых один сын, встретились и решили междоусобицу прекратить. Однако, согласно обычаю, для этого необходимо было, чтобы дети в этих семьях поменялись именами и фамилиями. Я уже родился, и меня уже называли Григорием, но дедушка Натан по-

обещал другу Мирзе, что, когда я вырасту, сам решу, как мне поступить.

Мы — таты, горские евреи, малочисленный, но уважаемый на Кавказе народ. В том числе и потому уважают нас, что держим мы не только свое собственное слово, но и обеты наших предков. Поэтому в 1969 году, когда мне рассказали эту историю, я не колебался — стал Гасаном Мирзоевым, сохранив только свое природное отчество...

Отец Гриши поступок сына принял как должное. Сам Борис Натанович был полностью человеком своего времени. Когда началась Великая Отечественная война, он прибавил себе в документах два года и с тремя товарищами сбежал на фронт. Но, на его «несчастье», домой вернулся комиссованный по ранению и назначенный заместителем военного комиссара старший брат Юрий Натанович, немедленно организовавший поиски беглеца.

Отыскали Бориса Натановича под Моздоком, где его уже зачислили в железнодорожные войска... Потом он часто упрекал брата за то, что тот так и не дал ему повоевать.

Однако из железнодорожных войск, входивших тогда в систему советского Министерства обороны, Борис Натанович не ушел. По служебной необходимости объездил весь регион, вместе с ним колесила и семья. Когда он работал в Грозном, в 1949 и 1950 годах у Гриши появились брат и сестра. В 1950-м Бориса Натановича перевели в город

Георгиевск Ставропольского края одним из руководителей Северо-Кавказской железной дороги, а в 1964-м его назначили главным инженером службы пути Закавказской железной дороги, и он с семьей вернулся в Баку. В дальнейшем Борис Натанович в Московском институте железнодорожного транспорта защитил кандидатскую диссертацию, стал заслуженным изобретателем СССР (на его счету значилось более 150 изобретений!), в том числе многофункциональный рихтовочный прибор, который до сих пор пользуется спросом...

— Отец в моей судьбе сыграл, без всякого преувеличения, исключительную роль, — признается Гасан Борисович. — Для меня он был и остается образцом Человека — именно с большой буквы! — и Человечности... Всю жизнь работал, стал генерал-полковником, докторскую диссертацию написал, жаль, защитить не успел: умер, когда ему было всего 57 лет. Но те «уроки жизни», которые он нам, своим детям, преподал, даром не пропали. Мы передали их своим детям, а они сейчас передают своим...

В первый класс Гриша Евдаев пошел в Георгиевске на Ставрополье, а восьмилетку закончил уже в Баку. Дальше были работа на заводе и вечерняя школа. Райком комсомола направил смышленного и активного парнишку в комсомольский оперативный отряд по борьбе с преступ-

ностью, где он стал комиссаром. Получив аттестат зрелости, по направлению милиции Гриша в 1967 году поступил на очное отделение юрфака Азербайджанского госуниверситета. Уже на третьем курсе, в 1969-м, его приняли на штатную должность оперативного дежурного третьего отделения милиции Наримановского района Баку.

— На заводе я освоил профессию рабочего-оператора и, кстати, хорошо зарабатывал, даже больше отца! — говорит Гасан Борисович. — Но с детских лет мечтал о милиции: бороться с преступниками, людей защищать, погони, перестрелки — киношная романтика, короче. Так что на юридический шел целенаправленно, хотя поступить туда даже по направлению из «органов» было совсем не просто... Отец мне сразу советовал нацеливаться на адвокатуру, но словам его тогда значения я не придавал, самонадеянно считая, что моя стезя — только милицейская.

Став студентом, я решил, что учебу надо обязательно совмещать с практикой. Поэтому, добившись разрешения работать, с 9 утра до 13 дня я учился, а с 17 часов заступал на дежурство. Ловил воров, бандитов, хулиганов — обо мне даже в газетах писали!.. Однажды задержал вора, как потом оказалось — не обычного, а племянника министра образования республики, который, в свою очередь, был родственником секретаря ЦК компартии

Азербайджана. Задержанный признался во многих кражах. О своих преступлениях он говорил очень свободно, попивая чаек, протокол подписать наотрез отказался и, посмеиваясь, заявил, что утром его обязательно освободят... Так оно и вышло, хотя я сам ходил к прокурору за санкцией на арест. Единственное, что успел сделать, — пальчики этого деятеля «откатал» и в милицейскую базу данных поместил...

Случай тот имел для Гасана Мирзоева весьма неожиданные последствия. За отказ отпустить родственника «уважаемого человека» его самого стали «прессовать»: как это он умудряется учиться и работать, стипендию и зарплату получать? Непорядок, незаконно... Пришлось ему переводиться на заочное отделение юрфака. При этом он утратил право на отсрочку от армии, и его буквально через неделю отправили «отдавать Родине священный долг». Случилось это в ноябре 1971 года. Сначала его отправили в Брест, оттуда в Калинин (теперь Тверь), в Бреславское Краснознаменное авиационное соединение. В июле 1972 года он участвовал в ликвидации лесных пожаров в Подмосковье и получил первую в своей жизни государственную награду — медаль «За отвагу на пожаре».

А потом в часть из Баку пришло письмо за подписью начальника управления милиции города Баку Мехтиева Б.М., в котором армейское командование просило направ-

вить Мирзоева для прохождения дальнейшей службы в органы милиции Азербайджана, учитывая проявленные им мужество и принципиальность при задержании опасного преступника... Как оказалось, сработали «пальчики» племянника министра. Возглавивший республиканскую партийную организацию Г.А. Алиев стал наводить порядок, избавляясь от нечистых на руку функционеров сверху донизу. Был снят и тот самый секретарь ЦК компартии Азербайджана, покрывавший родственника-вора. А вскоре поймали и самого преступника. Благодаря тому, что его отпечатки имелись в базе, вскрылась причастность этого человека к целому ряду краж. Скандал вышел наружу — тогда и вспомнили о молодом оперативнике.

Но свою часть, где его ценили и командиры, и товарищи, Гасан Борисович покидать не захотел. В Баку вернулся только после демобилизации, восстановился на 4-й курс заочного отделения юрфака университета, в 1976-м защитил диплом с отличием и начал работать в Министерстве строительства автомобильных дорог Азербайджана старшим юрисконсультантом.

— В Министерстве строительства автомобильных дорог республики все складывалось у меня вполне успешно, — вспоминает Гасан Борисович. — Карьера, как говорится, шла в гору, но опять появилось ощущение, что занимаюсь я не своим

делом. Вот тогда и вспомнил совет отца по поводу адвокатуры. Подумал-подумал — и в 1977 году снова резко изменил свою судьбу: прошел собеседование, и стал адвокатом, членом Коллегии адвокатов Азербайджанской ССР. Через год меня назначили заведующим новой юридической консультацией №13 в Шаумяновском районе Баку. Мне самому пришлось создавать ее буквально с нуля, но всего пару лет спустя наша консультация заняла первое место среди Коллегий адвокатов СССР...

Кроме адвокатской практики и обустройства своей коллегии, Гасан Борисович сразу активно включился в общественную работу. В 1977 году его избрали депутатом поселкового совета, через два с половиной года — депутатом районного совета, потом и городского, где он стал председателем комиссии по соцзаконности... Вдумчивого депутата и успешного адвоката, конечно, не могли не заметить партийные инстанции, тем более что Мирзоев, по примеру отца, осознанно вступил в партию. Гасана Борисовича вызвали в ЦК компартии Азербайджана и объявили, что его решено отправить на работу в Москву.

В Москве Мирзоева встретили хорошо, показали кабинет и предложили со следующего дня приступить к работе. Однако в коридоре Верховного Совета, недалеко от «приемной Калинина» он неожиданно встретил Виктора Васильевича Най-

денова — главного государственного арбитра Советского Союза. Познакомились они в Баку в ходе расследования одного из резонансных дел конца 1970-х годов, когда Найденов еще был первым заместителем Генерального прокурора Союза... Узнав о планах Гасана Борисовича, Виктор Васильевич немедленно предложил ему другую перспективу. И на следующий день Мирзоев вместо Президиума Верховного Совета получил назначение на должность государственного арбитра города Москвы.

На этой работе Гасан Борисович все чаще сталкивался с проблемами нарождавшегося во второй половине 1980-х годов института малого и среднего предпринимательства. С точки зрения существовавшего на тот момент законодательства, сфера эта представляла собой пустошь — ведь в советское время никакого частного предпринимательства не было и не могло быть...

— У государственных арбитров работа тогда значительно усложнилась, — говорит Гасан Борисович. — Каждый связанный с предпринимательством случай требовал тщательного исследования. Нужны были очень специфические знания, и мы с моими коллегами, государственными арбитрами Москвы Аллой Видякиной, Галиной Комаровой, Ольгой Высокинской и Ольгой Поповой, решили получить дополнительно высшее экономическое образование, чтобы разбираться в хо-

заявленных вопросах досконально. Три года после работы ездили в Институт управления имени Серго Орджоникидзе, и своего добились.

Кооперативное движение ширилось, а законодательная база все не появлялась. Когда в мой кабинет государственного арбитра приходили руководители первых предпринимательских структур, товариществ, появившихся частных банков, я, в принципе, не имел права давать им юридические консультации. Приходилось нарушать закон — потому что людям требовалась специфическая юридическая помощь, которую им практически никто в действовавших тогда консультациях оказать не мог. И я вдруг задумался о том, что моя работа в госарбитраже, в принципе, может быть трансформирована в нечто такое, что позволит мне снова заниматься тем, к чему я постоянно стремился, — защищать людей и помогать им. Живая адвокатская практика — вот чего мне снова не хватало...

Замечательная черта Гасана Борисовича — задумав нечто стоящее, он немедленно приступает к осуществлению идеи, детализируя общий «стратегический замысел» уже по ходу дела. Яркий пример тому — создание по инициативе Мирзоева при Мосгорисполкоме первой в СССР государственной юридической структуры нового типа — Московского государственного центра правовой помощи предприятиям по предупреждению правонарушений

(сокращенно — Мосюрцентр Мосгорисполкома или Мосюрцентр), который начал свою работу 10 марта 1989 года. Основные задачи Мосюрцентра были сформулированы предельно конкретно: оказание юридической помощи гражданам и юридическим лицам, правовое обеспечение предпринимательской деятельности в условиях рыночных преобразований, защита прав и законных интересов предпринимателей. Генеральным директором рожденной новым временем структуры стал Гасан Мирзоев.

— Обосновались мы на Земляном Валу, — с видимым удовольствием вспоминает Гасан Борисович. — Конечно, сказались профессиональные связи и добрые отношения, наработанные мною на поприще государственного арбитража. В итоге довольно быстро у нас появилась отличная материальная база и около 300 специалистов высочайшего класса, способных оказать помощь по самому широкому спектру вопросов.

Вскоре я обратился к председателю Московской городской коллегии адвокатов с просьбой принять наш коллектив в коллегии на правах юридической консультации. Председатель мне отказал без объяснения причин... Я понимал, что наше «вторжение» способно серьезно «размыть» вековые традиции чрезвычайно замкнутого, узко-корпоративного института российской адвокатуры. Его «старожилы» считали своим

долгом до последнего сопротивляться демократическим веяниям, сохраняя верность давно уже изжившим себя догматам. Мне стало совершенно ясно, что «продавить» эту стену лобовым способом будет непросто, а может и вообще невозможно. Существовал только один путь — организовать новую коллегию. Решение созрело быстро, а вот его воплощение в жизнь заняло несколько лет...

В 1991 году Гасана Борисовича вызвал к себе вице-президент А.В. Руцкой и предложил отправиться в США для работы в официальном представительстве миссии Российской Федерации при ООН. По прибытии его назначили заместителем генерального директора Российского торгового и культурного Центра в Нью-Йорке.

— Зарплату установили по тем временам очень высокую — 5500 крутых тогда для всех россиян американских долларов, а еще дали машину, — говорит Гасан Борисович. — Офис находился в одной из «башен» Всемирного торгового центра, который взорвали 11 сентября 2001 года. Заниматься пришлось спасением российских денег. Дело спорилось, это видели не только мои сослуживцы и руководители, но и американцы. Кроме прочего, я находил время и для самообразования: посещал суды, изучал материалы и опыт работы американских адвокатских контор. Отсюда,

собственно, и успехи. Не случайно вскоре мне стали поступать официальные предложения от американских адвокатских фирм, предлагавших и 150, и 300 и даже 500 тысяч долларов в год.

Но, несмотря на насыщенную и очень интересную жизнь, мне все больше хотелось домой. Не только многие друзья, но даже жена не поняли моего стремления вернуться на родину — от таких-то заманчивых «хлебов»... А объяснялось все очень просто. Не хочу обидеть американцев, но за довольно длительное время пребывания в Америке я так и не почувствовал того «воздуха свободы», о котором обычно вещают применительно к США, имея в виду пресловутую «американскую мечту». Несмотря ни на что, любимая Россия представлялась мне гораздо более свободной и давала существенно больше возможностей для развития и роста.

Как известно, у каждого человека имеется немало «скелетов в шкафу». Адвокаты в этом смысле могут многое рассказать... Историю своего «хождения за океан» Гасан Борисович дополняет весьма любопытными рассказами, красочно отображающими характер тех шальных лет.

В собственности СССР находились пять этажей в одной из «башен» Всемирного торгового центра в Нью-Йорке. Время было смутное, и существовала высокая вероятность того, что в быстром потоке

событий значимые государственные активы могут вдруг «испариться»...

— Немалое число сотрудников миссии, по советской традиции, были чекистами, — рассказывает Гасан Борисович. — Шестикомнатные апартаменты на одном из «советских» этажей были оборудованы под жилье. Туда я по приезду и «подсел» к капитану и майору. Нашей задачей было изображать активную деятельность по сдаче помещений в аренду — чтобы ни у кого не возникло желание завладеть «бесхозным» имуществом. Жили мы вполне дружно, но однажды я чисто случайно услышал разговор моих товарищей, из которого следовало, что они сами не прочь «погреть руки» на доверенных их попечению площадях. Нашлись американские фирмы, готовые заплатить огромные деньги за передачу им пресловутых этажей. Совершить мошенническую операцию без меня они не могли, поэтому решили предложить не бескорыстную сделку, а если я не соглашусь — «нейтрализовать»... Пока они разрабатывали свою «операцию» по моему вовлечению в сговор, я сообщил обо всем в Москву.

Буквально на следующий день меня вызвали к главе миссии Воронцову Ю.М. Из Москвы срочно прилетели люди, которым я дал подробные объяснения. От них и узнал, кроме прочего, что СССР больше нет... Что же касается сути дела, по которому меня пригласили, выяснилось, что оба моих соседа по апар-

таментам уже давно находились «в разработке». Их, как говорится, «прослушивали», пытаюсь выяснить характер преступных намерений. Моя информация лишь расставила точки над «і»... Они, правда, почувствовав опасность, успели скрыться. Дорога на родину была им, само собой, заказана. Потом кто-то сказал мне, что оба пошли на сотрудничество с американскими спецслужбами, которые и помогли им остаться в Штатах по программе защиты свидетелей.

Вскоре после этих событий я улетел в Москву. Правда, долго там не задержался, так как всего через неделю после возвращения из США меня отправили в Приднестровье. В Тирасполе я был статс-секретарем, заместителем министра внутренних дел и курировал связи с МВО Приднестровской Республики и России. По спецпредставлению приднестровского министра внутренних дел Указом президента ПМР стал генерал-майором милиции. Через некоторое время меня окончательно отозвали в Москву...

Отправляясь в США, Гасан Борисович формально продолжал оставаться генеральным директором «Мосюрцентра», передав практическое ведение дел своему заместителю... Каково же было его удивление, когда, вернувшись в родные стены, он обнаружил, что оборотистый зам уже «списал» его со счетов и занялся собственным «бизнесом». Всту-

пив в сговор с одной из преступных группировок, наводнивших тогда Москву, он начал благополучно реализовывать имущество «Мосюрцентра» по смехотворным ценам. Мирзоев, по счастью, успел вернуться до того, как он передал здания органи-

зации и прилегающую к ним территорию в руки бандитов.

Встреча настоящего руководителя и его зама по понятным причинам получилась напряженной. Бывший подчиненный, успевший даже сменить табличку на двери

директорского кабинета, нагло заявил Мирзоеву, что его время ушло, что теперь он здесь всем «рулит». А в доказательство своих «преимуществ» продемонстрировал за окном вооруженных автоматами «соратников», потребовав, чтобы Мирзоев, как говорится, «очистил помещение».

— «Аргументы» зама-ловкача крыть было, на первый взгляд, нечем, — рассказывает Гасан Борисович. — Но и покинуть «поле боя» означало лишиться результатов немалых моих усилий без особой надежды отыграть когда-нибудь все обратно. Я решил «взять паузу» — попросил зама дать мне возможность собрать свои вещи. Он великодушно разрешил. Я вышел в другую комнату, лихорадочно размышляя, что предпринять. Достал телефон, посмотрел список номеров — есть! Когда-то я успешно защитил в суде одного авторитета по кличке «Зверь». Ему и позвонил.

Он выслушал мой рассказ и предложил немного подождать. Через какое-то время в мою дверь постучали. Открыв, я увидел компанию весьма колоритных личностей. «Борисыч! — обратился ко мне их предводитель. — Ты прости, мы ж не знали, с кем дело имеем... Петух этот, — указал он на зама, — понаобещал нам всякого. Хорошо, Зверь, то есть Виталик, все прояснил. В общем, извиняемся за хлопоты и все такое».

Ушли они только после того, как я дал им слово, что проблема исчер-

пана... Пришедший в себя зам собственноручно снял табличку со своей фамилией с двери моего кабинета, скороговоркой извинился и испарился. После этого я встретил его еще один раз через несколько лет на каком-то общем мероприятии. От меня он шарахался как черт от ладана. Я сам к нему подошел, спросил, почему он так нервничает. «Виноват я перед вами, Гасан Борисович, очень виноват, — ответил он». «Бог тебе судья, — сказал я, — живи с миром, зла на тебя не держу». Больше мы с ним не пересекались...

В Москву Мирзоев возвратился в середине октября 1993 года. Приобретенный в Америке опыт наконец позволил ему реализовать давнюю мечту — в ноябре 1993 года постановлением Правительства Москвы по представлению Министерства юстиции РФ «Мосюрцентр» Правительства Москвы был преобразован в Коллегию адвокатов «Московский юридический центр». Руководство России по достоинству оценило и заграничную работу Гасана Борисовича, и его новое начинание: в начале 1994 года он получил звание «Заслуженный юрист Российской Федерации».

Под руководством Мирзоева Коллегия адвокатов «Московский юридический центр» быстро приобрела признание и авторитет в среде российского адвокатского сообщества, российских бизнесменов и предпринимателей. Не случайно в 1997 году она стала лауреатом премии «Фе-

мида-97» в номинации «Экономика и право»...

— Все тогда делалось на удивление быстро, — вспоминает Гасан Борисович. — Вот и Гильдию адвокатов России мы учредили буквально в считанные часы. Началось все с того, что 24 сентября 1994 года в Москве открылся Первый Всероссийский съезд адвокатов. Съехались на него представители адвокатских коллегий практически со всей страны. Планировалось впервые за всю историю российской адвокатуры создать некий коллегиальный орган, который бы управлял жизнью адвокатского сообщества.

Надо заметить, что попытки объединения российских адвокатов предпринимались с 1907 года — и ни одна из них не была успешной. Союз адвокатов СССР появился только в последний год существования советского государства, а после его распада он трансформировался в Международный союз (Содружество) адвокатов. В 1991 году родилась Ассоциация адвокатов России во главе с Алексеем Никифоровичем Малаевым. Чуть раньше был зарегистрирован Союз адвокатов России, руководителем которого стал Алексей Павлович Галоганов... Каждая организация, естественно, считала себя наиболее репрезентативной в смысле защиты интересов большинства российских адвокатов...

Договориться на съезде представителям старых и новых коллегий так и не удалось, поскольку «стари-

ки», не желая слушать аргументы «новых» и искать компромисс, попытались «продавить» свою точку зрения в административном, скажем так, порядке. 43 делегата новых коллегий покинули конференц-зал Министерства юстиции РФ, и мы собрались в нашем «Московском юридическом центре». Там через час напряженной работы и была учреждена Гильдия российских адвокатов. С этого, в общем-то, и началось реальное корпоративное объединение адвокатов страны...

Возглавив Гильдию российских адвокатов, Гасан Борисович быстро ощутил всю тяжесть этой работы в обстановке полного отсутствия юридической базы, которая регулировала бы жизнь адвокатского сообщества. Именно с целью устранения этого препятствия Мирзоев в 1999 году решил принять участие в избирательной кампании в Госдуму России и стал депутатом Думы, поставив перед собой в том числе цель добиться принятия закона «Об адвокатской деятельности».

— По большому счету, — объясняет Гасан Борисович, — передо мной стояла задача формализовать, то есть вписать в рамки складывавшейся государственно-общественной структуры, «правовой матрицы» оказания институтом адвокатуры гарантированной Конституцией России юридической помощи гражданам, организациям и предприятиям всех форм собственности. Действо-

вавшее «Положение об адвокатуре» 1980-х годов, в силу произошедших в стране и обществе перемен, превратилось в чистый анахронизм. Многие в нашем сообществе понимали, что мы подошли к черте, за которой жить далее без своего регулирующего закона адвокатура не может ни в сфере выстраивания адекватных взаимоотношений с государством, ни в процессуальном плане, ни в плане собственного организационно-правового статуса, ни в вопросах внутренней структуры. Разделенные на два противоборствующих лагеря «новые» и «старые» адвокатские коллегии никак не могли договориться по важным для всех вопросам. В итоге адвокаты становились все бесправнее, превращаясь на судебных процессах в чисто номинальную фигуру...

В Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации III созыва Мирзоев стал заместителем председателя Комитета Государственной Думы по государственному строительству, что позволило ему инициировать процесс подготовки закона об адвокатуре. В начале 2001 года на рассмотрение Госдумы поступили четыре проекта такого закона, которые многим специалистам казались весьма провокационными. Ну, например, некими силами упорно лоббировалось преимущество иностранных юридических компаний перед отечественными, статус коллегии российских адвокатов низводился то

ли к кооперативу, то ли к частной лавочке, то ли к чему-то среднему между ними. Таких, мягко говоря, несуразностей было немало, и в институте российской адвокатуры в любой момент готова была сработать бомба огромной разрушительной силы.

— Сам я был сторонником линии, которая предлагала прописать общие крупные моменты, а частности, связанные с практикой адвокатской деятельности, жестко не структурировать, — говорит Гасан Борисович. — Естественно, мы сопротивлялись любым попыткам участия государства в формировании органов самоуправления адвокатуры или в процедурах приема в адвокатское сообщество новых членов.

В феврале 2002 года на праздновании 10-летия арбитражных судов Российской Федерации в Колонном зале Дома союзов состоялся знаменательный для меня разговор с Президентом России Владимиром Владимировичем Путиным. Перед этим мы довольно горячо поспорили на комитете Госдумы с Дмитрием Николаевичем Козаком, и я в полемическом задоре спросил его, не хочет ли власть ввести для адвокатов контроль и надзор государства, а то и вообще сразу 37-й год... На фуршете Владимир Владимирович вдруг спросил меня: «А чем недовольны наши адвокаты?» И я понял, что он в курсе ведущихся в наших кругах жарких баталий. Означать это могло лишь одно: судьба российской адвокатуры

Президенту России, как минимум, не безразлична.

Понимая, что время у меня ограничено, я коротко изложил Владимиру Владимировичу мои и моих коллег сомнения относительно проекта, который со дня на день собирались передать ему на подпись. Владимир Владимирович предложил отправить в Гильдию российских адвокатов группу своих помощников по правовым вопросам, чтобы голос широкого адвокатского сообщества страны был услышан и учтен.

Разговор произошел 22 февраля, а 23-го мне позвонили из приемной Президента, предупредив о том, что к нам направлена команда юристов... Я много раз слышал о том, что Путин — человек дела, но подобной оперативности, честно говоря, не ожидал. Такого руководителя государства, даже если сильно не хочешь — все равно заважаешь!

Работа, что называется, закипела без какой-либо раскачки. Были последовательно рассмотрены буквально все, в том числе и мои, поправки в законопроект об адвокатской деятельности и адвокатуре... До сих пор с удовольствием вспоминаю те напряженные обсуждения. Мы по-честному взвешивали нормы и допустимость их принятия всеми заинтересованными сторонами. Наконец к маю завершили многочисленные «утряски».

Мне поручили доложить проект закона в третьем последнем чтении на заседании Государственной Думы. А 31 мая 2002 года Федеральный

закон Российской Федерации «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» подписал Президент России...

При общении с Гасаном Борисовичем поражает исходящая от него и буквально физически ощущаемая «энергия созидания». На самом деле, совсем не многие из нас, что называется, «заточены» на благоустройство окружающей жизни, общества и общественных отношений. Когда видишь список достигнутых подобными людьми результатов, неожиданно понимаешь, что стержневой для них является именно «миссия созидания» — неисчерпаемая по определению.

Мирзоев, безусловно, один из «созидателей». Начав с создания Коллегии адвокатов «Московский юридический центр» и Гильдии российских адвокатов, Гасан Борисович дал жизнь Российской академии адвокатуры и нотариата, активно участвовал в учреждении журналов «Адвокатские вести», «Российский адвокат», «Ученые труды РААН» (все — выходят по настоящее время), в ассамблеях Международной и Европейской ассоциации юристов, в Комитете по награждению адвокатскими наградами имени Ф.Н. Плевако и знаком «Почетный адвокат России», в координационном Совете Общероссийской общественной организации «Юристы за права и достойную жизнь человека», в Российской академии бизнеса и предпринимательства, в Федеральном союзе адвокатов России

и в Центральном совете адвокатских объединений России. Помимо этого, Гасан Борисович — член Совета при Президенте РФ по вопросам совершенствования правосудия, действительный член (академик) Международной академии возникающих рынков, а также член Союза писателей и Президиума Союза писателей России.

Он остро чувствует главные общественные проблемы и немедленно откликается на них. Ярким примером в этом отношении является открытие при Гильдии российских адвокатов Центра тестирования и правовой помощи мигрантам — оперативный отклик на только обозначившийся десятилетие назад рост потока мигрантов в Россию. По задумке Мирзоева Центр превратился в многофункциональную структуру, специалисты которой эффективно помогают адекватной адаптации прибывающих в нашу страну иностранцев, легализации этих людей с оказанием им всего комплекса необходимой правовой помощи.

Новым детищем Гасана Борисовича явилась Международная ассоциация русскоязычных адвокатов, основной целью которой является организация защиты соотечественников, проживающих или временно пребывающих за рубежом.

Активность адвокатских реакций Мирзоева на «внешние» сигналы российской общественной системы несомненна... А есть ли «высший смысл» у генерируемого им «потока созидания»?

— Честно говоря, с детства чувствовал я Божественное присутствие в окружающей жизни, — признается Гасан Борисович. — Об этом, кстати, я написал в своих книгах «Ощущение справедливости», «Презумпция справедливости», «Письмо к детям, или духовное завещание», «Мой завет».

Конечно, профессия адвоката требует безукоризненного знания законов, но, кроме того, — понимания человеческой психологии и невероятного терпения. Досконально освоить адвокатское ремесло, на мой взгляд, способен каждый, а вот распознать в своей работе некие мистические сигналы бытия способны очень немногие. Подобно врачу, адвокат должен «чувствовать» своего доверителя, если так можно выразиться, в «юридических координатах» восстанавливать человеческую справедливость, которая, несомненно, выступает частичкой справедливости Божественной.

С учетом этих соображений я, например, сформулировал когда-то на заре своей деятельности собственное адвокатское кредо: сознательно отстаивать поруганные Честь и Достоинство Человека, бороться за правое дело, беззаветно и бесстрашно служить людям... Я искренне верю, что такая цель моей земной жизни угодна Богу...

Удивительное отношение к жизни и людям привлекает к Мирзоеву не только российских адвокатов, но и множество интеллектуалов, пред-

ставителей самых разных социальных кругов российского общества. И никому он не отказывает в общении, в диалоге, стремясь разобраться в насущных проблемах, услышать и оценить любую точку зрения на те или иные важные явления российской действительности... Не случайно, конечно же, журнал «Русский репортер», публикующий список «Самых авторитетных людей России», в 2012 году включил Гасана Борисовича Мирзоева в десятку авторитетнейших юристов России и, соответственно, в сотню самых авторитетных граждан страны.

Мало к кому так же, как к Мирзоеву, подходит выражение «возраст делу не помеха». Несмотря на десятилетия трудов, волнений и забот за спиной он по-прежнему бодр, энергичен и переполнен идеями... В немалой степени, наверное, этому способствует особый «распорядок жизни», давно разработанный и неукоснительно соблюдаемый Мирзоевым.

— Утром, поднявшись с постели, я обязательно полчаса занимаюсь йогой, — говорит Гасан Борисович, — два часа в день обязательно пишу от руки, хотя у меня, разумеется, есть и компьютер. Люблю плавать; в моем загородном доме даже есть бассейн... Это от детства осталось. С восьми лет мама водила меня на плавание, потом я занимался водным поло. Когда решил стать милиционером, увлекся самбо. Кроме того, в свое время я стал мастером спор-

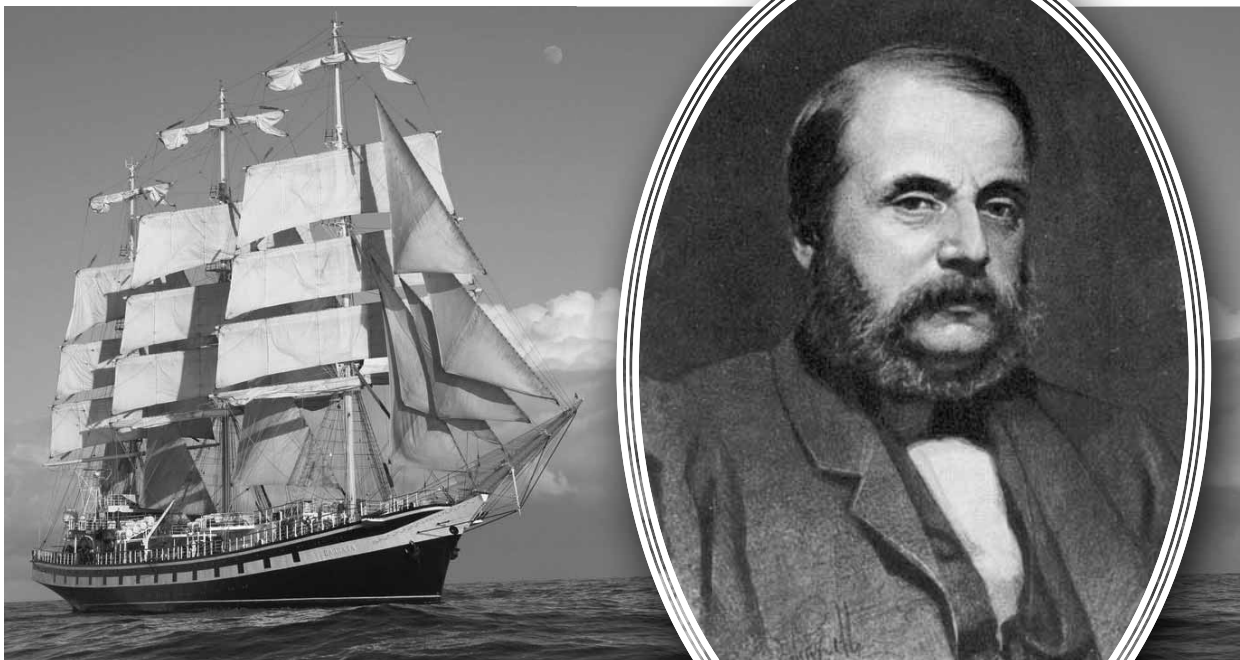
та по велоспорту и кандидатом в мастера спорта по шахматам. До сих пор люблю играть с друзьями в шахматы и нарды... Также с детства люблю музыку, особенно азербайджанскую. Повзрослев, стал поклонником творчества Высоцкого, Шуфутинского, Звездинского.

Спорт, музыка, литература, культура вообще, на мой взгляд, обязательно должны присутствовать в жизни адвоката, впрочем, как и любого другого человека. Это ведь отличные средства от профессиональных стрессов и психологических перегрузок. Я и детей своих этому всегда учил.

Детей у меня трое. Сын Борис пошел по моим стопам. Вторая жена Зинаида — адвокат, брат Натан — адвокат, и обе племянницы тоже адвокатессы... Младшая дочь Полина, ее муж Дэвид и внук Леонард Нижинский — студенты РААН. Можно сказать, что у нас целая адвокатская династия образовалась. Думаю, вряд ли в Москве найдется другая семья с таким числом адвокатов!

В своей профессии для Гасана Мирзоева тайн практически нет. Он многое видел, во многих важных событиях участвовал лично... Его миссия — защищать людей на «минном поле» российской юриспруденции. Гасан Борисович Мирзоев убежден, что это искусство, и наука, и призвание, питающее энергией «круговорот созидания» и очищающее жизнь от многих человеческих пороков и несправедливостей. □

Юрий Осипов

БОЛЬШОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Иван Александрович Гончаров был человеком спокойным и оседлым. После окончания Московского университета подался из родного Симбирска в Петербург и устроился переводчиком иностранной документации в Департаменте внешней торговли Министерства финансов. Не слишком обременительная служба оставляла время для литературных занятий и чтения. Весной

В середине XIX века началось ожесточенное соперничество между Российской империей и Соединенными Штатами Америки (они тогда назывались Северо-Американскими Соединенными Штатами) за сферы влияния в тихоокеанском регионе. Главным яблоком раздора двух могуществен-

ных держав стала Япония, которая вот уже более двух веков была полностью закрыта для иностранцев. Их появление на японской земле каралось смертью. Небольшое исключение еще в 1641 году сделали только для китайских и голландских судов, им разрешалось заходить с торговыми целями в порт Нагасаки.

Понятно, что и России, и Америке очень хотелось заполучить Страну восходящего солнца в качестве рынка сбыта своих товаров. Поэтому обе державы отправили к Японским островам свои военно-морские эскадры, чтобы убедить или заставить японское правительство открыть страну для захода русских

снаряжена не только ради установления торговых и политических отношений с Японией, но также для инспекции русских владений в Северной Америке — Аляске.

Обе миссии увенчались успехом. Япония подписала с Соединенными Штатами (1854 г.) и с Россией (1855 г.) торговые договоры. Достигнуто это было, однако, совершенно разными средствами. Перри со своей эскадрой просто-напросто запугал японцев, угрожая в случае отказа расстрелять из корабельной артиллерии их древнюю столицу Киото (Токио). Путятин, прибыв в Нагасаки, никаких угроз не высказывал и провел успешные мирные перего-

Ивана Гончарова

1847 года на страницах некрасовского «Современника» появился роман «Обыкновенная история», сразу сделавший имя Гончарова известным. Он обзавелся домом, уютным брюшком и пышными бакенбардами. Впереди маячили уже контуры великого романа «Обломов».

И вдруг словно какая-то неведомая сила потянула с насиженного места степенного 35-летнего писателя, и по рекам-то никогда не плававшего, в кругосветку, почти на два с половиной года...

либо американских торговых судов. Эскадрой США командовал командор Мэтью Перри. Российская экспедиция под командованием вице-адмирала Ефима Путятина была

воры, результат которых был спустя два года закреплен в торговом договоре между нашими странами.

За год до отплытия русской эскадры Иван Александрович стал уси-

ленно хлопотать о включении его в состав экспедиции. И добился своего. Его назначили секретарем экспедиции. Перед отъездом петербургские знакомые писателя шутили: «Принц де Лень отправляется в плавание». 7 октября 1852 года Гончаров отплыл из Кронштадта на борту быстроходного трехмачтового парусника «Паллада» (с греческого — «Победа»). Команда фрегата насчитывала 485 человек, а командовал им один из лучших капитанов российского парусного флота Иван Семенович Унковский.

Гончаров проявил себя выносливым морским путешественником. Он не страдал от качки, обжился в кают-компании и на палубе, завел непринужденные отношения с экипажем, подружился с Унковским.

За долгие месяцы экспедиции Ивану Александровичу довелось побывать в Англии, Южной Африке, Индонезии, Японии, Китае, на Филиппинах, на архипелагах и островах Атлантического, Индийского и Тихого океанов. Но этим дело не ограничилось. Высадившись на заметаемом пургой берегу Охотского моря в Аяне, этот, казалось бы, сибарит в почтовой кибитке, на перекладных, через пустынные дикие пространства Дальнего Востока и Сибири пересек всю Россию и в феврале 1855 года вернулся в Петербург.

...Последняя часть европейской суши — Мадейра — ранним утром просталась с «Палладой». Впереди расстилалась безбрежная гладь Атлантики. *«Мы все высыпали на палу-*

З

а год до отплытия русской эскадры Иван Александрович стал усиленно хлопотать о включении его в состав экспедиции. И добился своего. Он был назначен секретарем экспедиции. Перед его отъездом петербургские знакомые писателя шутили: «Принц де Лень отправляется в плавание»

В его обязанности входило описание путешествия и стенографирование переговоров. Но многие записи он делал лично для себя, проявив завидную наблюдательность. Подробный путевой журнал писателя и его письма друзьям о путевых впечатлениях легли в основу будущей документальной книги «Фрегат "Паллада"», пережившей свое время.

бу: чудный островок, как колоссальная декорация, рос в наших глазах... Нас ослепила великолепная и громадная картина, которая как будто поднималась из моря, заслонила собой и небо, и океан...» Жанровые картины в гончаровских очерках поражают удивительно точным описанием быта чужих земель, сокрытых обычно от взгляда стороннего наблюдателя.

Сам Иван Александрович отлично понимал свою задачу: *«Описания дальних стран, их жителей, роскоши тамошней природы, особенностей и случайностей путешествия и всего того, что замечается и передается путешественниками... не теряет никогда своей занимательности для читателей всех возрастов»*, — писал он в предисловии к третьему изда-

нию книги. Да, она очень субъективна, но именно это придает ей особое своеобразие и прелесть.

Сын симбирского купца Гончаров, тем не менее, смотрит на «дальние страны и их жителей» глазами вальяжного русского барина. Однако проявляет при этом объективность, иронию, великодушие. Посмеивается над обычаем англичан

обмениваться при встрече рукопожатием (в России это тогда не было принято). Грохот и суэта индустриального Запада сравниваются им с размеренной и спокойной жизнью русских помещиков, почивающих на своих перинах и не желающих идти навстречу прогрессу. Экзотику тропических островов писатель воспринимает вполне реалистично и ищет в ней схожести с родиной. Так в чернокожей африканке ему неожиданно открываются черты загорелой русской старухи. А разноцветных попугаев он сравнивает с нашими воробьями, только те «понаряднее, но во всякой дряни одинаково копаются». Вообще мир дивных зверей и птиц, который он наблюдал во время путешествия, описывается Гончаровым красочно, хотя и без восторгов, скорее сквозь призму басен Крылова.

Во всем пытающийся отыскать тождество, идентичность, он даже корабль считает кусочком родины, напоминающим степную деревню. Матросов сравнивает с толковыми расторопными крестьянами и с удовольствием констатирует, что морские офицеры отнюдь не пьяницы, как его предупреждали перед экспедицией. Кульминация плавания — заход в Японию — выступает в книге богатым сводом сведений о культуре и традициях этой самобытной островной страны, напоминающей своей особостью Россию. Гончаров предвидит агрессивное наступление на нее европейской цивили-

зации и сожалеет об этом. Он замечает, что хотя миссия русской военной эскадры и была внешне мирной, но мощная корабельная артиллерия послужила наиболее убедительным аргументом в торговых переговорах, противопоставить которому японцы, по его словам, могли лишь маленькие пушечки «на соломенных лафетах» да «длинные сабли, пусть и отличные». Подытоживая свои впечатления от путешествия, писатель приходит к выводу, что на земле должно быть «взаимное удобство народов», а не процветание одного за счет эксплуатации другого.

Судя по тексту романа «Фрегат «Паллада», Иван Александрович Гончаров был большим любителем вкусно поесть. Основываясь на его детальных рассказах о всевозможных обильных трапезах в разных краях, можно было бы написать поваренную книгу. Иногда даже приходится удивляться тому, как он умудрялся столько съесть за раз. Таким же, впрочем, аппетитом и гурманством отличался, как мы помним, и главный герой гончаровских произведений — Илья Ильич Обломов. Только вот попутешествовать, в отличие от автора, ему, в силу фантастической лени, не довелось.

Роднит Гончарова с его знаменитым литературным персонажем также некоторое пренебрежительно-снисходительное отношение к людям иных рас и туземцам, проистекающее, видимо, из предубеждений

неведения. Иван Александрович мог, например, поинтересоваться у хозяйки южноафриканской гостиницы: «Нельзя ли поймать где-нибудь бушмена? Мне давно хочется увидеть это племя». И когда, наконец, увидеть бушмена ему удалось, он так отозвался о нем в книге: *«Перед нами стояло существо, едва имевшее подобие человека».*

Но подобные огрехи повествования не умаляют значения книги. В русском обществе она была воспринята как выход национального писателя во внешний огромный и плохо знакомый читателю мир,

сем к друзьям вроде бы бесхитростными наблюдениями по ходу плавания, писатель предрек процессы развития и сближения народов в нашу с вами эпоху.

Читая «Фрегат «Паллада», интересно следить за тем, что особенно привлекало в пути внимание автора на море и на суше.

«...И ночи не приносили прохлады, хоть и были великолепны... Однажды я в изнеможении сел на диван в капитанской каюте и нечаянно заснул. Просыпаюсь — слышу крик вахтенного: "Зарядить пушку ядром!" "Что

Судя по тексту «Фрегата "Паллада"», Гончаров был большим любителем вкусно поесть. По его детальным рассказам о всевозможных обильных трапезах в разных краях можно было бы написать поваренную книгу. Таким же, впрочем, аппетитом отличался и главный герой гончаровского произведения — Илья Ильич Обломов. Только вот попутешествовать, в отличие от автора, ему, в силу фантастической лени, не довелось...

представленный ему талантливый пером внимательного наблюдателя. Для России XIX века такая книга явилась по сути беспрецедентной. Одним из первых в русской и европейской литературе И. Гончаров невольно опроверг документальной «книгой путешествия» (издавна закреплённый жанр) будущий поэтический вердикт певца британского колониализма Р. Киплинга, что «Запад есть Запад. И Восток есть Восток. И с места они не сойдут...» Делясь в форме пи-

это, кого там?" — подумал я. В это время пришли с вахты сказать, что виден пароход не пароход, а бог знает что. Я бросился наверх, вскочил на пушку, смотрю: близко, в полумверсте мчится... черный крутящийся столп с дымом, похожий, пожалуй, на пароход, но с неба, из облака, тянется к нему какая-то узкая темная полоса, будто рукав; все ближе, ближе... Но явление начало бледнеть, разлагаться и вскоре... пропало без всякого следа. Известно, что смерчи

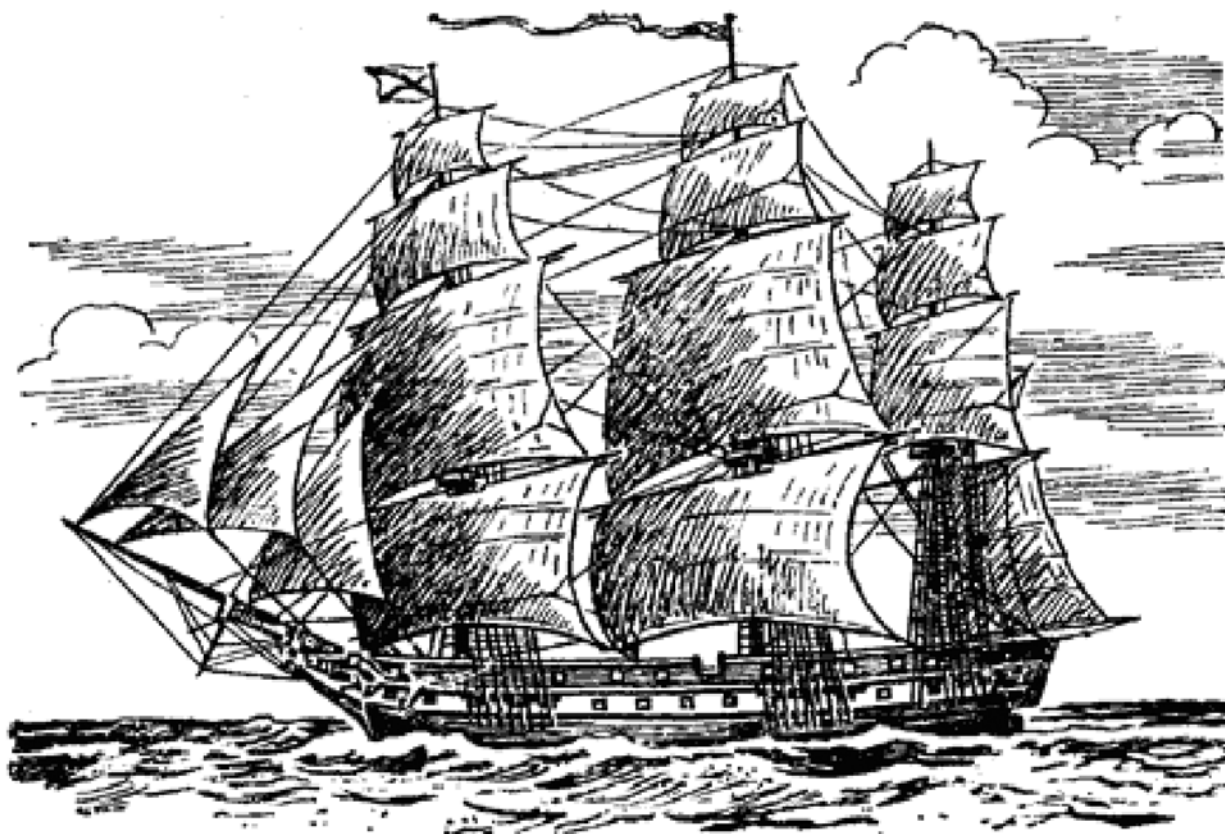

или водяные столпы, разбивают ядрами с кораблей, иначе они, налетев на судно, могут сломать рангоут или изорвать паруса. От ядра они разлетаются и разрешаются обильным дождем. Мы еще после видели раза два такие явления, но они близко не подходили к нам.

Штили держали нас на одном месте, наконец 17 мая по чуть засвежившему ветерку, мимо низменного, потерявшегося в зелени берега, добрались мы до Анжерского рейда и бросили якорь. Через несколько часов прибыл туда же испанский транспорт, который вез отряд войск в Манилу».

А вот другой любопытный отрывок:

«Где я, о, где я, друзья мои? Куда бросила меня судьба от наших берез и елей, от снегов и льдов, от злой зимы и бесхарактерного лета? Я... на меже Индии и Китая, в царстве вечного беспощадно-знойного лета. Глаз, привыкший к необозримым полям ржи, видит плантации сахара и риса... Я на родине ядовитых перцев, пряных кореньев, слонов, тигров, змей, в стране бритых и бородатых людей, из которых одни не ведают шапок, другие носят кучу ткани на голове, одни вечно громоздятся за работой; другие едва дают себе труд съесть горсть риса и переменить место в целый день, третьи, объявив вражду всякому порядку и труду, на легких «проа» от-

Фрегат «Паллада»

важно рыщут по морям и насильственно собирают дань с промышленных мореходов»...

Безлунными ночами в тропиках, видя над собой в небе вместо Полярной звезды Южный крест, Иван Александрович вспоминал во сне и наяву покатые улочки Симбирска, величественную геометрию петербургских площадей, затейливую паутину арбатских переулков. Во время длительных стоянок в портах западного полушария он с проводником и несколькими спутниками забирался в непролазные джунгли и сумрачные горные ущелья, совершал походы к оазисам в пустыне, бродил по шумным восточным базарам. Ему доводилось сидеть за обеденным

столом с надменными чиновниками колониальной администрации и хитрыми местными торговцами, знакомиться с плавучим бытом сингапурских ловцов губок, посещать вблизи Кейптауна фермы трудолюбивых голландских поселенцев, тех самых, что десятилетия спустя под именем буров отстаивали свою независимость в войне с Британской империей.

Неиссякаемая любознательность приоткрывала русскому писателю сокровенные стороны жизни людей в разных частях света, и он фиксировал их с методичной обстоятельностью исследователя. Человек отнюдь не богатырского здоровья, Гончаров проявлял в этих путешествиях

И.А. Гончаров с членами экспедиции на фрегате «Паллада»

завидную выносливость и неподверженность заболеваниям, лишь однажды поранил ногу, тогда как многие, привыкшие к физическому труду и лишениям, члены команды парусника не могли этим похвастаться. Приставленный к нему вестовым бывалый матрос Фаддеев слег с сильными ожогами тропического солнца, и Иван Александрович вместе с судовым врачом его выхаживали.

«...в последние дни пребывания в Гонконге погода значительно изменилась. Стали дуть, особенно по вечерам, северные порывистые ветры... часто показывались черные облака и проносились с дождем над рейдом... И так десять дней! Но вот мы вышли в Великий океан... Вечером задул свежий ветер... Иногда бросало так, что надо было ухва-

титься или за пушечные тали, или за первую попавшуюся веревку... Ветер ревел; он срывал вершины волн и сеял их по океану, как сквозь сито... Вот шлюпка затрещала на боканцах... В кают-компании, в батарейной палубе вода лилась ручьями и едва успевала стекать в трюм... Вечером буря разыгралась... трисель вырвало. Наконец разорвало пополам и фок-марсель... Ванты ослабели, бензеля поползли, и гот-мачта зашаталась, грозя рухнуть»...

Неожиданных опасностей в плавании хватало, и спокойное мужество Иван Александрович проявлял не только во время шторма. Для участников экспедиции он стал своим и пользовался среди них огромным авторитетом.

Нагасакский рейд встретил русскую эскадру 10 августа 1853 года

хмуро. *«Мы завидели мыс Номо, обозначающий вход на нагасакский рейд... Но здесь нас не встретили уже за несколько миль лодки с фруктами, раковинами, обезьянами и попугаями, как на Яве и в Сингапуре, и осо-*

Наконец состоялись утомительные переговоры о церемониале первого свидания адмирала с нагасакским губернатором. Русскую делегацию в носилках пронесли по городу в губернаторский дворец. На за-

Н

еиссякаемая любознательность приоткрывала русскому писателю сокровенные стороны жизни людей в разных частях света, и он фиксировал их с методичной обстоятельностью исследователя. Человек отнюдь не богатырского здоровья, Гончаров проявлял в этих путешествиях завидную выносливость и неподверженность заболеваниям, тогда как многие, привыкшие к физическому труду и лишениям, члены команды парусника не могли этим похвастаться

бенно с предложением перевезти на берег. Напротив! Мы входили с немного стесненным сердцем, по крайней мере, я, с тяжелым чувством, с каким входят в тюрьму, хотя бы эта тюрьма была обсажена деревьями».

Вокруг четырех кораблей русской эскадры постоянно кружили сторожевые лодки с воинственного вида гребцами. Затем, в соответствии со сложным японским этикетом, последовали первые визиты на борт пышно разодетых местных чиновников в лакированных шапочках. Губернатору острова было передано послание Путятинна. Ответа ждали долго. Сменялись переводчики. Через них продолжались ежедневные сношения с чиновниками. На берег русским съезжать запрещалось, однако провизия на суда доставлялась исправно. Приезжали в гости голландцы из прибрежной фактории.

тянувавшейся встрече было передано официальное письмо российского правительства японскому. Последовало традиционное японское угощение, и лед был растоплен. Через некоторое время пришел благожелательный ответ из столицы. В губернаторском дворце произошел обмен подарками. Участники экспедиции начали совершать экскурсии в город и плавать вокруг острова на шлюпках под парусом.

Под конец из Эдо прибыла депутация высокопоставленных чиновников. В доме местного князя состоялся прощальный раунд переговоров, и 10 августа 1853 года, проведя в Нагасаки ровно три месяца, «Паллада» вышла в открытое море. *«За нами долго следовала японская джонка, чтоб посмотреть, куда мы направимся. Я не знал, куда деться от холода, и, как был одетый в байко-*

вом пальто, лег на кровать, накрылся ваточным одеялом — и все было холодно. В перспективе не теплее: в Шанхае бывают морозы, несмотря на то, что он лежит под 31 градусом северной широты».

Из Шанхая путь эскадры лежал к Ликейским островам, оттуда — в Манилу и дальше — до берегов Сибири.

Год спустя, 12 августа Гончаров вместе с группой участников экспедиции, которую встречал в устье Амура генерал-губернатор Восточной Сибири, погрузился на красавицу шхуну «Восток» и отправился в 500-мильное плавание по бурному Охотскому морю, к пункту назначения — Аян.

«Мне так хотелось перестать поскорее путешествовать, что я не съе-

хал с нашими... на берег в Петровском зимовье и нетерпеливо ждал, когда они воротятся, чтобы перебежать Охотское море... и быть дома... Дорогой, для развлечения, нам хотелось принять участие в войне и поймать английское или французское судно. Однажды завидели довольно большое судно и велели править на него... Зарядили наши шесть пушек, приготовили абордажное оружие и... стали смотреть на чужое судно, стараясь угадать по оснастке, чье оно. Флага не было. Барон Крюднер и сам предпочел вооружиться. Он появился на палубе с двумя заряженными пистолетами, опустив их, по рассеянности, дулом в карман... Между тем судно подняло американский флаг; но мы не поверили, потому что слышали, как англичане отличались под чужими флагами в разных морях».

Встреченное судно оказалось все же мирным китобоем и, разочарованные несостоявшейся победой над неприятелем, путешественники продолжали плыть дальше. Но вот наступил долгожданный день. «Отдай якорь!» — раздалось для нас в последний раз, и сердце замерло и от радости, что ступаешь на твердую землю, чтоб уже с нею не расставаться, и от сожаления, что прощаешься с морем...» До заветной «красной кровли» родного дома предстояло добираться десять с половиной тысяч верст.

От внимательного взгляда путешественника не укрылись харак-

Рисунок, сделанный И.А. Гончаровым во время экспедиции

терные приметы жизни тогдашних сибиряков. В Якутске Гончаров «познакомился почти со всеми членами здешнего общества, и служащими и торгующими, и неслужащими и неторгующими... Но кто бы ожидал, что в их скромной и, по-видимому, неподвижной жизни было не меньше движения и трудов, нежели во всяких путешествиях? Я узнал, что жизнь их... нисколько не похожа на обыкновенную провинциальную жизнь, что в сумме здешней деятельности таится масса подвигов, о которых громко кричали и печатали бы в других местах. Автор упоминает герои-

ческих миссионеров-православных священников и легендарных первопроходцев, задаваясь при этом вопросом: «А кто знает имена многих и многих титулярных и надворных советников, коллежских асессоров, поручиков и майоров, которые каждый год ездят в непроходимые пустыни, к берегам Ледовитого океана, спят при сорока градусах мороза на снегу — и все это по казенной необходимости?»

Писатель, совершавший тогда четырехмесячное путешествие по Сибири, прервал свое участие в кругосветном плавании вынужденно.

Крымская война круто изменила «первоначальное назначение фрегата». *«Дело, начатое с Японией о заключении торгового трактата и об определении наших с нею границ на острове Сахалине, должно было по необходимости прекратиться. Адмирал решил сначала идти к русским берегам Восточной Сибири, куда на смену «Палладе» должен был прибыть фрегат «Диана»... Далее нельзя было предвидеть, какое положение пришлось*

при грандиозном землетрясении на Японских островах. Экипажу, к счастью, удалось спастись. «Паллада» же, пишет Гончаров, «отслужила свой срок, состарилась и притом избита была вытерпенными нами штормами, особенно у мыса Доброй Надежды и ураганом в Китайском море». С корабля сняли орудия, такелаж, оборудование и оставили на якорной стоянке в Императорской бухте Татарского пролива.

П

осле своего знаменитого путешествия Гончаров в море больше никогда не выходил и далеко из Петербурга не выезжал. Он вернулся на службу в Министерство финансов, однако надолго там не задержался, выхлопотав себе место цензора, что позволяло быть ближе к литературе

бы принять по военным обстоятельствам: оставаться ли у своих берегов, для защиты их от неприятеля, или искать встречи с ним на открытом море. Может быть, пришлось бы, по неимению известий о неприятеле, оставаться праздну в каком-нибудь нейтральном порте, например, в Сан-Франциско...»

Устрашившись подобной неизвестности на неопределенный срок, Иван Александрович отпросился у Путятина домой, и добряк адмирал отпустил его с предписанием оказывать ему в пути «всяческое содействие со стороны начальствующих лиц». А пришедшая на смену «Палладе» «Диана» вскоре погибла

Море и тянет к себе, и пугает, пока не привыкнешь к нему, — заметил автор в послесловии к своей книге, названном «Двадцать лет спустя». — А все же «страшновато» как-то на море: сомнения, неуверенность, одни ожидания опасностей чего стоят!.. — скажут на это. Да тут есть правда; но человеку врожденна и мужественность: надо будить ее в себе и вызывать на помощь... Зато какие награды! Дальнее плавание населит память, воображение прекрасными картинками, занимательными эпизодами, обогатит ум наглядным знанием всего того, что знаешь по слуху... И этого всего потом из памяти,

*Фрегат
«Паллада»*

из сердца нельзя выжить во всю жизнь».

После своего знаменитого путешествия Гончаров в море больше никогда не выходил и далеко из Петербурга не выезжал. Он вернулся на службу в Министерство финансов, исправно и добросовестно исполнял свои обязанности, однако надолго там не задержался, выхлопотав себе место цензора, которое позволяло быть ближе к литературе. К 1857 году завершилась публикация цикла его путевых очерков, ставших литературным событием. А в 1859 году появился роман «Обломов». И тогда же в России впервые вошло в обиход понятие «обло-

мовщина». Автору удалось создать произведение огромной обобщающей силы, совершить художественное открытие в осмыслении русского национального характера.

У читателей роман имел неслыханный успех и принес Гончарову славу одного из первых русских писателей. Его сравнивали с Тургеневым, Толстым, Достоевским. Но и с Обломовым тоже, находя в Иване Александровиче «обломовские» черты. Внешне он и впрямь чем-то напоминал своего героя — обстоятельный, осторожный, неторопливый, среднего роста, полноватый, на лице всегда немного сонное выражение. Но по сути Гончаров

Обломовым ничуть не был и обижен на такие сравнения.

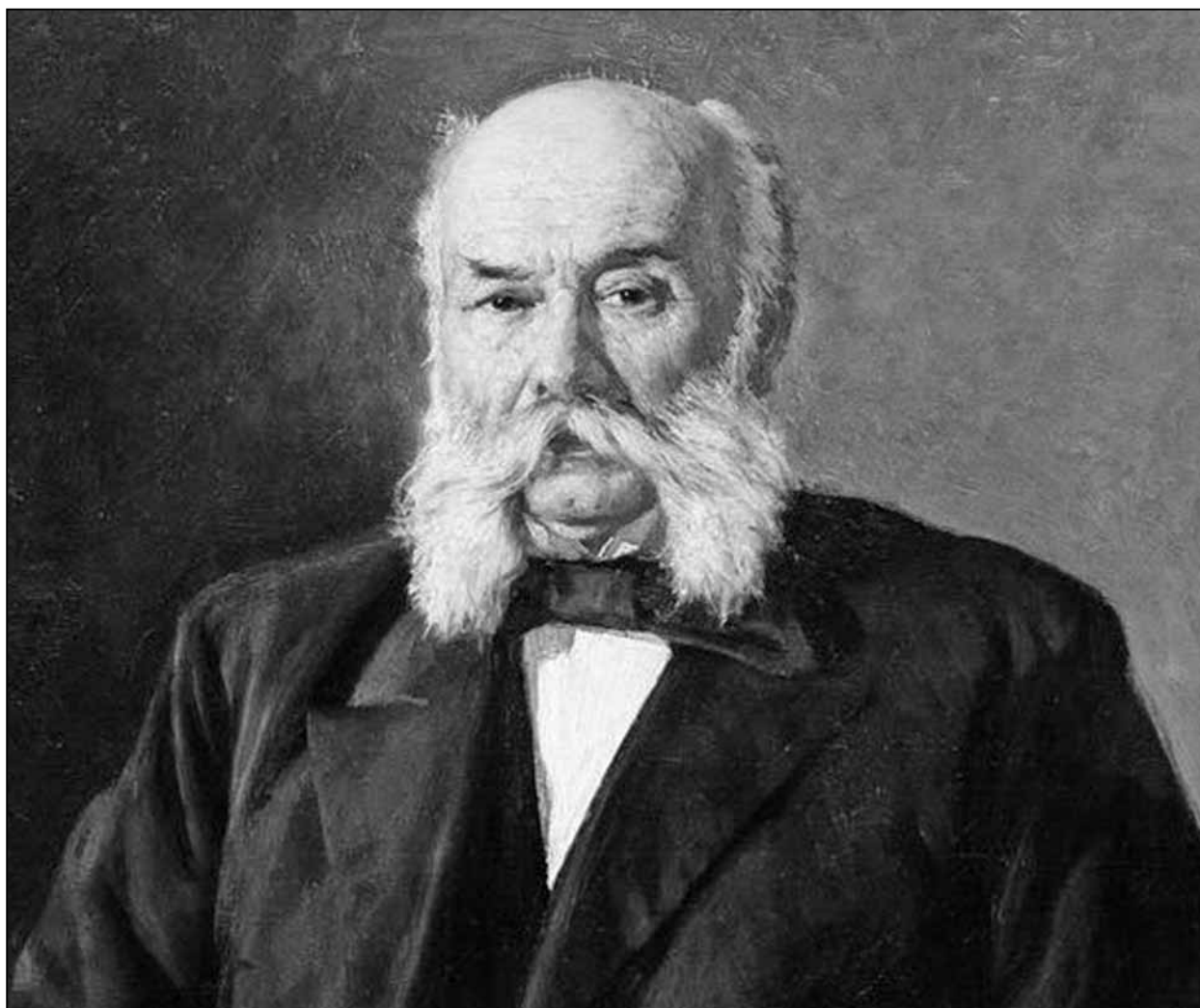
Характер его по возвращении из путешествия начал портиться. Появились желчность, подозрительность. Давала себя знать достаточно нервная должность, чреватая конфликтами с собратьями по перу и их традиционным озлоблением на цензурные препоны. Но, прежде всего, давало себя знать одиночество. Семью Иван Александрович так и не завел и отогревался душой в семье давнего друга, поэта Майкова. Занимался с его детьми, которые любили слушать рассказы учителя о плавании на фрегате «Паллада». Оно должно было ему сниться по ночам...

На гребне успеха «Обломова» писатель засел за роман «Обрыв», все о том же провинциальном усадебном быте дореформенной России. Роман подвигался медленно, трудно. Пост цензора Гончаров покинул и жил «на вольных хлебах». В середине 1862 года его пригласили на должность главного редактора газеты «Северная пчела», органа Министерства внутренних дел. А в 1865 году назначили членом Государственного совета по делам печати, где ему вновь пришлось портить кровь собратьям по перу, досаждать Некрасовскому «Современнику», своей «альма-матер», и защищать правительственные устои. К этому времени обозначился явный консерватизм создателя «Обломова» и «Обыкновенной истории», сказавшийся не только в нападках на нигилистов, но и в мучениях в

работе над третьим романом с названием на «О», куда более слабым, чем два первые.

Желая полностью освободиться для творчества, Иван Александрович через пару лет вышел на пенсию в генеральском чине. Пенсия была сравнительно небольшой, и денег на жизнь все равно не хватало. Выручала должность воспитателя наследника престола, будущего Николая II. Надвигавшаяся одинокая старость все более пугала его и отвращала от писания последнего романа, которому он отдал 20 лет жизни. Почетному академику повсюду чудились интриги, козни. Он даже обвинил близкого друга Тургенева в том, что тот воспользовался рассказанными ему в письмах идеями и сюжетными линиями «Обрыва». Эта история едва не кончилась дуэлью.

Роман впервые появился на страницах журнала «Вестник Европы» в 1869 году и был прохладно встречен читателями и критикой. В 70-е — 80-е годы полувековая литературная деятельность Гончарова завершилась. Понемногу его стали забывать, хотя он еще выступал в периодике с короткими рассказами, очерками и статьями критического характера. Наибольший интерес из них представляют вдумчивый разбор «Горя от ума» под выразительным названием «Милльон терзаний», классические «Заметки о личности Белинского», а также воспоминания о своем возвращении из путешествия —

«Поездка по Волге» и «По Восточной Сибири».

«Паллада» не отпускала. Иван Александрович писал письма былым спутникам и в задушевной переписке с ними становился другим. Иногда они встречались в Петербурге на приуроченных к очередной годовщине того плавания вечерах, вспоминали увиденное и пережитое, и члены экспедиции неизменно отдавали дань любви и уважения его книге. Их судьбы сложились по-разному, но у каждого фрегат с победным именем «Паллада» занимал в сердце особый уголок.

После смерти верного слуги Карла Трейгута Гончаров принял на себя заботу о его вдове и детях, которым дал хорошее воспитание и образование. Увы, они не могли заменить старому писателю отсутствия собственной семьи. Под конец жизни Иван Александрович остался совсем один.

27 сентября 1891 года он скончался на восьмидесятом году жизни от воспаления легких и был похоронен в Александро-Невской лавре. В 1956 году прах его перенесли на Литературные мостки Волкова кладбища. □

Виктор Попов

Характеристика

Памяти Н.П. Поповой

«А это вам, Нина Петровна! — Санаева Ольга протянула букет роз и альбом с фотографиями. — Чтобы вы нас долго помнили. Здесь мы все!»

Нина Петровна в очередной раз переживала минуты прощания с классом, в котором была классным руководителем.

Последняя ночь пролетела мгновенно и растаяла, растворилась в белых платьях выпускниц. И уже совсем редко слышал колокольчики счастливого смеха просыпающийся город, добродушно ворча на молодежь. В ворчании угадывался скрип открывающихся парадных, размеренное шуршанье метелок дворников, веселое приветствие птиц и постанывание первых троллейбусов. И вот уже не слышна музыка, разошлись бывшие ученики, а Нина Петровна перелистывает альбом с фотографиями учеников. Всех тридцати шести, причем в разном возрасте. Терехов опять отличился — принес фотографию, где ему всего лишь год, сидит в кроватке, лупоглазый, голенький, и улыбается одним зубом.

За время работы в школе ей часто дарили цветы. Они были разные, но почему-то сейчас, глядя на цветы, Нина Петровна вспомнила вдруг увядший букетик подснежников, одиноко лежащий на столе, в котором майское солнце осторожно перебирало сиреневые лепестки. Этот букетик своей трогательной простотой околдовывал ее и как бы звал в прошлое, к ее любимому выпуску...

Она сидела в пустом классе и писала на каждого выпускника характеристику. Нина Петровна строго придерживалась правил, хотя понимала, конечно, что эти характеристики, по большому счету, никому не нужны. Они лежали аккуратной стопкой на учительском столе, и только одна, последняя, никак не получалась, так и осталась незаконченной...

Нина Петровна машинально встала и подошла к шкафу, где хранились документы прошлых лет. Взяла одну из папок и стала листать старые материалы: планы подготовки к урокам, журналы — пока на глаза не попались характеристики на учеников ее любимого класса, о котором она только что вспоминала.

«Как же быстро летит время!» — подумала Нина Петровна, просматривая их, пока, наконец, не остановилась на одной. Именно она ее интересовала. Именно эта характеристика ей не давалась шесть лет назад. Она стала перечитывать ее, мысленно представляя, как бы сейчас написала про своего любимца...

«Характеристика выпуска 1989 года средней школы №9 Семенова Михаила Ивановича. М.И. обучался в школе с первого класса. За годы учебы проявил...» Нина Петровна не забыла, как долго мучилась в поисках нестандартных фраз. Не хотелось писать, как все: «обладает аналитическим складом мышления, к знаниям относится критически, умеет выделить главное, склонен к обобщению, устанавливает взаимосвязь различных явлений» и тому подобное. Но слова получались какие-то нелепые и бессвязные, не желающие соединиться в предложения, которые четко и ясно давали бы оценку характеру и способностям ученика. Ей было обидно, что она не находит нужных слов именно для Миши Семенова. В характеристике не было души, а Нина Петровна почему-то не могла написать то, что чувствовала... Может, тогда чувства были еще не определенными, а может, она не хотела доверять их бумаге?..

Нина Петровна поднялась и заходила по пустому классу, спрашивая себя: «А какой же он, Семенов? Неужели настолько никакой, что о нем и написать нечего?» Она кинула взгляд на стопку уже написанных характеристик и невольно подумала о том, как в тонкой стопке листочков смогла вместиться жизнь целого класса таких разных ребят: голубоглазых, ласковых, бойких, белобрысых, застенчивых, полных и худых, самостоятельных, аккуратных...

Она взяла ребят с пятого класса. Ее и без того подавленное настроение от прощания со своим первым выпуском испортилось окончательно, когда на первых уроках она вплотную столкнулась с неугомонным племенем пятиклашек. Их бестолковость и неорганизованность буквально шокировали ее. Она была просто сломлена криком, суетой, бесцеремонностью этих Толиков, Сергеев и Наташ, которые жили своей шумной молодой жизнью, совершенно не замечая ее.

«Посмотрите, какое на дворе время. Сейчас, как никогда, надо хорошо учиться, быть целеустремленнее, — увещевала своих учеников Нина Петровна. — Именно вы — наша смена! Будьте серьезнее и хоть немного

умнее!..» Она даже вспомнила, как ребята на мгновение застыли и впервые внимательно посмотрели на нее. Особенно заполнились глаза: растерянные, серьезные, любопытные — разные, как сами ребята...

Да, глаза были разные, но ей запомнились глаза мальчика, сидевшего за первой партой. Большие, внимательные и какие-то вопросительные. Она чувствовала, что, смотря в эти глаза, необходимо отвечать, не дожидаясь, когда вопрос будет произнесен вслух.

Ученик был хрупок, словно девчонка, и только непослушные, цвета соломы волосы да оттопыренные уши подсказывали, что это мальчик. Нина Петровна и знакомство с классом начала с него.

— А тебя как зовут? — подошла она вплотную и улыбнулась ему.

— Миша... Миша Семенов, — совсем не робко, как ожидала Нина Петровна, ответил мальчик...

Уже спустя много лет она связала воедино два образа: Миша в первый день знакомства и букетик подснежников, появившийся почти через год на ее столе. Теперь эти образы неотделимы, теперь она твердо знает, что именно такой мальчик, как Миша, мог подарить ей подснежники. И это образ врезался в память. Светлый и чистый. Она не расстается с ним, а он помогает ей жить. Он стал для нее талисманом!..

В тот далекий майский день Нина Петровна решила, что не надо больше мучиться и выдумывать — она напишет правду, какая она была на самом деле. «...Семенов М.И. обладает удовлетворительными способностями, мало и неохотно занимался все годы, неусидчив на уроках...» От этого воспоминания по ее лицу пробежала судорога. Она вспомнила Семенова в пятом и шестом классах, когда он, будто лихой наездник, скакал на парте, вертелся, хлопал книжками, свистел, щипал соседку Кирилову, стрелял из «духового ружья», сжевав промокашки у всего класса. Она вообще не помнила, когда он бывал спокойным.

Особенно поражал контраст в поведении Семенова на уроках и после. Но еще больше поражали глаза. Они были всегда грустными и не смеялись даже тогда, когда Семенов вытворял в классе нечто несусветное. Первое время у нее даже кружилась голова, а по ночам, во сне, она бормотала мужу: «Семенов, успокойся!» На что муж обижался и, вздыхая, отворачивался, а утром спрашивал: «Кто такой Семенов?» Потом, правда, стал тоже во сне отвечать: «Я больше не буду!»

Шло время, Нина Петровна привыкла и к Семенову, и к Беловой, которая ходила за ней по пятам и ябедничала обо всех подряд, включая и преподавательский состав. Привыкла она и к Аллочке Мартыновой, которая в разгар контрольной работы могла спросить: «А вы, Нина Петровна, как к сексу относитесь?» Она вполне нормально воспринимала и Юру Колесова,

который теоретически уже вычислил звезду, куда все время сматываются инопланетяне...

Нина Петровна хорошо помнила первые недели учебы в пятом классе. Однажды, потеряв терпение, она под села к Семенову и спросила: «Долго ты сидеть будешь в классе? Уже почти полчаса как уроки закончились!» Семенов, давно одетый, с ранцем за плечами, тихо сидел за партой и неотрывно смотрел на нее.

Они вышли из школы вместе. Миша шел рядом и молчал, лишь иногда, сбоку, коротко бросал на нее взгляд, как бы собираясь спросить о чем-то, но, видно, не решался.

— А почему ты домой не спешишь? — удивленно поинтересовалась Нина Петровна.

Семенов долго не отвечал, потом пристально посмотрел на нее, видимо, раздумывая, стоит ли говорить правду, потом выдохнул:

— Да пап пьян небось... А мамка... — шмыгнул он носом, — ругает его... — И вдруг, взяв ее за руку, тихо спросил: — А можно я с вами всегда домой ходить буду?

Нина Петровна, чувствуя в своей руке маленькую ладошку Семенова, крепко сжала ее и уже не выпускала до самого момента прощания. Ей захотелось защитить Семенова, правда, неизвестно от кого, сделать ему что-то хорошее...

Они всегда медленно шли по одной и той же улице. Нина Петровна привыкла к провожатому и даже скучала, когда Миши не было в школе, и она возвращалась домой одна. Миша часто рассказывал о младшей сестре, но никогда о том, как ему живется дома. По часто появляющимся синякам на его лице она давно догадывалась, что Семенову здорово достается. А однажды, весной, промолчав всю дорогу, он сам, уже на углу, где они обычно расходились в разные стороны, признался, что на этот раз синяки оттого, что заступился за Матвееву. А потом совсем по-взрослому подытожил:

— Я просто очень мал и слаб, — и, поджав губы, стараясь не заплакать, отвернулся. — Но все равно я сказал им, что мне не больно! Папка тоже, когда пьяный, сестру обижал... Теперь вот не трогает!

— А что же мама твоя?

Миша долго теребил ремешок ранца на плече.

— Она боится его... — прошептал он, — когда папка пьяный. Мне говорит, что любит, а сама — плачет только!..

Нина Петровна снова опустила взгляд на характеристику Семенова и стала читать дальше. «...Особый интерес ни к каким предметам не проявлял, в общественной жизни школы участие принимал неохотно, художественную самодеятельность игнорировал... хотя данные для этого у Семенова

имеются. Защищал честь школы в спортивных соревнованиях по гимнастике. Пользуется уважением ребят в классе».

Здесь она вспомнила, как долго решалась: писать это или нет. Ведь уважение в классе заслужить сложно. А чем заслужил его Семенов? Она, конечно, знала, но как написать об этом?! Как написать о человечности, отзывчивости, доброте, любви Семенова к одноклассникам, не приводя примеров. Получится надуманный, идеальный Семенов, а он вовсе не такой, он просто человек, со своими ошибками, слабостями, пристрастиями и где-то... сильными чертами характера... Время шло, а характеристика явно не получалась: не вязалось написанное с Семеновым — человеком.

Нина Петровна открыла окно, теплый ветерок, как и шесть лет назад, впорхнул в класс и стал рассеянно перебирать «путевки в жизнь» ее ребят...

В тот день Семенов пропал. Его не было на всех уроках, не было и дома — сказали, что в школе. Обыскав школьный двор и обзвонив всех его друзей, Нина Петровна понуро сидела в пустом классе, не зная, что предпринять. Оставалось только позвонить в милицию, директора она уже в известность поставила...

Семенов появился в классе только в пятом часу. Она тогда здорово ругала его, а он стоял и сопел: брюки грязные, волосы, и без того непослушные, взъерошены, пальцы на руках — с черными каемками под ногтями.

— Ты где пропадал? Мы все с ног сбились!

Он молчал, опустив голову, пристально рассматривая носок левого ботинка со следами свежего пореза. Потом вдруг поднял голову и с вызовом ответил:

— Брюса Ли смотрел.

— Ну...знаешь! — Нина Петровна, с досадой щелкнув замком портфеля, вышла из класса, а когда, поостыв, вернулась, Семенова уже не было. На чистом полу, вымытом Афанасьевой и Беловой, — да, точно Беловой, мысленно похвалила она свою память, — остались только грязные следы с комочками рыжеватой глины, а на столе лежал увядший и смятый ладошкой Семенова букетик подснежников.

«Как давно это было!» Нина Петровна вдруг почувствовала, как внутри что-то оттаяло, отпустило, и продолжила чтение. «...В старших классах Семенов участвовал в выпуске стенгазеты. Имеет правильные моральные и политические убеждения. Обладает хорошими волевыми качествами, может отстаивать свою точку зрения».

«Что значит, правильные убеждения? — подумала она. — Наверное, на все случаи жизни? А ведь тогда я не хотела так писать. Тогда эти фразы казались мне казенными и неискренними, впрочем, они мне таковыми кажутся и сейчас...»

«Семья Семенова состоит из трех человек: мать — Семенова Т.А., работает на заводе, отец — Семенов И.П., проживает отдельно. Сестра Семенова — Наташа...»

Память Нины Петровны моментально выхватила тот период, когда у Михаила ушел из семьи отец. Миша остро переживал, хотя, конечно, старался не показывать вида, что ему плохо. В то время он учился в седьмом классе, это был трудный возраст. Он пытался влезать во все, командовать ребятами, грубил, пропускал уроки, неуважительно относился к девочкам. Видно, таким образом хотел самоутвердиться, показать, что ему все нипочем, что он уже взрослый, и ему все по силам, а может, просто прятал свою боль, глуша ее агрессией к окружающим. Ведь замечала Нина Петровна в глазах Михаила боль, боль брошенной в ночь дворняги. К ней бы руку протянуть, погладить, а она рычит, хотя ждет ласки. И ждет давно! Как-то она встретила Мишу на улице. Он шел в компании ребят и двух девчонок, во рту сигарета. Не поздоровался. До нее долетел мат и хмельной смех...

Тогда, в седьмом классе, Нина Петровна много с ним возилась, часто приходила к нему домой. Однажды застала его за стиркой. Михаил двумя руками с силой сдавливал мокрый комок, выжимал, а колготки сестры — первоклассницы длинными веревками падали вниз, обратно в воду...

— Миша, как вы сейчас живете? Где ваша мама?

— Да на работе она, а вечером... Пьет она теперь... как отец ушел. Приходит с работы уже на взводе... Не нужны мы ей с сестрой. Мне сестру жалко. Хочется ей артисткой стать, а сама мала еще, не понимает, что к чему. Я решил заочно учиться, а заодно — работать буду. Наташке платье красивое куплю... А потом к себе заберу, когда отдельно жить буду. Точно! Насмотрелись мы на все вдоволь!..

— Нина Петровна, вы в школе? — удивленно спросил директор, заглядывая в класс. — Я думал, вы после бессонной ночи отдыхаете.

Нина Петровна смотрела в распахнутое окно и улыбалась. Она не слышала вопроса, она была там, в прошлом, с Михаилом, Марией, Оксаной, Владимиром — со своим классом... И вдруг отчетливо поняла, что тогда, шесть лет назад, писала характеристики не только каждому ученику, но и самой себе, своей трудной, но интересной работе, жизни!..

Теперь Нина Петровна точно знала, как нужно дописать характеристику, знала все эти годы. Она взяла ручку и, зачеркнув незаконченную фразу «... Педагогический коллектив рекомендует Семенова М.И....» — размашисто написала: «Я хотела бы иметь такого сына!» □

Александр Мельник

Потепление климата

Все боятся потепления,
день и ночь о нем судачат.
Ждет народонаселение
Катастрофы, чуть не плача.

Ах, Европа ты, Европа...
Разомлев до неприличия,
позабыла о сугробах
старушенция тепличная.

Вон Катрин, она всем нравится —
вся в шелках и смотрит паинькой.
А в доху б одеть красавицу,
да засунуть ноги в валенки?

Или взять соседа Грэга,
сноба с тонкою бородкой.

Посадить его б в телегу
да в пургу послать за водкой!

Подведу жену к камину,
чтобы лед с нее откапал,
и припомню, как машину
грел зимой паяльной лампой,

как друг другу терли снегом
отмороженные уши.

От камина веет негой,
Отогрелась, дорогуша...

Страшно новым поколениям —
снег становится преданием.

Все боятся потепления.

Я ж боюсь... похолодания.

Нить Ариадны

Воспоминания гурьбою
теснят друг друга до утра.
Наедине с самим собою
я возвращаюсь во вчера

и там, в клубке противоречий,
ищу начало нити той,
что мне дает напевность речи,
власть царскую над немотой.

Вдоль этой нити Ариадны
иду до самого конца
и вижу там твой дом нарядный,
твой тонкий палец без кольца.

Вдоль узелков из дат и сроков
спускаюсь, року вопреки,
к тебе, стоящей у истоков
сегодняшней моей реки.

По гуннским заветам...

По гуннским заветам — на запад,
оставив Байкал за спиной,
побрел я... Добрался, не запил,
но что-то случилось со мной.

Всецело предавшись унынию,
скучает в кладовке рюкзак.
Он пахнет дымком и пылью —
все степь не забудет никак.

Судьба евразийская — запах
пыли влечет на восток,
но цепкий пронырливый запад
вонзил уже свой коготок...

Всю ночь, азиатский кутила,
за степь поднимаю бокал,
а мой собутыльник Аттила
со мною поет про Байкал.

Говорят, ты мне годишься в дочки...

Жене Оксане

Говорят, ты мне годишься в дочки...
Я тобою пьян не по годам.
Жизнь уходит, как вино из бочки, —
безвозвратно, быстро, навсегда.

После всех побед и поражений
ты — мое вино, моя лоза.

Пью тебя, любясь отраженьем
ночника в смеющихся глазах.

От любви неистойой хмелея,
становлюсь собою наконец.
Хорошо, что ты не Лорелея,
и что я — не ветреный пловец.

Прекрасная — до кончиков ногтей...

Прекрасная — до кончиков ногтей,
Пьянящая — до умопомраченья...
Высокий слог, а если без затей —
в простой любви мое предназначенье.

Все остальное — мелкая возня,
игра амбиций, всполохи тщеславия.
Любимая, простишь ли ты меня
за маленькие звездочки в заглавии?

За то, что рифмы трачу на других,
что редко о любви шепчу на ушко.
Прости меня за то, что этот стих —
лишь сделанная наспех безделушка.

Таинственную власть употреби,
вживи мне крылья в хрупкие лопатки,
чтоб я хрипел в любовной лихорадке —
любимая, любимая, люби...

О.К.

Напиши меня светом
на воздушном холсте,
чтобы отблески лета
мельтешили везде.

Напиши меня звуком
на краю тишины,

чтоб сердечного стука
были гулы слышны.

Напиши меня взглядом,
полным первой любви.

Встань на цыпочки рядом
и своим назови.

Я был поэтом от сохи...

Я был поэтом от сохи,
но переехал в зону евро,
чтоб не вымучивать стихи,
а сочинять одни шедевры.

Зажил спокойно, не спеша,
но через двое-трое суток

заметил — скуксилась душа,
закочевряжился рассудок.

Признаюсь вам, как на духу,
лениво жить — такое скотство!..

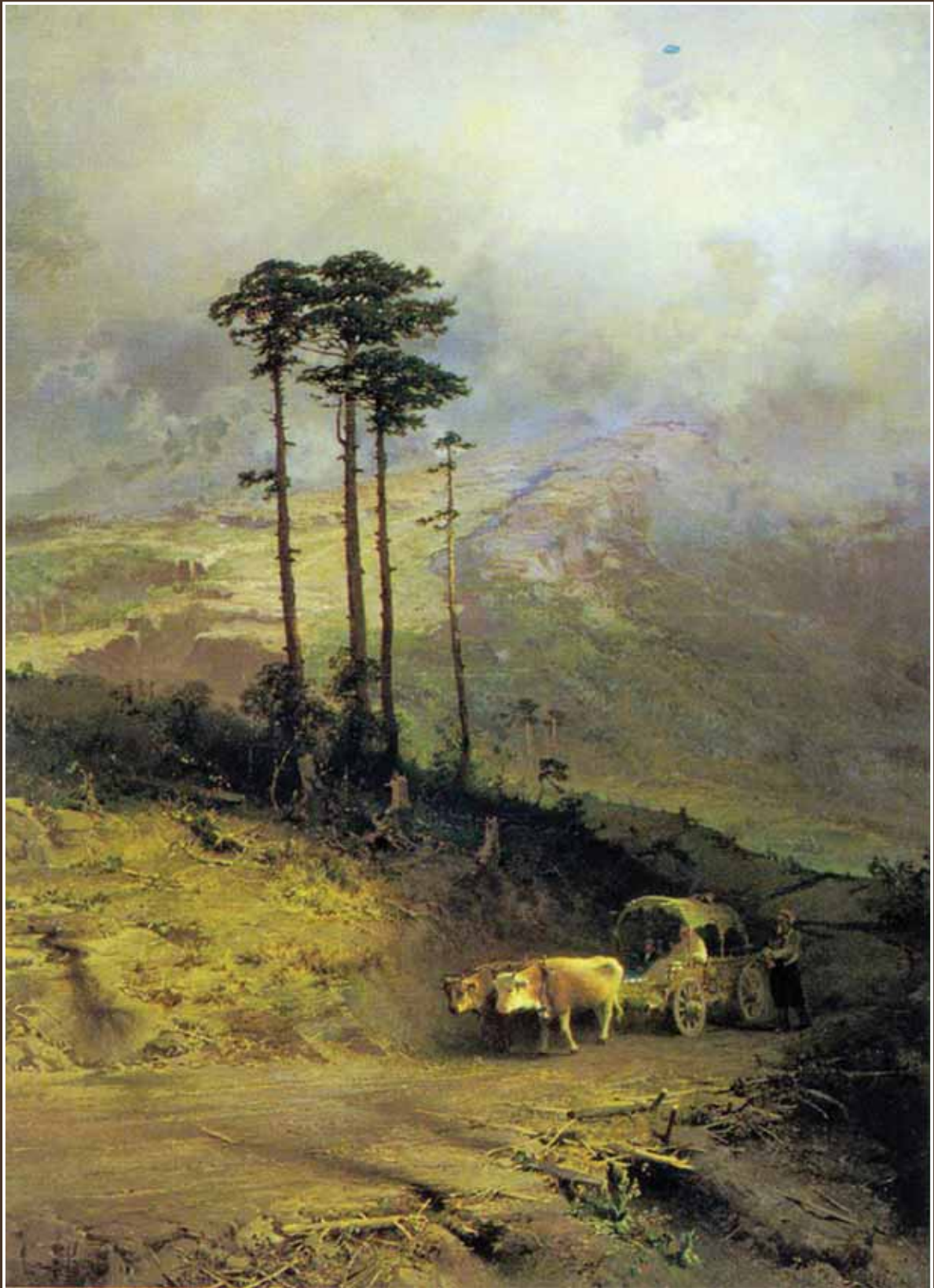
Куплю недорого соху.

Зачем? Для стихопроизводства!

К полтиннику добавился пятак — от Господа две круглые пятерки.
Глотаешь кислород за просто так, подпитывая рифмами подкорку,
безмолвствуешь, ворчишь или строчишь — все пропадает
в Лете-интернете,
где вместо эха — бульканье и тишь, как будто вовсе нет тебя на свете.

По знаку зодиака — Водолей, по сути — гладиатор на арене...
Премудрости твоих учителей хватило лишь на слаженность катрена,
на искру от костра, на тишину, на трудное, мучительное слово.
Ты мучаешь безденежьем жену и плачешь сам от скудного улова.

Приходится платить по векселям, но, глядя на кровавые мозоли,
ты кланяешься всем учителям и говоришь «merci» далекой школе,
наставникам, обрекшим на нужду, духовникам и новым краснобаям —
за то, что ты живешь в своем аду, раскинувшемся посредине рая. □

«В Крымских горах»

Ирина Опимах

В Фёдор Васильев

«В Крымских горах»

Этот пейзаж, один из лучших в русской живописи XIX века, был написан очень юным, но невероятно талантливым и зрелым мастером — Федором Васильевым. Уже зная, что умирает, он мечтал создать картину, «состоящую из одного этого голубого воздуха и гор, без единого облачка, и передать это так, как оно в природе». Такую, «чтоб, если преступник посмотрит на нее, то преступный замысел его будет отложен и покажется во всей его безобразной наготе». Федору Васильеву было всего 23 года, и он верил, что искусство делает людей лучше, нравственнее. Эта картина, последняя законченная работа, стала его духовным завещанием последующим поколениям. И, может быть, не так уж наивен был Федор Васильев...

И.Н. Крамской
*Портрет художника
Ф.А. Васильева*

Родился он 22 февраля 1850 года, в Гатчине. Счастливым его детство назвать трудно — во-первых, он был незаконнорожденным, а во-вторых, его отец, Александр Васильевич, хоть позже и признал законной женой Ольгу Полынцеву, родившую ему четырех детей, создать своему семейству сносные условия существования не мог. Когда Федору исполнился год, родители перебрались в Петербург и поселились на 17 линии Васильевского острова. Из их маленького дома нужда не уходила никогда. Отец служил сортировщиком газетной экспедиции петербургского почтамта, должность небольшая, да к тому же он еще и пил, да и в карты любил перекинуться. Денег всегда не хватало, а потому Федор уже в 12 лет устро-

ился на работу — был писцом, рассыльным. А потом ему повезло — он устроился в мастерскую к реставратору старинных картин И.К. Соколову. Мальчик был счастлив — ведь его самой большой радостью в жизни было рисование, и тут в мастерской все связано с картинами. Родители не приветствовали его увлечение, полагая, что таланта у него нет никакого — вот и их дальний родственник, любитель живописи господин Ковалевский, сказав, посмотрев на его рисунки: «Феде бы лучше забыть про краски». Но мальчик не верил никому — он знал, что обязательно будет художником! Соколов реставрировал картины старых мастеров, и Федя с восторгом рассматривал все детали старинных полотен. И учился...

Слева:
«Мокрый
луг»

«На реке.
Ветреный
день»

У Соколова было много друзей и знакомых среди художников, которые частенько заходили к нему в гости. Увидев в Феде интерес к искусству и явное дарование, они устроили его учиться в вечернюю рисовальную школу Общества поощрения художников. А там преподавали очень неплохие учителя, и среди них — Чистяков, Крамской, Шишкин. Они тут же отметили нового ученика. Особое участие в обучении, да и в судьбе мальчика проявляли Крамской и Шишкин, помогавшие ему не только осваивать основы живописи, но и вообще жить, сохраняя веру в свое призвание.

В 1865 году в Обуховской больнице умер старший Васильев, и пятнадцатилетний Федор стал главой семьи. На его попечении оказались

мать, сестра Евгения и два брата — Александр и Роман. Он изо всех сил зарабатывал деньги, чтобы их хоть как-то обеспечить, но без искусства уже просто не мог жить. Живопись — это его судьба, путь, с которого он не сойдет.

Шишкину очень нравился этот юноша — в нем была какая-то чистота и наивность, пылкость и несдержанность, романтичность и лиричность. Он познакомил Федора со своими друзьями, петербургскими художниками. «Его манеры были самоуверенны, бесцеремонны и почти нахальны, но замечу, это впечатление быстро изгладилось, так как это все было чрезвычайно наивно... и я должен сознаться, что часто он приводил меня просто в восторг свежестью чувств и меткостью сужде-

Справа:
«Оттепель»

«Деревня»

ний», — вспоминал Крамской, ставший близким другом Васильева.

Надо сказать, что ему везло на людей — рядом с Федором оказались замечательные художники, цвет интеллигенции того времени. Но рядом с ним они оказались не случайно — он этого вполне заслуживал. У него было невероятное обаяние, покорявшее всех, кто с ним сталкивался. Элегантный, остроумный, веселый, умеющий, по словам Репина, «кстати вставить французское, латинское или смешное немецкое словечко» и даже при случае сыграть нечто бравурное на рояле, он был еще и невероятно талантлив, и это видели все. Порой его считали слегка легкомысленным, но легкомыслие это было кажущимся — за желанием хорошо одеться и блистать в обществе скры-

вались болезненное самолюбие, комплексы незаконнорожденного, попытка скрыть свою бедность.

Федор окончил школу в 1867 году, и в этом же году Шишкин взял его с собой в поездку на Валаам, из которой Васильев привез несколько блестящих работ. Стремительно и совершенно неожиданно для многих, он вошел — абсолютно на равных — в круг лучших художников того времени, работая как одержимый, и проходя путь, на который у других уходили годы, за считанные месяцы.

В 1868 году его сестра Евгения вышла замуж за Шишкина, и отношения двух художников стали еще теснее — теперь они были родственниками.

В следующем году его пригласил провести лето в своем имении Зна-

менское в Тамбовской губернии известный покровитель искусств и меценат граф П.С. Строганов, а осенью Федор поехал с графом в его украинское имение Хотень, под Сумами. Васильев полюбил и тамбовские степи, и яркую украинскую природу. Запомнив ароматы, цвета, солнце этих мест, потом он не раз будет воскрешать их по памяти на своих холстах.

В 1870 году Репин задумал написать бурлаков. Ему хотелось найти яркие типажи, и Федор уговорил его поехать на Волгу — только там и можно было найти настоящие бурлацкие ватаги, убеждал он приятеля. И они отправились на Волгу, где провели все лето. Компания была большая — Репин, его младший брат музыкант Василий, художник Е. Макаров и Федор. «Он поражал нас на каждой мало-мальски интересной остановке, — позже вспо-

минал в книге «Далекое-близкое» Репин, — его тонко заостренный карандаш с быстротой машинной иглы черкал по маленькому листку его карманного альбомчика и обрисовывал верно и впечатлительно цельную картину крутого берега. ...Пароход трогался. Маг захлопывал альбомчик, которой привычно нырял в его боковой карман».

В начале 1871 года появилась васильевская «Оттепель», первое его по-настоящему взрослое произведение, где мастерство живописное соединилось с размышлениями уже вполне взрослого, глубокого человека. Хмурое небо, сельская дорога, одинокие потерянные фигурки путников... Увидев эту картину, Шишкин сказал: «О! Он скоро превзошел меня, своего учителя», а Крамской признавался ее автору: «Картина «Оттепель» — такая горячая, сильная, дерзкая, с большим поэтическим

Справа:
«Рассвет»

*«Перед
грозой»*

содержанием и в то же время юная и молодая, пробуждающая к жизни...» Оценили «Оттепель» по достоинству не только Шишкин и Крамской — на конкурсе Общества поощрения художников она получила первую премию и была куплена Павлом Третьяковым для его собрания.

Васильеву только исполнился 21 год, он был еще очень молодым человеком и порой совершал поступки, которые его старшие друзья называли шальными и даже глупыми. Зимой, катаясь на катке, он сильно простудился, а потом, еще не выздоровев окончательно, отправился со своим приятелем, студентом Академии художеств Кудрявцевым, в финские скалы «перекрикивать» Иматру — очень красивый, но очень шумный водопад. Став

по разные стороны водопада, они кричали друг другу до хрипоты.

После этого Федора стал мучить сильный кашель. Вскоре врачи поставили диагноз — чахотка. Вердикт был страшен и окончателен.

Весну Васильев еще провел в Петербурге, среди друзей-художников — работал много, как обычно, и по просьбе будущего царя Александра III сделал копию «Оттепели», которая спустя год украсила русский павильон на Всемирной выставке в Лондоне и произвела огромное впечатление не только на британских любителей живописи, но и на важных критиков. Потом его снова пригласил Строганов в Хотень, но было понятно — Васильеву нужно в тепло, на юг. В июле он уехал в Ялту. Деньги ему дало Общество поощре-

ния художников. Настроение было ужасное — он знал, что ему грозит. Но была и хорошая новость — Академия художеств присвоила ему звание художника I степени. Он был признан профессионалом.

Жить на новом месте оказалось непросто. На Федоре по-прежнему лежала ответственность за мать и братьев, нужно было платить за квартиру и лекарства. Он снимал маленькую, тесную квартирку и даже не мог позволить себе нормальной просторной мастерской. Именно поэтому ему не удалась большая картина «Прибой волн» — Федору нужно было отойти от холста на 4 метра, чтобы увидеть его целиком, а этого пространства у него не было, и приходилось писать картину фрагментами.

В 1871 году открылась первая Передвижная выставка. На ней был представлен портрет Васильева работы Крамского. Темноглазый молодой человек серьезно и спокойно смотрит на зрителя. Он очень симпатичный, этот юноша, и кажется вполне здоровым...

Общество поощрения художников ежемесячно посылало ему сто рублей, но денег катастрофически не хватало. Федору приходилось работать на износ, а сил было совсем немного. С большим трудом он выполнял заказы великого князя Владимира, пожелавшего преподнести васильевские творения в дар императрице, — писал виды Ливадийского дворца, которые ему совсем не нравились. Он очень тосковал по Петербургу, по своим друзьям —

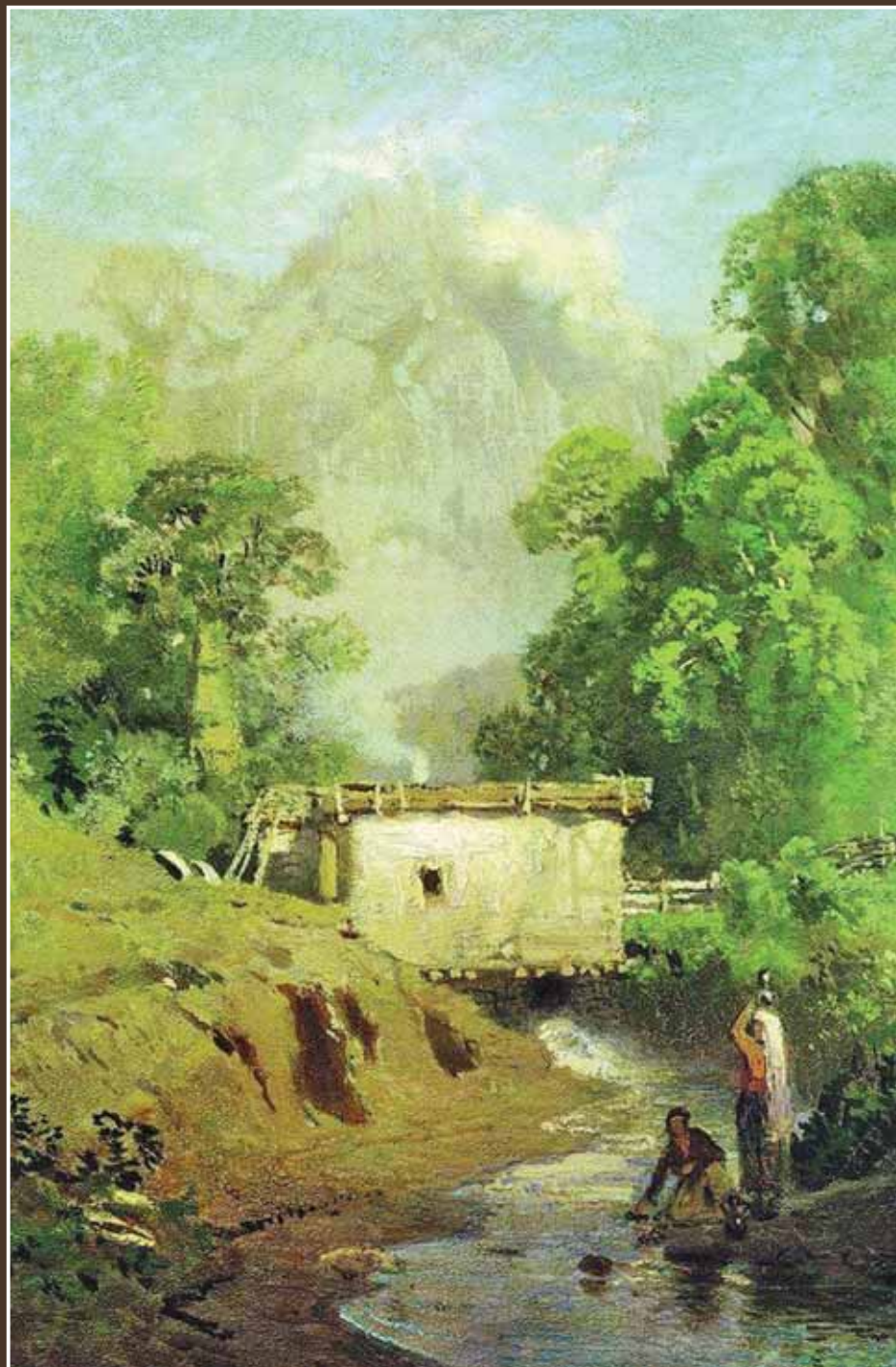

Шишкину и Крамскому, и спасали только их письма, в которых были и последние столичные новости, и рассуждения об искусстве, и оценки его картин. (Переписка Васильева и Крамского — удивительное свидетельство настоящей дружбы ярких, талантливых, умных людей.) А еще он очень тосковал по русским ландшафтам, пышная крымская природа его только раздражала, утомляла своей избыточностью, яркостью красок. И на его полотнах оживали поля и леса, болота и пруды — незатейливые, но такие дорогие сердцу виды родины, навсегда запечатленные в его памяти. Такой ностальгической картиной был и «Мокрый луг», представленный публике в 1872 году. В этой картине Васильеву удалось, как говорил Крамской, почувствовать и поймать

«общий смысл предметов, их разговор между собой и их действительное значение в духовной жизни человека». Он становился философом, этот «гениальный мальчик». И привыкал к Крыму, учился видеть горы, высокое небо, яркое солнце и невероятные южные звезды, которые здесь кажутся такими близкими, учился слышать шум моря. Теперь в его маленькой мастерской рождались крымские виды — «Зима в Крыму», «Крым. После дождя», «Крымские горы зимой» и, наконец, — «В Крымских горах». Васильев отправил картину в Петербург, и 28 марта 1873 года она была уже у Крамского. Крамской был буквально потрясен. Он видел какие-то огрехи, недостатки, но все это настолько не важно! «После вашей картины все картины — мазня, и ничего больше. ...

Слева:
*«В Крыму.
После дождя»*

*«Крымский
пейзаж»*

Вы поднялись почти до невозможной, гадательной высоты. ...Ваша теперешняя картина меня лично раздавила окончательно. Я увидел, как надо писать. Как писать не надо — я давно знал, но ...как писать надо — Вы мне открыли! — написал он

в Ялту больному другу. — Что-то туманное, почти мистическое, чарующее, точно не картина, а в ней какая-то симфония доходит до слуха откуда, сверху, а внизу на земле, где предметы должны быть реальны, — какой-то страдающий и больной

человек. Решительно никогда не мог я себе представить, чтобы пейзаж мог вызвать такие сильные ощущения», — вот так оценивал суровый и принципиальный Крамской эту последнюю законченную работу Васильева. Горы, переходящие в облака, сосны над горной дорогой, путники, неспешно преодолевающие путь. Огромный мир, и в нем — маленький человек... От картины трудно оторваться, она заставляет погрузиться в созданную художником вселенную и задуматься — а так ли мы живем? Правильно ли тратим свои силы, свою жизнь? А может, нужно что-то изменить, жить иначе, лучше, чище?

В том же 1873 году картина Васильева была показана на конкурсной выставке Общества поощрения художников и получила первую премию среди ландшафтных произведений. Купил ее — за весьма немалые деньги, 2500 рублей! — Сергей Третьяков, брат Павла Третьякова. Павел Михайлович внимательно следил за творчеством молодого художника, покупал его работы и всегда поддерживал Васильева, регулярно переводя ему немалые суммы в счет будущих картин. Но почему-то он устроил так, что «В Крымских горах» купил брат Сергей. По видимому, это была чисто воспитательная акция. Павлу Михайловичу не всегда нравилось, как распоряжался его деньгами Федор — прижимистый и расчетливый купец Третьяков считал неправильным, что Васильев порой позволял себе какие-то роскошества типа шелковых галстуков или ковров. К этому

времени Федор уже сильно задолжал Третьякову, и, чтобы тот мог ему хоть что-то отдать, он уговорил брата приобрести полотно — наверное, они заранее договорились, что оно потом все равно попадет к Павлу, Сергей ведь собирал западноевропейское искусство. Так и случилось — картина «В Крымских горах» стала украшением Третьяковской галереи.

А Васильеву становилось все хуже и хуже. Он уже с трудом говорил и общался с близкими с помощью записей в тетради. Крамской, узнав через своих ялтинских знакомых, что Федору совсем плохо, принялся хлопотать, чтобы ему дали пенсию на поездку в Италию — а вдруг средиземноморский климат вылечит его юного друга... Но...

В начале октября 1873 года заведующий художественным отделом Публичной библиотеки и известный критик Владимир Стасов получил письмо от Крамского: «Многоуважаемый Владимир Васильевич, быть может, вы найдете уместным сообщить публике ... об одном печальном обстоятельстве.... 24 сентября утром умер от чахотки в Ялте 23 лет от роду пейзажист Федор Александрович Васильев. ... Я полагаю, что русская школа потеряла в нем гениального художника».

Его похоронили на ялтинском Старомассандровском кладбище. Вскоре друзья установили скромный памятник, на котором высекли эпитафию:

Щедро он был одарен могучим и дивным талантом.

*«Крымские
горы
зимой»*

*Чудною силою чувства и красок
владел он в искусстве.*

*Полною жизнью дышит природа
в созданиях его вдохновенья.*

*Быстро развившись, мгновенно
он вспыхнул блестящей звездой.*

Но блеск ее яркий остался навеки.

Спустя три месяца после похорон Крамской, Шишкин и писатель Григорович организовали в Обществе поощрения художников выставку Васильева. Главной целью ее была распродажа картин, дабы заплатить его долги Обществу. И все получилось — многие картины были раскуплены еще до открытия выставки. За полотна выручили почти 6000 рублей. Удалось погасить все долги художника, да еще осталась немалая сумма — ее передали матери Федора.

«Гениальный мальчик» Федор Васильев, в котором было что-то от

Моцарта — так легко и вдохновенно он творил, — прожил всего 23 года, из которых 5 лет — как настоящий большой художник. Судьба порой бывает очень жестока... Кто знает, что из него получилось бы, проживи он дольше, но и за эти 5 лет своего творчества он сделал столько, сколько многим не удастся за всю жизнь, и стал легендой русского искусства.

Третьяков купил около 18 полотен Федора Васильева. Одной из лучших картин этой коллекции стал пейзаж «В Крымских горах». И сегодня, придя в Третьяковскую галерею, можно увидеть это чудо — горы, вершины которых теряются в облаках, бесконечную высоту неба и маленького человека, который, несмотря ни на что, продолжает свой путь... □

ЛЮБИМОЕ ДЕЛО

Георгий
Кричевский

«Стоило ли играть князя Мышкина, чтобы теперь слышать вслед: «Смотрите, идиот пошел!», — в сердцах бросил Евгений Миронов вскоре после премьеры многосерийного российского телефильма по бессмертному роману Достоевского. Сказал, разумеется, от огорчения за подобную уличную «оценку» великолепно исполненной сложнейшей главной роли в фильме. Впрочем, ему и раньше приходилось слышать от родных и близких схожие отзывы, вызванные его весьма странными поступками...

Когда он впервые объявил родителям, что хочет стать артистом, те были в шоке, но не препятствовали сыну — у них в семье было принято поддерживать друг друга. И папа с мамой, как могли, поддержали Женю в его туманном выборе. Сегодня Евгений Миронов уверяет, что мечтал об актерской профессии с детства. Хотя это вроде бы не вязалось с его природной стеснительностью, зажатостью, которыми он отличался в школе. Там первый его выход на сцену окончился провалом. Женя с пафосом исполнял трагическую песню об умирающем комсомольце, а его сверстники в зрительном зале с хохотом кричали: «Женька, тебе надо в клоуны идти!»

Домой он прибежал в слезах. И все же после восьмого класса поступил в Саратовское театральное училище. В то время актеры являлись настоящими кумирами публики, и застенчивому юноше ужасно хотелось славы, поклонниц... Женя с помощью отца даже подпись себе особую придумал для будущих автографов. «Я и сейчас так подписываюсь, — смеется Евгений Витальевич. — Абсолютно непонятно, зато как красиво!»

В окружавшей юношу жизни было больше суровой прозы, нежели поэтической красоты. Он родился в 1966 году в семье шофера. Детство провел в военном городке под Саратовом. Навидался всякого.

Родной дядя с малолетства кочевал по тюрьмам за воровство и поножовщину. Мама, Тамара Петровна, никакой определенной специальности не имела и в разное время работала продавцом, сборщи-

Миронова Евгения

цей елочных украшений. Однако, будучи простыми людьми, родители Жени тянулись к театру, к музыке и привили свои увлечения детям. Сестра Евгения, Оксана, после окончания школы поступила в хо-

реографическое училище, потом была переведена в знаменитую петербургскую Академию балета имени Вагановой. Выступала на сцене Государственного академического театра классического балета,

*К/ф
«Лимита»*

Справа:
*К/ф
«Охота
на пиранью»*

а ныне обучает детей в собственной балетной школе.

Женя с детства тоже отличался музыкальностью. Помимо театрального кружка занимался игрой на аккордеоне в музыкальной школе. Вместе с сестрой Ольгой любил устраивать кукольные представления, для которых они сами мастерили кукол из подручного материала, разучивали сценки и приглашали на представление родственников. Там он не зажимался, а в театральном училище все еще не мог избавиться от врожденной стеснительности.

Тем не менее, его растущий актерский талант педагоги успели рассмотреть и ограничить. Недаром после училища Миронова пригласили артистом в Саратовский театр юного зрителя. Но он вынашивал в душе другие планы и поехал в Москву по-

казываться самому Олегу Табакову в его мастерскую Школы-студии МХАТ. Прослушивание провинциального абитуриента (Олег Павлович, между прочим, тоже родом из Саратова, как и покойный Олег Янковский) продолжалось четыре часа. Затем последовали две недели испытательного срока, и Евгений Миронов был зачислен на второй курс.

Его быстро заметили, да еще как! Посыпались предложения сниматься (до третьего курса Олег Табаков своих студентов на съемки в кино не отпускал). И все же ему продолжала сопутствовать милая застенчивость, не мешавшая, впрочем, актерским достижениям. Первую известность принесли Миронову роли в фильмах. С фильмами и режиссерами молодому артисту повезло.

Картина А. Кайдановского «Жена керосинщика» (1988 г.) явилась его кинодебютом. Лента завоевала Гран-при на международном фестивале фантастики в французском Авроиазе. За ней пришел черед трем знаковым картинам в актерской карьере Евгения Миронова: «Перед рассветом» (1989 г.) Я. Лапшина, «Делай раз!» (1990 г.) А. Малюкова и «Затерянный в Сибири» (1991 г.) А. Митты. В первом фильме актеру досталась трагическая роль юного лейтенанта в начале войны. Во втором он предстал в образе растерянного новобранца, которого пытается сломать матерый сержант, герой В. Машкова. А в третьей картине, политическом триллере, схематичный мироновский персонаж запомнился зрителям подкупающей манерой его воплощения.

Эти фильмы продемонстрировали разнообразие актерской палитры Е. Миронова, однако подлинный большой успех пришел к нему после проникновенного исполнения одной из главных ролей в картине П. Тодоровского «Любовь» (1992 г.). За нее актер был удостоен премии на кинофестивале «Кинотавр». Петр Тодоровский снял его и в следующем своем фильме «Анкор, еще анкор!», где Миронов показал себя поистине полифоническим актером, которому подвластны любые характеры, и где, кстати, пригодилось его умение играть на аккордеоне.

Лиризм, комизм, коварство, слабость, самоотверженность, наивность и искушенность — все эти и многие другие состояния своих героев, будь то эпизодические или центральные роли, а с ними и пора-

зительную трансформацию внешнего облика Евгений освоил как бы шутя, без видимых усилий, в любом образе оставаясь, прежде всего, абсолютно органичным. Про таких говорят: «актер от Бога». А он на тот момент еще и в половину не исчерпал отпущенных ему актерских возможностей.

К середине 90-х Евгений Миронов, наряду с успешными работами в кино, прочно закрепился на лучших театральных сценах Москвы. В спектаклях родной «Табакерки» он блестяще воплотил квартального в «Ревизоре», Адуева-младшего в «Обыкновенной истории», Бумбараша... И вновь — необычайная широта диапазона, которую актер перенес да-

лее в крупнейшие международные театральные проекты, ставшие событиями культурной жизни столицы. Достаточно назвать «Орестею» и «Гамлета» в постановке П. Штайна, «Бориса Годунова», режиссер Д. Доннелан.

В театре «Современник» Миронова встретили с уважением, но слегка настороженно — слишком уж необычен, яркок. Как партнер и хорош, и в то же время труден — «планку» поднимает очень высоко, одним словом, солист. В 1995 году он сорвал аплодисменты в спектакле «Карамазовы и ад». Затем был МХТ им. Чехова, где Миронов играл Треплева в «Чайке», камергера в «Унди-не», Пигдена в «№13», Порфирия Головлева в «Господах Головлевых».

Слева:

*К/ф
«В круге
первом»*

*К/ф
«Пепел»*

И опять Миронов справлялся с диаметрально противоположными, глубокими характерами, окрашивая их своей неповторимой индивидуальностью, нигде не переигрывая, но проникая в самую суть персонажа. Его полюбили режиссеры авангардные, но и традиционные постановщики классического стиля тоже дорожили им. Ведь участие Евгения Миронова в спектакле означало успех. Он был хорош везде!

Практически каждый крупный киноактер проходит «обкатку» театральными подмостками. Однако, подобно его знаменитому покойному однофамильцу, назвать Миронова исключительно театральным либо киноактером невозможно, в нем с равной самоотдачей живут два

творческих «я». И все же славу ему принесло, конечно, кино.

В отличие от своего закадычного друга и партнера по ролям в фильмах и спектаклях Владимира Машкова, с которым они делили комнату в студенческом общежитии, Евгений не стал секс-символом (внешность, казалось бы, заурядная, простецкая). Нет в природе его актерского дарования ярко выраженной героики, машковского «мачизма», хотя в багаже Миронова немало героических и любовных ролей. Феномен обаяния этого мастера в неуловимости, изменчивости, легкости и подкупающей достоверности любых перевоплощений. На сцене и на экране он всегда разный.

И еще. Миронов, как мало кто, остро чувствует современность.

*К/ф
«В августе
44-го»*

Особенно это касается его работ в кино. Так, скажем, «Любовь» П. Тодоровского была своеобразным «моментальным снимком» входящего в новую жизнь поколения романтиков, и Евгению в этом фильме досталась соответствующая роль Саши, которого актер сделал на редкость узнаваемым.

А вот нашумевшая «Лимита» Д. Евстигнеева исследует уже другую сторону постперестроечной эпохи. Формирование «новых русских» показано здесь на примере судеб двух друзей, приехавших из провинции с кучей идей, но без гроша в кармане. Герой Миронова, застенчивый очкарик-программист, занимается защитой банковских компьютеров от вирусов, тогда как его друг, в исполнении В. Машкова, зарабатывает деньги на взломе компьютерных систем. Первый экранный дуэт талантливых актеров зрители горячо приветствовали и стали ждать новых встреч с ними.

Главным кинодостижением Е. Миронова в последнем десятилетии прошлого века оказался образ Николая в фильме В. Хотиненко «Мусульманин» (1995 г.), образ неоднозначный, полемичный. Евгений играет здесь бывшего солдата, вернувшегося домой в деревню после долгих лет в плену у моджахедов и принявшего там ислам.

Но подлинным зрительским открытием неожиданных граней мировоззрения стал его незабываемый капитан Алехин в экранизации романа В. Богомолова «В августе 44-го» режиссера М. Пташука. Командир оперативной группы контрразведки, которая охотится за опасными диверсантами на территории уже освобожденной Белоруссии, был изображен актером настолько убедительно, с таким точным знанием мельчайших нюансов его профессии и присущим ему непоказным мужеством, что заслужил самые лестные оценки и на-

грады Федеральной службы безопасности, не говоря уже о кинематографическом сообществе.

Впереди было покорение заоблачной вершины — «Идиот» Достоевского. Огромная напряженная работа в 10-серийном телефильме В. Бортко (2002 г.). Мироновский князь Мышкин и машковский Рогожин буквально потрясли воображение зрителей, рейтинги сериала зашкаливали. Даже возрастная аудитория, хорошо помнящая Ю. Яковлева в советской экранизации «Идиота» И. Пырьевым, теперь ассоциирует этот проникновенный, многозначный образ с личностью Евгения Миронова. Телефильм, предложивший новое прочтение романа, триумфально прошел по всему миру. На исполнителя роли князя Мышкина дождем посыпались награды. И главная — звание народного артиста России.

Под знаком этой роли у Миронова прошло первое десятилетие нового века. Но почивать на лаврах он не привык и успел еще тогда сняться в успешной романтической драме А. Учителя «Космос как предчувствие» (2005 г.), где сыграл на пару с Е. Цыгановым. Это фильм о двух провинциальных парнях, мечтающих в далеком 1956 году о полете в космос, причем в мироновском герое мы узнаем черты Юрия Гагарина. Картина получила главные российские призы — «Нику» и «Золотого орла», была удостоена высшей награды Московского международного кинофестиваля — «Золотого Георгия».

После выхода фильма А. Учителя для народного артиста Евгения Миронова наступил период «самоопределения». На пороге сорокалетия надо было решать, куда и с кем двигаться дальше. Несмотря на заслуженный авторитет, уникальный актерский талант и высочайший профессионализм, многие маститые режиссеры кино и театра побаивались работать с ним из-за его якобы вздорного характера. Он ни у кого не шел на поводу, и, целиком отдаваясь роли, требовал, чтобы к его мнению прислушивались.

«Я не пластилиновый и не восковый, — говорил Е. Миронов. — Не люблю, когда артист становится материалом для лепки. Я могу участвовать в процессе создания спектакля только полноценно, вместе с режиссером. Если этого нет, я либо прекращаю сотрудничество, либо хитрю, но гну свою линию».

Его творческий максимализм на сцене и на съемочной площадке мог сделать порой Евгения Витальевича колючим и неуживчивым, хотя в жизни он считался невероятно влюбчивым, ранимым, способным на безрассудные поступки. Так, однажды из-за бурного романа он упустил звездную роль Чонкина, на которую чешскому режиссеру И. Менцелю его рекомендовали О. Табаков и Н. Михалков. На пробы в фильме он пришел после бессонной ночи, практически никакой, и должного впечатления не произвел. Это он-то, Евгений Миронов, пугавший иногда партнеров и постановщиков своим актерским фанатизмом!

Вспоминали, как во время работы над «Гамлетом» у Питера Штайна Миронов не мог спать. Если на короткое время удавалось ночью заснуть, то быстро пробуждался оттого, что проигрывал в уме очередную мизансцену, все записывал и утром шел на репетицию. «Это было не просто мучением, — рассказывал Евгений Витальевич, — то был наркотик. Абсолютно точно в течение трех месяцев я был в наркотическом опьянении от Шекспира и от Штайна. Я «подсел» на «Гамлета». И вышел с очень тяжелыми последствиями, потому что, когда первый раз закончил играть, почувствовал, что надо не то чтобы отдохнуть — в пору лечиться».

В результате актер очутился в специальном подмосковном пансионате, большинству обитателей которого было за 70. Миронов гулял, пил фитонапитки, принимал йодобром-

ные ванны, а приезжавшие проведать его недоумевали: разве можно настолько входить в образ, чтобы выходить из него в больничном пансионате... Евгений Витальевич только молча усмехался. Он ведь еще мальчишкой в драмкружке однажды настолько вошел в образ, что по-настоящему порезался, вызвал хор рыданий в школьном зрительном зале и под занавес упал в обморок.

Кстати, тот роман, из-за которого Миронов упустил роль Чонкина, быстро угас. Как, впрочем, большинство других. Отношения с женщинами у артиста явно не складывались! Возможно, причина в юношеской драме. Во время учебы в институте Женя был отчаянно влюблен в сокурсницу Машу Горелик. История их отношений фактически легла в основу картины П. Тодоровского «Любовь», в которой Миронов сыграл главную роль. И, подобно героине

Слева:

К/ф
«Время
первых»

К/ф
«Апостол»

фильма, Маша Женю покинула, уехала за границу. А он до сих пор не женат, все еще ждет свою вторую половинку. К тому же слишком серьезно относится к браку, имея перед глазами идеальный пример супружества родителей.

В таких случаях шутят: мол, женат на театре. К Миронову эта шутка применима целиком и полностью. В 2006 году он создал собственную театральную компанию, выступив продюсером спектакля «Фигаро. События одного дня». Спектакль поставил К. Серебрянников, и Миронов с блеском исполнил в нем главную роль. А затем основал в том же году Театр наций — совершенно новый по форме и содержанию, где нет постоянной труппы и репертуара, и где всякий раз для сценического воплощения выбранной иностранной или отечественной пьесы приглашаются интересные российские

актеры и видный зарубежный режиссер.

Руководя этим во многом экспериментальным, однако, очень популярным у широкой публики театром, Евгений Витальевич принимает непосредственное участие в его постановках. В «Рассказах Шукшина» (в постановке режиссера А.Херманиса) он сыграл... десять ролей. Спектакль был удостоен премий «Хрустальная Турандот» и Золотая маска». В 2011 году Театр наций с аншлагами показал российским и итальянским зрителям «Калигулу». Безумного древнеримского императора мощно представил Евгений Миронов.

Театр наций продолжает сегодня держать марку. Его сценография и постановочные эффекты не перестают удивлять искушенную столичную публику. Премьеры этого театра — всегда событие, сюда трудно

*К/ф
«Космос как
предчувствие»*

Справа:

*К/ф
«Идиот»*

купить весьма дорогие (даже по столичным меркам!) билеты. Спектакли Театра наций стараются посетить высокие правительственные гости и приезжающие в Москву знаменитости. Ближайшие планы театра Евгений Витальевич не раскрывает, но репетиции очередного спектакля уже идут полным ходом...

Свой большой антрепризный театр, учреждение двух действенных театральных фондов, участие в орга-

низации фестиваля TERRITORIA — вроде бы, уже и не до кино. Но Миرونнов продолжает активно сниматься, только к выбору ролей и сценариев стал подходить еще требовательнее, не гонясь за количеством. Это, прежде всего, относится к многосерийным телефильмам высокого уровня на серьезной литературной основе. Таким, например, как «В круге первом», по роману А. Солженицына. Когда в 2005 году Глеб Панфилов взялся за столь мас-

штабный и сложный проект, он во многом положился на писателя. Александр Исаевич сам писал сценарий, бывал на съемочной площадке и участвовал в выборе актеров. Он-то первый и предложил на главную роль математика Нержина Евгения Миронова.

Главная роль в сериале — это съемки «из сцены в сцену», два-три, подчас четыре месяца подряд. Огромное напряжение физических и душевных сил актера для удержания на протяженном отрезке времени ауры личности его героя, которая, собственно, и является центром притяжения зрительского внимания. В «Идиоте» Миронов слишком хорошо познал на себе сериальную специфику. И вот снова «вошел в ту же реку». И снова блестяще спра-

вился с поистине трагической ролью, которая стала для него, как он признавался, одним из главных жизненных испытаний.

Новым вызовом актерскому мастерству Миронова послужила многосерийная военная драма «Апостол» (2008 г). Над ней работали сразу три постановщика. А Евгений Витальевич сыграл здесь роли двух братьев-близнецов — заброшенного к нам в тыл гитлеровского диверсанта и сельского учителя, которому, по плану советской контрразведки, предстоит его «подменить» и влиться в агентурную сеть фашистов. По поводу успеха сериала достаточно напомнить, что когда по телевизору шла очередная серия, улицы городов и поселков пустели. Едва ли не основная

*К/ф
«Мусульманин»*

заслуга в этом принадлежала Евгению Миронову.

«Неугомонность» (в хорошем смысле слова), стремление вырваться за границы привычных, пусть и полюбившихся зрителям образов толкнули актера сыграть одну из двух главных ролей в весьма необычном для нашего телеэкрана сериале «Пепел» режиссера Вадима Перельмана. Опять мы видим в остром противостоянии героев Миронова и Машкова. Только на этот раз изобилующий крутыми поворотами сюжет поменял их местами: Сенька Пепел, вор и взломщик в исполнении Е. Мирнова, очнулся после удара по голове на больничной койке в форме советского офицера (В.Машков), который бежит, спасаясь от грозящего ему ареста,

и пользуется случаем укрыться в воровской жизни мироновского персонажа. Тот же, в свою очередь, начинает новую военную карьеру, преуспевает, но в финале оба сходятся в смертельной схватке.

Захватывающая игра этого актерского дуэта, в котором Миронов едва ли не впервые воплотил на экране полноценный образ отпетого негодяя, и впечатляющие натурные съемки на севере России принесли сериалу самый высокий рейтинг телесезона.

Тогда же Евгений Витальевич прервал свой сериальный марафон, решив еще раз доказать публике в приключенческом боевике А. Кавуна «Охота на пиранию», что для него нет ничего невозможного. Белые волосы, горящий взгляд, накачен-

ный торс — актер почти неузнаваем в облике увешанного оружием инфернального предводителя таежной шайки бандитов, практикующего охоту на людей. Ему в фильме опять-таки противостоит В. Машков, и зрители, затаив дыхание, следят за их противостоянием.

Разрываясь между кино и театром, Евгений Витальевич в последние годы начал все же отдавать предпочтение сцене. Возможно, сказались отсутствие интересных сценариев, а также понимание своего

основного предназначения, для которого, когда тебе под пятьдесят, надо беречь силы. Однако отказаться от роли великого русского писателя в восьмисерийной биографической драме В. Хотиненко «Достоевский» он никак не мог.

Шесть лет спустя после князя Мышкина в «Идиоте» актер, как говорится, «закольцевал» тему. Два года продолжалась напряженная, кропотливая работа над фильмом, охватывающим 30-летний период жизни Федора Михайловича, на который

*Спектакль
«Гамлет»*

пришлось большинство его творческих свершений. Погружение Миронова в материал было исключительным. Он прочитал тысячи страниц исследований о Достоевском, дневники и письма писателя, воспоминания о нем современников и добился стопроцентного попадания в образ, внешнего и внутреннего. Богатый театральный опыт помог ему убедительно перевоплотиться

в этого гениального, противоречивого, даже загадочного человека, которого обуревали разные страсти, проникнуться духом эпохи и манерой Достоевского за рабочим столом.

«Золотой орел» лучшему актеру телевизионного многосерийного фильма 2013 года — заслуженная награда Миронову за эту трудную и яркую работу.

Он по-прежнему сдержан, закрыт и никого не пускает в свою личную жизнь. Интервью дает мало и неохотно. На светских мероприятиях появляется редко, под руку с мамой. Она — его главный друг и советчик. Причины, по которым Евгений Витальевич пока так и не обзавелся семьей, он не раскрывает, а слухи о своих романах игнорирует.

В 2014 году ему вновь удалось удивить публику необычной ролью в фантастическом триллере Д. Грачева «Вычислитель». Это был международный проект, участники которого воссоздали на съемочной площадке в Исландии причудливый мир далекой планеты, наполненной всяческими опасностями и ловушками. Туда отправляется космическая экспедиция во главе с Вычислителем Эрвиным, которого играет Миронов. Математик Эрвин просчитывает каждый ход противника и ответные действия своей команды. Эти вычисления позволяют им выжить во враждебном мире чужой планеты. Фильм не слишком удался, и Евгений Миронов выглядит в нем единственным светлым пятном.

Затем последовал грандиозный кинопроект «Время первых». Он рассказывает о подготовке и проведении первого выхода человека в открытый космос. Миронов в этом фильме режиссера Ю. Быкова сыграл нашего знаменитого космонавта Алексея Леонова. Картина имела широкий прокат, и зрители смогли по достоинству оценить в ней качество сложнейших трюковых сцен, не уступающих, по мнению знато-

ков, куароновской «Гравитации». Но все же без улыбки Миронова, без его актерского обаяния никакие спецэффекты не смогли бы оживить эту ленту. Яркими мироновскими партнерами в ней выступили К. Хабенский и А. Урсуляк.

«Играть в Голливуде бандита или русского в шапках-ушанках? Мне кажется, это означает одно — позорить нацию. Я так не могу, — ответил актер в одном интервью на вопрос, хотел бы он, по примеру некоторых своих коллег, сниматься на Западе. — Когда-то мне предложили эпизод в картине «Миссия невыполнима». Я отказался. И это мой выбор. Володя Машков, например, работает в Голливуде, и у него есть вполне замечательные роли...»

Изнурительный рабочий график практически не оставляет Евгению Витальевичу время на хобби и увлечения. Он даже не очень понимает смысл понятия «хобби». Говорит, что любит посидеть за шахматами, а зимой — походить на лыжах.

Будучи человеком самодостаточным, он не испытывает ни к кому чувства зависти. Признался, что, может, только однажды позавидовал блистательному Олегу Меньшикову, увидев его в спектакле П. Фоменко «Калигула».

«Наверное, мне в жизни везло, ведь я занимаюсь любимым делом. Пусть у меня нет мировой славы, но, честно говоря, не лукавя, мне это не важно. Меня знают достаточно много людей. И это мне приятно. Иногда даже бывает тяжело с таким бременем». □

Валентин Осипов

КРЫМ

в драме и фарсе

*Столетней давности свидетельства
архивов, газет и мемуаров*

«История — учитель жизни» — гласит древняя мудрость. А если ученики нерадивы? Тогда для них есть наинадежный диагноз, тоже по старинному крылатому выражению: «История повторяется дважды: сперва как драма, затем как фарс».

Что за драма? Крым 1918-1920 годов — интервенция Германии, потом Англии, Франции и присных...

Штыки, пушки, могилы... Театр военных действий в антироссийском действии!

Оправдание: «Крым — России!», в надежде, что, в одном строю с чужеземными войсками, белые при слогане «За единую и неделимую Россию!» — покорят Советскую республику Тавриды (провозглашена в январе 1918 года).

Крым — трамплин! И это не скрывается — один из идеологов интервенции С. Пасманник провозглашает в своей газете «Таврический голос»: «Скоро союзные армии будут в Москве и Петрограде» (1918 г., № 56).

Старикам тогда могло еще помниться (64 года тому назад) вторжение в Крым войск Турции, Англии, Франции и итальянцев из Сардинского королевства во времена Николая I. Оправдание: не дать России покровительствовать православным в Турции. На самом деле боялись крепнущих российских позиций на Черном море.

(Читателю не трудно будет далее заметить, что факты с обличением оккупантов я для своих заметок выбирал только по белым и иностранным источникам.)

ДРАМА ФАКТОВ В ВОСЬМИ АКТАХ

АКТ ПЕРВЫЙ.

1918 год. Турция на авансцене. В начале года оттуда призыв гостя, вождя крымско-татарских националистов Джефера Сейдамета к Германии — вводите войска!

Германия. С апреля по ноябрь ее войска в Крыму. Что же крымско-татарский парламент «Курултай»? Странно на первый взгляд, но не объявил войну захватчикам, он приветствовал их, гляди, помогут создать, как заявлено, «Независимое Крымское ханство».

АКТ ВТОРОЙ: гетманство и германство.

Речь о гетмане Скоропадском — кратковременном правителе отделившейся от России Украины. Велик внезапный искус откусить у России Крым. А как в одиночку-то? Постыдные для самостийников откровения вычитываю в белоэмигрантском «Архиве русской революции» (много томник, изданный в Берлине, 1920-1930 гг.): «У гетмана армии не было. Немцы мешали ему создать такую. Они оккупировали Украину для

своих целей. Немцы направляли политику гетмана в ту сторону, в какую им казалось выгодным ...»

То-то же Крым выгодно оприходо- ван: «Немцы крепко держали в своих руках Крым, Приазовский край»...

А что белый генерал Деникин, когда овладел Крымом в январе 1919-го? Он даже не постеснялся перепечатать в своих мемуарах ед- кую критику из письма своего вскоре преемника генерала Врангеля: «Цеп- ляясь за ускользящую из рук ва- ших власть, вы успели уже стать на пагубный мир компромиссов, усту- пая самостийникам».

АКТ ТРЕТИЙ: смена оккупаций!

Газета «Таймс» (Лондон) цинична: «Пока Черное море закрыто для на- шего флота, наша морская мощь не может влиять на будущее России» (1918 г., № 41).

Без пособников не обошлось. Где готовился флот к походу на Рос- сию? В Румынии. Кто в Босфоре, закрытом в пору войн, открыл доро- гу на Крым империалистам Англии и Франции? Турция!

1919 год: Англия оккупировала Крым от Ялты на восток (столица Керчь), Франция — от Ялты на за- пад (столица Севастополь).

И вот там, где Красная Таврия приняла гимн красной России «Ин- тернационал» про братство наро- дов, который, как известно, напи- сан во Франции, воодушевляет ин- тервентов гимн Франции «Марсе- льеза», со словами про свободу,

и гимн англичан, в котором страст- ное желание, чтобы рассеялись, по- гибли и посрамлены были бы враги Британии.

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ: оккупация в крови и газах.

Чего хотят интервенты? Помочь ге- нералам Деникину, а затем Вранге- лю «угговорить» крымчан стать из красных белыми. Как «агитирова- ли»? Читаем же архивные материа- лы и газеты того времени.

...Идеолог белых, издатель жур- нала «В Москву!» монархист Пуриш- кевич (тот, кто входил в тройку убийц Распутина): «В лесах Крыма сейчас находятся 30.000 большевиков. Их надо поймать, повесить, а некото- рых поджаривать» (газета «Вольный юг», 1919 год, № 261). Замечу, что у него среди красных нашлась еди- номышленница — Розалия Земляч- ка, начальница большевиков Крыма. И на ее совести жестокий террор — ответный, хотя, вопреки совету Пу- ришкевича, пользовала «лишь толь- ко» расстрелы и утопления врагов в море.

...Военный эмиссар Антанты пол- ковник Трюссон заявил: «Я управляю всеми здешними войсками». Будем же знать, сколько прибыло в Крым оккупантов: 22 тысячи, включая 2 полка греков и 7 тысяч сенегаль- ских стрелков, 6 броненосцев, 2 крей- сера, 11 миноносцев, госпитальное судно и 15 транспортов. Вот и Гре- ция, подневольная тогда Британии, в драме.

Дальше некоторые извлечения из хроники «агиткампании». 1 апреля — из донесения: «Полковник Трюссон выслал к Перекопу несколько батальонов греческих войск». 27 апреля из штаба Деникина послание: «Я и вверенные мне войска приносим сердечную благодарность союзному флоту в лице его старшего начальника за мощную поддержку огнем, оказавшую решающее влияние на успех сегодняшнего боя». Ответ: «От имени союзной эскадры я благодарю вас горячо за вашу любезную телеграмму. Я убежден, что наша будущая работа рука об руку будет иметь еще больший успех».

И вот продолжение «успехов». 12 мая телеграмма все того же полковника Трюссона: «В продолжение ночи английские миноносцы обстреливали деревню Аджи-Мушкой». Тот же день — запись на прямой провод штаба Деникина: «У аппарата полковник Коновалов. Здравствуйте. Завтра утром еду торжественно вручать англичанам письмо и воззвание командарма, попутно лично повторяю вопросы о греках, газах, гранатах и содействии левому флангу Кавказской армии в районе Мариуполя со стороны английского флота». 19 мая штаб Деникина оповещен: «Английский миноносец № 68, уходя в Константинополь, выпустил 89 снарядов, начиненных ядовитыми газами. Вся деревня Аджи-Мушкой была разрушена». 23 мая новая реплика: «Английские войска стреляли по Митридату». Полковник Коновалов: «Не-

обходимо просить англичан доставить нам в Керчь 50 тысяч кг. удушающих газов».

АКТ ПЯТЫЙ: ОКУПАНТЫ — ГРАБЕЖИ И РАСХИЩЕНИЯ.

1919 год, март — из рапорта белых белым о судьбе бывших царских дворцов (письмо № 515 на бланке «Канцелярии Министра Земледелия и краевых имуществ» с донесением Начальнику Управления национальных имений): «Об отпуске Французскому командованию кухонной и чайной посуды и белья, а также и мебели». 12 апреля. Акт белого Правительства Крыма (подписи: председатель, Управляющий министерством финансов, министр внешних сношений и министр юстиции): «Крымское Краевое Правительство передает французским властям в Севастополе ценности, вывезенные из Краевого Банка на крейсер «Кагул», а равно ценности, находящиеся в здании казначейства в Севастополе с тем, что мы предоставляем французским властям расходовать эти ценности».

Выделю свидетельство от 30 апреля: «Английские дредноуты «Мальборо» и «Кентербери» вывезли Николая Николаевича и Марию Федоровну Романовых, князей Юсуповых и мн. др. с драгоценностями и имуществом царских дворцов».

За кулисами театра союзничества. Один из авторов Архива русской эмиграции, Александр Валентинов, офицер полевого штаба

Врангеля, в своих воспоминаниях «Крымская эпопея» увековечил отношения своего начальника и интервентов. 1920-й год: «18 августа. Начштабав получил телеграмму от командира английского дредноута «Мальборо» с запросом, будут ли главком и начштабав присутствовать на парадном обеде». Еще строчка: «Отправлена телеграмма в Париж. Главком просит ходатайствовать перед союзниками о направлении в Крым некоторого числа людей из интернированных в Германии».

Далее еще более впечатляющие свидетельства единения: «30 августа. В поезде, вместе с ген. Врангелем, должны были следовать военные агенты иностранных государств, состоящие при Крымской армии. Поездке придавали большое значение. Несомненно, что она была блестящей победой П. Струве (белый дипломат. — В.О.). На фронте ждали и верили, что Европа и Америка узнают, наконец, правду о тяжелой обстановке, в которой, напрягая последние силы, защищают дело мировой цивилизации».

Живописен коллективный портрет агентов-интервентов: «Знатные иностранцы из Версаля и с той стороны океана, в новеньких щегольски-ярких мундирах и наутюженных смокингах». (Внимание: вот и США «засветились» в крымской драме.)

Без пиара, выражаясь нынешним языком, не обошлось — не боялись огласки: «Иностранные корреспонденты обгоняют, то и дело слышатся усердное щелканье затворов»... Ре-

жиссеры навязанного России драматического спектакля тоже хотят увековечиться в истории времен покорения Крыма: «Теперь фотографические аппараты видны уже на руках и у адм. Маккэли и у команданта Такахаси, и у других». (Внимание: Япония!)

Для иностранцев провели смотр войск. И экзотикой побаловали с одобрения Врангеля: «Показанная в заключение смотра джигитовка произвела огромное оживление». Еще больше подивили игрой, как казаки «с гиганьем похищают невесту». Воспоминания Валентинова доносят до нас горькую укоризну одного сослуживца, старого русского офицера: «Даю голову на отсечение, что во всех чикагских и неапольских журналах это будет зафиксировано, как спасение храбрых казаков своей жены от кровожадных большевиков».

Закончилась поездка молебном: «Все присутствующие опускаются на колени. Представители иностранных миссий тоже».

Воспоминания подытожены величаво-воодушевляюще: «Факт посещения армии представителями ряда держав произвел большое впечатление».

Меня особо впечатлило из мемуаров врангелевского штабиста то, что нынче скрывается: с интервенцией Англии и Франции в Крыму солидаризировались США (мало показалось захвата Архангельска и Мурманска), Япония (мало показалось захвата Дальнего Востока), Италия (мало показалось участия в захвате

Мурманска). Замечу: штабист почему-то забыл помянуть нагрянувший для устрашения болгарский крейсер «Надежда» в Крыму в октябре 1918-го и то, что в 1921-м Турции удалось отобрать у армян, по слабости советской дипломатии, армянский город Карс.

Нельзя не сказать и об отношении к интервентам крымско-татарских националистов. В апреле 1920 года ранее упомянутый Сейдамет предложил Польше мандат на Крым...

АКТ ШЕСТОЙ: Петлюра и завоеватели.

Еще один диктатор — Петлюра — разрабатывал договор с Францией.

Что в нем? Диктовка Петлюрой условий на равноправие, независимость и заботу о процветании и мирной жизни украинского народа? Хорошо, что текст сохранился — читаем же: «Вся финансовая, торговая-промышленная, военная и железнодорожная политика Украины ведется под непосредственным контролем представителей французского правительства». Каково! Что же затребовал колонизатор от колонии? Пушечное мясо: «Обязана в один год организовать 300-тысячную армию».

АКТ СЕДЬМОЙ: Нота протеста.

1919 год, 5 июля — из Москвы депеша странам Запада. Значительная часть этой «красной» ноты со-

ставляет «белый» Протокол с подписями: городской голова Феодосии, председатель городской думы, председатель съезда мировых судей и даже — внимание! — консулы Италии и Швейцарии.

Далее несколько извлечений: «Ужасная резня мирного населения производится с ведома и при поддержке Союзного командования... 27 апреля в деревне Дальние Камыши отрядом Добровольческой армии под прикрытием союзных судов вырезана значительная часть жителей, и вся деревня разграблена... Союзные суда и по сие время обстреливают Керченский полуостров, сметая огнем целые деревни и губя культуру края». Западные «миротворцы» не пощадили даже немецкую колонию Герценберг — отмечены «убийства, насилия и грабежи».

Нота заканчивалась так: «Требуем создание Международного трибунала». Вот бы узнать: не прошел ли срок давности преступлениям при интервенции?..

АКТ ВОСЬМОЙ: монолог Правителя юга.

Так, сменив в Крыму Деникина, стал именоваться себя генерал Врангель. Читаю его мемуары — одно за другим будто и в самом деле для Трибунала. Вот каскад признаний об отношении к интервентам, хотя и по сию пору Врангеля числят в патриотах: «Я допускал возможность германской ориентации... Генерал Шатилов должен был повидать Великобританского верховного комиссара

и командующего английским оккупационным корпусом адмирала де Робек, с коими и вести переговоры, всемерно стараясь не дать англичанам возможности «выйти из игры»... Я принимаю все меры, чтобы убедить французское и польское правительства в необходимости продолжения поляками борьбы (с красными), или хотя бы затягивания намечавшихся мирных переговоров». Вот вновь Польша в драме, да отнюдь не статистом!

Какое же лакейство у барона-генерала — заявляет командующему французских оккупантов: «Господин верховный комиссар, вы можете рассчитывать у нас на самый сердечный прием и на живейшее с нашей стороны стремление содействовать вам в выполнении возложенной на вас миссии». Или: «Я дал несколько обедов представителям иностранных миссий английской, французской, американской, японской и польской... С представителями всех миссий без исключения установились наилучшие отношения». (Внимание: на сцене по-прежнему и США, и Япония, и Польша!)

Еще: «В Вашем лице я хотел бы выразить живейшую признательность правительству республики за почин, который она приняла на себя». Речь идет о военной помощи. Бескорыстной ли? Врангель не скупится — есть чем платить за оккупацию: русским военным и торговым флотом. Пишет, не умничая, по-генеральски прямо: «Эти суда долж-

ны служить залогом оплаты тех расходов Франции, которые уже произведены Францией, или могут ей предстоять».

Врангель выделил президента США — приглашает его на окровавленную сцену. Заявил: «Рассчитывают как на дипломатическую, так в будущем и на финансовую поддержку».

Штабист Врангеля Александр Валентинов подвел итог: «Вся трагедия была в том, что в Париже была политика, а в Крыму, — не могу подобрать других слов, — было, извините, неприличное лакейство».

Продолжаем читать крымские откровения Правителя Юга — что ни строка, так очевидные «вещдоки» для Международного трибунала.

Мир, покой и благоденствие? Ответ в воспоминаниях Врангеля: «Внутренняя связь между вождем и Армией порвана... Пьянство, самоуправство, грабежи и даже убийства стали обычным явлением в местах стояния большинства частей... Беспорядочные, самовольные реквизиции войск еще более увеличивали хозяйственную разруху и озлобляли население... Мы несли собой не мир и прощение, а жестокий карающий меч».

Демократия? Врангель свидетельствует: «Я не допущу политической борьбы... Действия, наносящие вред нам и служащие на пользу противника караются весьма строго, вплоть до смертной казни... В населении нет уверенности, что голос

обиженного будет услышан, и оно нередко не знает, к кому обратиться за восстановлением своих поправленных прав». Позаботился и о «свободе слова и печати»: «Мы не можем обойтись без цензуры». Признается: «Сплошь и рядом статьи совершенно невинного характера не пропустились».

Показания очевидцев.

Александр Кизеветтер, историк, эмигрант. Он обнародовал служебную «Записку» Налбандова, министра белого Крымского правительства в 1918 году. Читаем: «В ней изложена история возникновения правительства Сулькевича под непосредственным руководством немецкого оккупационного командования» (поясню: речь о генералемонархисте, правил Крымом с июня по ноябрь 1918 года). Но вот и о предательстве российских национальных интересов: «Переговоры правительства Сулькевича с Украиной, где правительство Скоропадского настойчиво домогается инкорпорации Крыма в Украинское государство».

Узнаю от Кизеветтера истинно сенсационное — снова на сцене Турция: «Одна существенная особенность правления Сулькевича не затронута в «Записке» Налбандова. Это — туркофильство Сулькевича, заходившее так далеко, что возникали подозрения о намерении Сулькевича подготовить подчинение Крыма Турции».

Николай Авксентьев, лидер правых эсеров, эмигрант. Читаю его очерк «Patriotica» — название-то как ково! Для начала здесь о власти той страны, что тогда взбудоражила мир алчным вождением Пилсудского «От моря до моря: от Балтики до Черного!» «Польша объявила войну России, захвачены были русские области, города».

Наконец-то, правда прорвалась: «Было ясно, что не с большевиками воюет Польша, но с Россией, которую ненавидит». Здесь же попутно о Румынии: «Трижды изменившая своим различным союзникам и друзьям, захватывает Бессарабию». Выделю и обличительное признание — каковы его коллеги, когда узнавали о таковых деяниях: «Русская общественность едва реагирует».

Павел Кудинов, вождь антисоветского восстания казаков (вспомните «Тихий Дон» Шолохова), в письме из эмиграции, извещая о пережитом: «Проклинаю Деникина, барона Врангеля, Черчилля и всю Антанту».

Патриотизм и иностранщина... Именно в эмиграции сочувливо выплеснула Марина Цветаева свое душевное понимание этого наисложнейшего нравственного чувства. Вот одна из строф в стихах «Родина»:

*Даль, отдалившая мне близь,
Даль, говорящая: «Вернись
Домой!»*

Пронзают душевной болью известные всему миру жуткие картины — как предали донских казаков

в крымских портах при своем бегстве интервенты и Правитель Юга: штурм трапов обезумевшими казаками, скольким же десяткам тысяч не оказалось места на кораблях, отстрел прямо в море боевых коней, муки прозябания в полевых лагерях Галлиполи и Лемноса, дальнейшей эмиграции...

С чего же начиналось? Атаман Всевеликого Войска Донского царский генерал Краснов воссоединился и с националистической Украиной, и с империалистической Германией. В уже упомянутом Берлинском архиве значится его письмо императору Вильгельму. С чем же? Два невероятных для русского генерала предложения. Для начала он провозгласил: «Войско Донское не находится в войне с Германией». Это значило, что Краснов согласился с Брестским миром, который заключили «красные», но неистово злобно осуждали и Антанта, и белые. Затем униженно: «Прошу о помощи оружием. Взамен чего предлагаю установить (при посредничестве Скоропадского. — В.О.) через Украину правильные торговые отношения».

Какова отдача от поклона немцам? Узнаю, ошеломленно читая архив, невероятное, однако же произошедшее: «Результатом посылки письма Императору Вильгельму было то, что к Атаману явилась делегация генерала от кавалерии фон Кверцера, заявившая, что Таганрогский округ и Ростов они заняли потому, что принадлежат Украине» (!)...

«История повторяется дважды: сначала как драма, затем как фарс». О драме все уже сказано выше. Хочу добавить, что я обрадован своей ошибкой, думая, что первым оживляю тему «Крым и Запад» столетней давности. Кто же мой неожиданный единомышленник? Бывший глава израильской секретной спецслужбы «Натив» Яков Кедми заявил летом «Российской газете» (№181): «Со стороны Запада Крымская война продолжалась всегда. Отчего два европейских государства в 19-м веке заключили союз с Османской империей против России? Они хотели остановить Россию. Боялись ее укрепления. Тогда были Англия и Франция. Сегодня — США».

Что же касается фарса... Работая над этим очерком, я время от времени вспоминал стихотворение Александра Сергеевича Пушкина «Клеветникам России».

*...Иль нам с Европой спорить
ново?*

*Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас? Или от Перми*

до Тавриды,

От финских хладных скал

до пламенной Колхиды,

От потрясенного Кремля

до стен недвижного Китая,

Стальной щетиною сверкая,

Не встанет русская земля?..

Так высылайте ж к нам, витии,

Своих озлобленных сынов:

Есть место им в полях

России,

Среди нечуждых им гробов.□

Елена Логунова

Чу, я вижу Пикачу,

или как мы в Сочи Парке покемонов ловили

Пока на просторах, слабо охваченных Интернетом, добрые люди благополучно ходят по грибы и по ягоды, в краях, затронутых цивилиза-

цией более основательно, ведется тихая и ожесточенная охота на покемонов. Но что знает об этом тетька, постигавшая компьютерную

грамоту при тусклом свете синего экрана Нортонa?

До последнего времени тетенька (это, кстати, я) искренне полагала, что Покемон — это толстая желтушная белка с острыми ушами, хвостом в виде ломаной молнии и чахоточным румянцем, цветом и формой напоминающим японский флаг.

Откровение явилось мне в трогательном образе кудрявой девочки в пышном розовом платье. Прелестное дитя, закусив губу и танковым клином сведя брови, с мобильником в кулаке штурмовало трехметровый забор, отделяющий служебную территорию Сочи Парка от общедоступной части Имеретинской низменности, которая, кстати заметим, давно уже перестала быть унылой болотистой местностью, скудно декорированной капустными грядками. То есть, никак нельзя было объяснить безудержное стремление девочки-штурмовика попасть на территорию Сочи Парка через забор одной лишь тягой к прекрасному! Мотивирующие на физкультуру злые собаки и бодливые коровы за ней также не гнались.

Так что бы это значило?

— А неведомо ли вам, уважаемые дамы и господа, к чему это с утра пораньше у нас девочка на заборе сидит? — глядя в окошко, светски поинтересовалась я у коллег.

И, пока старшие из них «гуглили» статистику острых психических расстройств у подростков, самый

юный и резвый подскочил к окну, оценил характерные упражнения с мобильником и уверенно диагностировал:

— Да она покемона ловит!

— Какого покемона? — удивилась я.

— Да мало ли, какого! Их много разных, — интригуяще ответили мне.

— У нас? В парке?!

Моя святая вера в неприступность границ, охраняемых парковой службой безопасности, пошатнулась и с грохотом рухнула в пыль. Наскоро предпринятое расследование выявило отсутствие у Сочи Парка официальных дипломатических отношений с родиной-матерью покемонов — компанией Nintendo.

Таким образом, предполагаемый нарушитель-покемон определенно мог быть только незаконным мигрантом.

Это встревожило не только меня.

— Надо бы выяснить, сколько их у нас таких, — остро щурясь на забор, с которого уже слезла добычливая девочка, сказал полномочный представитель СБ.

Тут же выяснилось, что в офисе работают люди простые, местами (не относящимися к профессиональной деятельности) даже темные, не интересующиеся никакими монстриками, за исключением собственных отпрысков. А вот как раз среди последних нашлись эксперты, которые и были вызваны для организа-

ции срочной облавы на незаконных японских мигрантов.

Три семнадцатилетние девы, опасные и прекрасные, как Ангелы Чарли, шагнули в парк со смартфонами наперевес и, сурово шмыгнув носами, грозно поинтересовались:

— Ну, и че тут?

— Говорят, покемоны, — ответила я, могучим мысленным пинком выбрасывая из головы назойливый пророческий стих собственного спонтанного сочинения: «А иного покемона не отловишь без ОМОНа».

— Ну, посмотрим.

И мы посмотрели, даже досмотрели.

Прочесав 24 га парковой площади с тщательностью, более подобающей садовым граблям, мы обнаружили, что покемоны в Сочи Парке не просто есть. Они тут есть, пить, спать и жить!

Буквально на каждом аттракционе (а их в парке 20) был выявлен так называемый Pokestop — такое место, где охотник на покемонов может разжиться чем-то полезным для профессиональной деятельности. В нашем случае в значках покестопов были обнаружены ладан (на который у бисовых покемонов парадоксальная реакция — они бегут не от него, а к нему), яйцо и инкубатор.

Рядом с покестопами какие-то ушлые охотники уже успели поставить приманки (LureModule) для привлечения покемонов. Это грамотно,

надо отметить: пока стоишь в очереди на аттракцион — приманиваешь себе редкого покемона. Его, конечно, могут у тебя перехватить конкуренты, но это уже вопрос везения.

Наши девы-воительницы за полчаса поймали в среднем по шесть покемонов на душу. Зверюшки оказались не самые редкие, зато разные, и процесс их ловли не потребовал больших усилий: покемоны, спасибо им, не нарушали правила парка и чинно дожидались поимки исключительно рядом с аттракционами, вне закрытых зон, в местах общего доступа.

В районе экстремального аттракциона «Квантовый скачок» охотницами были замечены покеджины. Не спрашивайте меня, кто это. Мне просто сказали, что их четверо, и они там кучкуются.

«Хорошо, хоть не почкуются», — уныло срифмовал мой внутренний голос.

Было уже ясно, что размножаться покемоны так или иначе будут, осваивать территорию не прекратят, и депортировать их у нас не получится.

...Ночью мне приснилась воинственная желтая хомяко-белка с аквагримом в виде японского флага на толстых щеках.

— Всех не переловите! Нас миллионы! — подпрыгивая на брусчатке, с вызовом верещал покемон.

Оккупант, япона его мать... □

Иван Переверзин

ПОСТИЖЕНИЕ

Роман

(продолжение)

14

Денежный расчет на поверку оказался верным — почти все сельчане отработали до конца прополки. Даже школьники, загоревшие дочерна хрупкие девчонки и угловатые мальчишки, на директорское удивление, не подкачали. Анатолий Петрович подвел итоги недельной, самоотверженной работы. Прополотая в первые три дня капуста по новой весело зазеленела и, кустясь, на глазах пошла в рост. Собранной с поля и заложенной в траншею на силос лебеды оказалось аж больше двухсот тонн — ощутимая прибавка к коровьему рациону, позволяющая надеяться на дополнительные многие литры молока и килограммы ежесуточного мясного привеса. А значит, и на деньги, так необходимые для развития совхоза! Правда, пришлось влезть в немалые личные финансовые долги. Но это почти не огорчало, как говорится, были бы кости, а мясо — нарастет! А среди сказавшихся вдруг больными оказались и некоторые руководители среднего звена, а также главный зоотехник Бахтин. Узнав об этом, Анатолий Петрович не без ехидства подумал о нем: «Да, на прополке, в дикую жару продираться сквозь стоящую стеной лебеду, — это не строчить в кабинетной прохладе один за другим в высокие партийные инстанции на своих

коллег и бывшего директора подлые доносы! Ну, ничего — я тебе создам такие условия в строгих рамках должностных обязанностей, что ты или начнешь, если, конечно, способностей хватит, работать с полной отдачей, или, как миленький, уволишься по собственному желанию!.. В любом случае и дальше морочить голову мне да и всему совхозу не позволю!»

Прежде чем ехать в банк с необходимыми документами-расчетами для получения кредита, он пригласил к себе главного экономиста Маульта Акимовича Капаева, карачаевца, уроженца Северного Кавказа, коренастого, ниже среднего роста, с черными, выющимися кольцами, как у цыгана, волосами, с не менее черными глазами, настолько острыми, что, когда они смотрели в упор, то казалось, что пронизывают до самой души, словно проверяя на прочность твою волю и духовную силу. Анатолию Петровичу он сразу понравился своей сдержанностью, хотя, казалось бы, южная горячая кровь должна была давать знать о себе... Но как же порой было со стороны странно видеть, как он налегке, с гордо поднятой головой, идет из магазина домой, а его жена, хрупкая, как тростинка, невысокая женщина, с двумя огромными сумками в тонких, сильно оттянутых, руках покорно, тяжело и часто дыша, боясь отстать от напыщенным гусем вышагивающего мужа, быстро перебирает ногами... В общем, что ни говори, но горец и на Крайнем Севере — горец!..

Войдя в кабинет, главный экономист, сверкнув белоснежными зубами, вежливо поздоровался с директором и сел в выжидательной позе не за стол, а на стул в левом ряду.

— Здравствуй, здравствуй, уважаемый Маульт Акимович! — звонко ответил на приветствие Анатолий Петрович. — А ты знаешь, что мы с тобой, как ни крути, но, можно сказать, земляки?

— Нет! Но я от кого-то из местных слышал, что почти каждый отпуск вы проводите где-то на Северном Кавказе!

— Это точно — аж в самом славном курортном городе, известном на весь мир своими целебными нарзанными водами, Кисловодске, от которого до горного поселения «Красный курган», где, выйдя на пенсию, живут мои родители, можно сказать, рукой подать — пятнадцать минут езды на маршрутном автобусе. Но мне больше нравится навещать из Кисловодска мать с отцом пешком — через ущелье по горам, восходящим к самому белоснежному Эльбрусу! Идешь — и сердце поет от природной красоты, открывающейся, как на ладони, перед тобой, так чудесно воспе той великим русским поэтом Михаилом Лермонтовым! А воздух-то там какой! Объемный, прозрачный, словно хрустальный, чистый, как отстоявшаяся в глубоком омуте речная вода. Своей озоновой насыщенностью пьянящий, будто хорошее, большой выдержки, сухое грузинское вино! Дышишь

им полной грудью — и невольно чувствуешь, как в голове светлеет, и все тело наливается большой силой!..

— А вы, Анатолий Петрович, бывали в Домбае?

— К сожалению, нет!

— Ну как же! — воскликнул Маульт Акимович. — Это ведь самое прекрасное место, может, даже во всем мире! По крайней мере, с давних пор существует утверждение, что тот, кто не видел горного Домбая, тот не знает в полной мере Кавказа! Вам обязательно надо там побывать!

— Спасибо за добрый и, надеюсь, полезный совет! В следующий отпуск я обязательно им воспользуюсь, а сейчас я пригласил тебя вот по какому важному, даже очень важному вопросу... Ты лучше меня знаешь, что все совхозы в республике планомерно убыточны, ибо стоимость затрат на получение того же килограмма мяса в живом виде в два раза превышает, чем, к примеру, в Московской области. Конечно, можно и дальше получать государственные дотации на покрытие убытков, и в это же время, как это ни дико, представлять к высоким правительственным наградам и званиям работников, добивающихся наиболее высоких успехов... Но я не люблю ни в чем плыть по течению, надеясь на милость жизненных волн. Вот мне и подумалось, что если я, руководя «Сельхозхимией», смог всего за один год в два раза повысить все производственные плановые показатели, то почему бы и наш совхоз не просто вывести в передовые хозяйства, но замахнуться на цель повыше: сделать его — не удивляйся! — самокупаемым!

— И как вы, можно смело сказать, это чудо себе представляете?! — не без удивления спросил Маульт Акимович.

— Животноводство у нас убыточно, причем напрочь! Так? Так! А вот растениеводство, наоборот, даже при получении планового, сразу скажу, не очень высокого урожая, — прибыльно. Сократить поголовье скота нам ни райком, ни управление сельского хозяйства не позволит, а вот против увеличения овощей и картофеля ни те, ни другие возражать не будут. Более того — даже в связи со все возрастающими и возрастающими объемами добычи алмазной промышленности, а значит, и рабочей силы, чьими поставщиками мы являемся, думаю, будут очень рады!

— С этим, Анатолий Петрович, я согласен! Но вы должны со всей серьезностью отдавать себе отчет, что для претворения в жизнь ваших, извините, мечтаний потребуются большие деньги, а у нас каждая копейка сверху расписана! Да если бы необходимые средства и удалось изыскать, то все равно за внеплановое расходование их по головке министерское руководство ох как не погладит... Думаю, и года не пройдет, как совхоз возглавит шестой директор... Конечно, вас, перспективного молодого руководителя, без работы точно не оставят, но ваш дальнейший карьер-

ный рост, можете не сомневаться, будет под большим вопросом. Вам это надо?

— Не надо! Но этого не произойдет!

— И на чем же базируется такая уверенность?

— На том, что мы обойдемся своими силами в рамках утвержденного годового финансового бюджета. Как понимаешь, увеличения производства продукции растениеводства можно добиться лишь двумя путями, первый — это расширение площади засеваемых полей, но, поскольку он слишком затратный, мы его сразу отменяем. А вот по второму — увеличению урожайности — и двинемся! Повторяю, исключительно собственными силами! И это не просто слова! В пяти километрах от поселка находятся огромные природные запасы торфа — десятки тысяч тонн! Создав свой большой механизированный отряд, состоящий из бульдозера, экскаватора и самосвалов, в том числе и тракторов «Белорусь» с тележками, оборудованными мощными гидравлическими подъемниками, мы и приступим к разработке природного удобрения, в первую очередь — для приготовления компоста, ибо голый торф отдачу даст не раньше, чем через пару-тройку лет, а вот вкуче с навозом и комплексными минеральными удобрениями — в первый же год! Правда, компосту, чтобы стать полноценным перегноем, необходимо с добавочными компонентами хотя бы полгода полежать в кучах-отвалах, время от времени обильно поливаемых дождевальными установками и перемешиваемых бульдозерами, тем не менее, надеюсь, что уже в следующую осень сможем добиться от наших полей получения значительной прибавки к урожаю!

— Анатолий Петрович, а от меня-то как экономиста для реализации ваших планов что конкретно требуется?

— Пока только одно — со своими специалистами максимально верно экономически рассчитать, сколько необходимо сверх плана получить овощей и картофеля, чтобы в пересчете на деньги перекрыть убыток, приносящий животноводством! Только и всего! Понятно?

— В полной мере! Только скажите, конкретно к какому сроку необходимо выполнить ваше задание?

— К двадцатому июля!

— Так это же через два дня! Боюсь, не успеем!

— Надо успеть, Маульт Акимович, надо! Поскольку в самое ближайшее время я полечу в Якутск — и там попробую на приеме у министра выпросить под наш план повышения урожайности хоть какие-то деньги для подстраховки. Вдруг да повезет... Только с начальством, сам знаешь, на пальцах что-либо доказывать — все равно, что опилки пилить. Поэтому время не теряй — иди, приступай к работе. Сполна справишься с ней —

получишь из директорского фонда дополнительную премию! Или ты на Север не за длинными рублями приехал, черт тебя подери?!

— В общем-то, точно — за ними!

— Вот и договорились!

В райцентр Анатолий Петрович решил выехать назавтра пораньше — часов в шесть утра, чтобы до банка успеть застать в кабинете начальника речного порта Евгения Ивановича Каминского, чья организация находилась в шефском двухстороннем договоре с Батамайским отделением совхоза. Очень хотелось убедить его выставить еще одно сенокосное звено, чтобы наверстать вынужденно упущенное время из-за прополки капусты. Да и появляться в самом начале рабочего дня с просьбой о кредите к управляющей банком было неразумно, поскольку, несмотря на молодость, Анатолий Петрович успел неплохо изучить женскую волнообразную натуру, очень часто с утра бывающую раздражительной, непредсказуемой. И в качестве первого примера он мог бы привести поведение своей матери, которая почти каждое утро сборы отца на работу проводила в нудном ворчании. То это муж сделал не так, то другое... И он, в свою очередь возглавляя большой трудовой коллектив, вместо того чтобы спокойно готовиться психологически к трудовому дню, конфликтовал с супругой — и не мог дождаться минуты, когда, наконец, сможет выскочить на улицу. Порой поведение благоверной так его досаждало, что он на некоторое время даже уходил из семьи. И как же тогда преображалась мать — она часами с тоской в глазах не отходила от окна в надежде, что вот-вот во двор войдет муж, с замиранием сердца поглядывала на открывающуюся дверь — уж не он ли, такой любимый, такой родной, наконец, вернулся! Вот Анатолий Петрович и думал: «Пусть управляющая войдет до обеда в обычный, свойственный только ей деловой ритм, до конца выплеснув на своих подчиненных все свое душевное недовольство, — вот тут-то я и предстану перед ней с сияющей улыбкой и цветами...»

Почти две недели удушающей жары не могли пройти бесследно. Земные испарения где-то на юге все скапливались в облаках, обращая их в отягощенные, как коровье вымя молоком, обильной влагой. Ночью зародившийся в сопках ветер, словно злая собака с цепи сорвавшись, бешено обрушился на поселок и его окрестности. Он, проносясь по улицам, поднимал высоченные, крутящиеся столбы пыли и нес за околицу, по пути, словно жадной, хищной рукой, вбирая в круговерть все, что было ему под силу: и дровяные щепки, и обрывки газет, и даже мелкие металлические предметы... Но главное — ветер в считанные минуты согнал на небо, словно пастух большое овечьё стадо, свинцовые тучи, отчего на улице, где обычно в летнее время даже ночью почти всегда было светло, как днем, потемнело до непроглядности.

Наконец по небосводу, сначала с грохотом, как телега по булыжной мостовой, прокатился из конца в конец страшный гром, а вслед за ним, с сухим треском, как пороховые заряды, запылали — одна за другой! — зигзагообразные молнии, которые своим мощным небесным огнем озаряли черное небо, а вонзаясь в деревья, мгновенно, словно костром, охватывали их целиком яростным, беспощадным пламенем. Людям, в страхе зашторившим или закрывшим ставнями окна, оставалось лишь надеется, что не загорятся соседние деревья, означая начало огневой стихии, одной из самых страшных на свете, — таежного неукротимого пожара... И может быть, так и случилось бы, если на землю не обрушился бы ливень такой силы, как будто молниевые пики враз вспороли брюхатые тучи. Он, словно наотмашь, беспощадно хлестал по кровлям и деревьям, срывая с них слабые листочки, топтал и вминал на совхозных полях зеленку, пузырясь и хлюпая, заливал все лесные низинки, выбоины и колдобины на дорогах, и мутными бесчисленными потоками неся в сторону малых рек, где, смешавшись с их струями, бурно втекал в величавую водную бездну Лены, в которой наконец-то находил временное успокоение своей мятущейся водяной душе...

Гроза, как внезапно началась, так же внезапно и закончилась. Уже через час о ней говорили лишь капли, скатывающиеся с крыш и деревьев, чтобы, с легким звоном падая в разлившиеся лужи, рождать легкие круги, как слабая поклевка пескарей. Но вскоре в песчаный грунт впиталась вся дождевая вода, оставив на земле после себя лишь влажные темные разводья. А когда Анатолий Петрович ровно в назначенное время вышел из дома к подъехавшей машине, то и небо окончательно очистилось от туч — следом за ними поплыли легкие перистые облака, малиново подсвеченные снизу солнечным, оранжевым восходом, — и о ночном ливне напоминал лишь влажный, свежий, легко вдыхаемый всей грудью прохладный и чистый воздух. Со всех деревьев, нежно лаская душу, неслась птичья звонкая разноголосица.

Едва миновав поселок, выехали на гравийно-песчаную трассу с яйцеобразным полотном, с которого любая небесная влага вмиг скатывалась по откосам в водоотводные канавы. Только в небольших дорожных выбоинах еще продолжала стоять фиолетовая дождевая влага. Пыль от бешено вращающихся колес не поднималась, в салоне было ощутимо прохладно. И, несмотря на сильную тряску на ухабах, под стройный рокот двигателя Анатолий Петрович задумался не о предстоящих, очень важных встречах и переговорах с серьезными руководителями, а о своей личной жизни, которая, слава Богу, вроде началась налаживаться. Мария после, можно сказать, рожденной на пустом месте, но так сладко закончившейся ссоры, развила активную деятельность по устройству уюта в семейном гнезде.

Во-первых, она каким-то образом, видать, вновь не без помощи комендантши, приобрела в местном сельпо небольшой, но очень красивый кухонный гарнитур, все предметы которого были отделаны теплого цвета тонким пластиком, матово отливавшим в дневном свете. И вместо старой рассохшейся мебели, с тонким вкусом, присущим только избранным женщинам, расставила новую в небольшой комнате с единственной кирпичной печью с чугунной плитой, обогревающей в зимнее время всю квартиру. Во-вторых, в зной наспех повешенные на окна тяжелые шторы, по одному виду которых можно было судить, что прежде они употреблялись в сельском клубе, до революции — в Божьем храме, заменила на другие, пошитые в местном ателье из легкой, но очень плотной портьерной коричневой ткани, с белыми продольными полосами, придававшими им элегантный, приятный вид. В-третьих, старый холодильник, местами сильно проржавевший, устало и ворчливо тархтевший на всю квартиру и мешающий легко засыпать, сдала на совхозный склад, а вместо него временно, пока не будет куплен свой, оттуда же взяла и поставила новый, такой же модели — «Минск».

Решив первую задачу по созданию уюта, Мария загорелась желанием навести свой порядок и в остальных двух комнатах. Но в местных — ни в сельповских, ни в продснабовских — магазинах спальной и гостиной мебели не было. Убедившись в этом, она попросила мужа достать ее в городе. Анатолий Петрович находился в дружеских отношениях с таким же, как он сам, молодым начальником управления районной торговли. Но когда по телефону обратился к нему с просьбой о мебели хотя бы для гостиной, то тот лишь пообещал из осеннего привоза зарезервировать ее, а продать, поскольку практически весь потребительский бытовой товар в то советское время был строго лимитирован, сможет только по соответствующей разнарядке райкома. При этом намекнул, что поскольку Анатолий Петрович находится у первого секретаря в фаворе, то, считает, что на его соответствующее заявление будет высоким начальником без каких-либо проблем наложена необходимая резолюция.

Следя за хлопотами жены, Анатолий Петрович радовался им, ибо понимал, что у него, наконец, появилась женщина, самостоятельно взявшая все непростые заботы по дому на себя — и таким образом негласно распределившая семейные обязанности, словно в глубокой древности: женщина заботится о том, чтобы, образно говоря, в доме не погас очаг, а мужчина — о хлебе насущном... Несколько дней назад она пришла из магазина взволнованная, со следами слез на пылающих щеках, и стала ходить взад-вперед по большой комнате в глухом молчании, сцепив перед собой руки, нервно подрагивая подбородком, словно была готова вот-вот горько на всю квартиру

разрыдаться! Анатолий Петрович был не на шутку встревожен состоянием жены, и ему ничего не оставалось, как спокойно, но не без внутренней тревоги тихо спросить:

— Мария, что случилось? Будь добра, объясни!

Но вместо ответа она порывисто подошла к нему с продолжающим дрожать мелко подбородком, с глазами полными справедливых слез, — и, как ни пыталась сдержаться, но все же, горько уткнувшись головой в твердую грудь мужа, взяла да и расплакалась, при этом ее хрупкие плечи судорожно содрогались, а руки безвольно повисли вдоль стройного, но как бы враз ослабшего тела. Анатолий Петрович, нежно обнимая и гладя по голове жену, стал ее успокаивать:

— Ну, что ты, родная, что ты! Я же с тобой! Ты очень мне дорога! Ну, хотя бы перестань плакать, милая!

И она понемногу взяла себя в руки и, утерев глаза чистым носовым платком, быстро-быстро, словно боялась, что ее перебьют, не дадут высказать самое главное, заговорила:

— Понимаешь, я сегодня в обед забежала в промышленный сельповский магазин — и тотчас заметила, как все находящиеся в нем женщины стали сначала нагло — в упор разглядывать меня, потом специально громко, чтобы я могла все слышать, как сороки, затараторили между собой: «Ну теперь понятно, почему он бросил жену с ребенком — захотел молодого девичьего тела... Подлец — да и только!» И сказано это было с таким ясным намеком, что как будто тебе не тридцать лет, а все пятьдесят. Ну и, конечно, ты еще и окаянный развратник! От жгучей обиды мне захотелось, как в детстве, горько разрыдаться, но я все-таки нашла в себе силы даже виду не показать, что глубоко оскорблена. Наоборот, показала им, этим жестокосердным посельчанкам, что они не на ту напали, — и на весь торговый зал громко, словно со всего маху, бросила им в лица: «Женщины, какие же вы обделенные судьбой, коль вам больше делать нечего, как только копаться и копаться в чужом, причем в грязном, белье!.. Неужели не противно? Ведь большей гадости и придумать трудно!.. Если вы хотя бы еще раз при мне плохо скажете о моем муже, то, предупреждаю заранее, я за себя не отвечаю!..» После моих слов в магазине повисла такая глубокая тишина, что показалось, будто время остановилось... Наконец продавщица, от удивления округлив глаза, словно онемевшая, молча обслужила меня вне очереди, да так быстро, что сплетницы даже ртов не успели раскрыть!

Душой глубоко обрадовавшись смелости, нет, мужеству жены, Анатолий Петрович все же спросил ее:

— Ну а почему же тогда ты так расстроилась? Ведь из короткой словесной стычки победительницей вышла!

— Да потому, что они в самом деле считают меня виновной в распаде твоей бывшей семьи! Но ведь это же не так!

— Не так! Я развелся с первой женой задолго до твоего приезда! Но ты должна понять, что, во-первых, на каждый роток не накинешь платок, во-вторых — ничего нет страшней тупой зависти!

— А при чем тут это? Никак не пойму!

— При том, что по сравнению с ними, извини, обабившимися, привыкшими одеваться абы как — словно с одного плеча, в невзрачные кофты, темные, не всегда хорошо выглаженные юбки, выходить из дома на люди в обыкновенных растоптанных тапочках, ты, пусть просто, но с художественным вкусом одетая, со сверкающими от чистоты волосами, благоухающая французскими духами, в импортных туфлях на высоких каблуках — выглядишь самой настоящей королевой!

— Разве это плохо?

— Прекрасно! Но твои-мои поселчанки, как бы внешне небрежно не выглядели, остаются женщинами, которые в душе тоже жаждут быть красивыми, но по многим причинам, порой даже не зависящим от них, не могут этого сделать или просто настолько ушли с головой в хозяйские хлопоты по дому, заняты воспитанием своих многочисленных детей, что и не хотят. В любом случае твое умение одеваться, твоя ухоженная красота для них — оскорбляющий их самолюбие вызов! Ведь никто из них никогда не признается в своем неряшестве, никогда! Но поверь, пройдет некоторое время — и они же будут своим подрастающим дочерям тебя еще в пример ставить! Что же касается меня, то какой правды или справедливости я могу ожидать в этом, почти «родном», поселке, где каждый пятый человек является если не близким, то дальним родственником моей первой жены? Абсолютно никакой! Вот такой расклад, по крайней мере, на сегодня, моя родная.

После этого разговора, из которого Анатолий Петрович узнал, как его — да-да, именно его! — Мария достойно вела себя в магазине, отстаивая его доброе имя, он стал относиться к ней с еще более возвышенным чувством глубокой благодарности, все больше и больше понимая, как она ему в этой жизни, с каждым днем становится все более дорога и необходима!

15

Накопившаяся в теле больше чем за неделю тяжелой прополки усталость, тревожения за погибающую капусту и огромная работа по решению всего объема производственных проблем, свалившихся Анатолию Петровичу на голову, как снег с крыши, вместе с тряской дорогой, словно морская

пологая волна, укачивая, сделали свое дело — и он, держась за ручку, медленно погрузился в сон, в котором ничего, кроме как спасенной капусты, все плывущей и плывущей перед глазами, не видел. Проснулся оттого, что машина остановилась. Медленно разодрал словно налитые свинцом веки — и увидел перед собой огромные, очень похожие на цапли, подъемные портовые краны на мощных стальных ногах-опорах, с длинными клювами-стрелами,двигающимися то в одну, то в другую сторону, разгружая пришвартованные к пирсу баржи непосредственно в автомашины с длинными прицепами. По портовой площади, стрекоча бензиновыми моторами, взад-вперед сновали автопогрузчики с гидравлическими подъемниками, напоминающие огромные вилы. С палуб барж то и дело сквозь металлический скрежет и визг доносились команды: «Вира!», «Майна!» Рядом с машиной возвышалась двухэтажная деревянная контора, с двухскатной шиферной крышей, обитая зеленой вагонкой. От времени и непогоды на ней во многих местах краска вспучилась или вовсе отпала — и здание имело жалкий и неприглядный вид, совсем не соответствующий статусу алмазодобывающей компании, одним из многочисленных подразделений которой являлся речной порт, кстати, по объему перерабатываемых грузов — второй на Лене.

Анатолию Петровичу повезло: начальника порта Евгения Ивановича удалось застать на месте — в большом, несколько мрачноватого вида кабинете с окнами, выходившими на реку с судами, что позволяло, сидя за рабочим столом, следить за всем ходом разгрузочно-погрузочных работ — и в случае каких-то сбоев в их отлаженном годами ритме, по громкой связи давать мастерам необходимые указания. «Да, руководить из кабинета — это не мотаться по всем отделениям, на один объезд которых требуется целая неделя, включая и воскресенье!..» — отметил про себя как бы между прочим Анатолий Петрович. И за руку поздоровался с вышедшим к нему навстречу из-за стола начальником речного порта, мужчиной сорока лет, с фигурой волейболиста: высокой, поджарой, с длинными руками. Одет он был в черный костюм, с туго повязанным темным с белыми мелкими крапинками шелковым галстуком. Его лицо было красивым теми мягкими, правильными чертами, которые обычно у женщин вызывают чувство досады, ибо говорят о слабости, неумении, да и нежелании до конца отстаивать круто поставленные жизнью вопросы.

Но именно это обрадовало Анатолия Петровича, поскольку, от природы обладая сильной волей, перед которой не раз тушевались и всерьез сильные личности, он мог быть уверен, что его сегодняшней визит будет удачным. Так оно, в конце концов, и получилось. После дежурных фраз о здоровье, семье, с удовольствием попивая с дороги свежесваренный

чай, любезно поданный на черном, с красными цветами, китайском подносе симпатичной молоденькой секретаршей, с так и стреляющими голубыми, подведенными черной тушью глазами, с ярко накрашенными полными губами, Анатолий Петрович без каких-либо обиняков — напрямую, как говорится, в лоб высказал свою производственную просьбу. Однако Евгений Иванович, словно его не поняв или не расслышав, вдруг спросил:

— Говорят, у вас там, на стрелке Туруктинского острова, стерляди целыми стаями ходят — это правда?

— Наверно, коль моя супруга быстро установила контакт с местными рыбаками — и я почти каждый день в обед ем стерляжью уху...

— А мне ты можешь организовать, скажем, уже в эти ближайšie выходные ловлю стерляди? Понимаешь, меня с детства хлебом не корми, но дай возможность вволю порыбачить!

Прежде чем ответить, Анатолий Петрович недоуменно подумал: «А какого черта он мне с рыбалкой голову морочит, когда я его конкретно, более чем обоснованно попросил выставить дополнительное сенокосное звено? Не пойму! Ну да ладно... Посмотрим, что будет дальше...»

— Говоришь, устроить рыбалку? Да запросто! — сказал он так воодушевленно, как будто сам с удочками сутками пропадал на реке. — Можешь считать, что лучшие местные рыбаки тебе компанию составят! Да на такие стерляжи косяки наведут — пальчики оближешь!..

От этих слов слащаво красивое лицо Евгения Ивановича расплылось в белозубой улыбке. И он, не без удовольствия, словно предвосхищая богатый улов, потер руки, и предложил:

— Может, грамм по пятьдесят коньяка?

— Да с удовольствием!

После первой рюмки выпили и по второй. И только после этого начальник речного порта, вдруг, несколько посуровев, спросил:

— Когда, говоришь, надо звено выставить?

— Чем скорее, тем лучше!

— В течение трех дней устроит?

— Вполне!

— Только в эти выходные жди меня — я по воде на катере приеду!

— Да хоть на вертолете прилетай! Пустым, слово даю, не уедешь.

Тепло попрощавшись, Анатолий Петрович вышел на улицу и, посмотрев на часы, прикинул, что до обеда еще успеет заглянуть в районное управление сельского хозяйства к своему непосредственному начальнику — председателю Паку: уж больно хотелось из первых уст узнать, как идут сенокосные дела в других совхозах. Но почему-то вдруг, как магнитом, его потянуло к Лене, словно захотелось с высоты причальной стенки полюбо-

ваться ею — с высоченными лесистыми сопками, то подступавшими к самому срезу воды, то удалявшимися в глубь вековой, почти непроходимой тайги. А на как бы освободившемся приречном пространстве образовались после весеннего паводка заливные луга с обильным травостоем, где в это время уже полным ходом разворачивалась сенозаготовка, со столбообразными, выступавшими из хвойного леса и казавшимися мощными ребрами тела сопки гранитными скалами, в щелях которых гнездились празднично-белоснежные, но словно с траурными черными повязками на самых концах изогнутых, как боевой лук, мощных крыльев, чайки, в ожидании, когда их птенцы самостоятельно отправятся в полет, с ослепительно горящим в полдень в пронзительно синих-синих небесах солнцем в круговом ореоле исходящих пучками светло-оранжевых лучей, словно луна, зажигающих невысокие гребни волн серебряным светом, перекрашивая речную воду из темно-синей в изумрудные тона, с неизменно ветровым простором, но лишь несколько раз за лето становящихся штормовым, когда двухметровые валы с белыми пенными гривами с шумом сердито накатывают на берег, яростно бьются в отвесные стены гранитных скал, срывая с жидковатых цепей лодки, чтобы нести и нести их — аж до самого Ледовитого океана.

Анатолий Петрович подошел к самому краю бетонной стенки, крепко взялся за железные поручни ограждения, но от одного взгляда, как в туманную бездну без дна, на плескающуюся внизу и стремглав несущуюся по течению темную воду с многочисленными воронками, засасывающими все плывущее вниз по течению — щепки, хвою, обломки досок — куда-то глубоко в речное чрево, потрясенно, словно впервые в жизни, подумал: «Господи, если можно с чем-то сравнить непрерывное течение времени, так только с этой стремниной, остановить которую не под силу даже самым большим на свете — семидесятиградусным — якутским морозам! А ведь она протекает круто с юга на север на протяжении более трех тысяч километров! С ума можно сойти от сознания, какую же силу надо иметь для этого! Чудо какое-то! Но не менее важно другое — откуда она берется?!

Ответить, что все дело в земном тяготении, было бы очень просто, да и не совсем верно! Так где же истина? Где?! Увы, увы, не знаю! А знаю ли я саму жизнь со всеми ее многочисленными горестями и радостями? Скорей всего, тоже нет! Иначе бы порой не уподоблялся людям, упрямо пытающимся изобрести свой велосипед, иными словами — учащимися, в конце концов, идти верным путем не на чужих, а на своих ошибках, что, к сожалению, не говорит о большом природном уме. Нет, назвать себя дураком я никак не могу. Но, тем не менее, — все страдаю и страдаю... Вот и во второй брак с Марией, которая значительно моложе меня, бросился, как в омут

с головой. И что теперь делать? Конечно, плыть дальше в стремительном потоке жизни, верней, надеясь, что женская мудрость покроет недостаток житейского опыта. Судьба так подстроила или жизнь так легла? А решкой или орлом? Проще всего на это ответить: время покажет!.. Но очень уж хочется, словно корни могучих деревьев в глубь почвы, прорасти мозгами в грядущее или хотя бы краешком глаза, время от времени, пытливым взглядом за грань его, чтобы иметь возможность если не отвести суровую беду, то толком, основательно подготовиться к ее вдохновенному отражению...»

От напряженной работы глубоких мыслей голова, как будто спяна, закружилась. Чтобы вернуть равновесие, Анатолий Петрович еще крепче схватившись за стальные поручни ограждения, несколько раз резко мотнул ею, полуосознанно говоря себе: «Ладно, философ хренов, по крайней мере, сегодня, чем глубже задумываешься о вечном, тем больше задаешься непосильными вопросами. Тем самым пусть не напрасно, пусть не впустую, но все же без заметных успехов тратишь драгоценное время, а ведь оно не стоит — летит, как быстрокрылый стерх, все быстрее и быстрее с только ему понятным значением! Да и ехать надо!..»

Руководитель управления сельского хозяйства Владимир Андреевич Пак был не из местных. Родившийся во время войны под Владивостоком в многочисленной корейской семье, он с малых лет вместе с родителями с раннего утра до позднего вечера пропадал в совхозном поле, выращивая разнообразные растительные культуры, постигая своими руками, головой и душой сложное, трудоемкое мастерство по возделыванию почвы, чтобы она становилась все щедрей и щедрей на урожай. Там же, на восточных рубежах нашего Отечества, и получил высшее сельскохозяйственное образование, которое кроме заветных институтских «корочек» да некоторых теоретических знаний ему по сути ничего дать не могло, но позволяло в полной мере пройти трудный путь от рядового агронома до директора подсобного хозяйства морского порта.

Женился довольно поздно — почти в тридцать лет — на своей соплеменнице. Единственный сын, к отцовскому сожалению, не пошел по стопам предков, а, увлекшись морем, окончил высшее мореходное училище. Стал плавать на сухогрузе по морям-океанам. Родители, оставшиеся одни, по какой-то неизвестной в районе причине переехали в Якутию, край суровый, а главное — совсем им незнакомый. Но и здесь сразу же из-за вечной северной проблемы — нехватки опытных кадров — возглавил управление. От природы вдумчивый, Пак с годами набрался не только житейской, но производственной мудрости. Не потерял и чувство поисков все новых и новых сортов семян, используя которые, можно было и в суровых климатических условиях добиваться высоких результатов.

Казалось бы, чего еще надо человеку, почти достигшему пенсионного возраста, занимающему высокий начальственный пост, имеющему хорошие жилищные условия? Но едва он узнал о самом передовом методе выращивания картофеля — голландском, как тотчас поставил перед министром вопрос о необходимости его скорейшего внедрения в своем районе. Для этих целей выбил у финансистов республики такое количество денег, которое позволило сполна не только закупить семена, но и всю необходимую технику: картофелесажалки, плуги, уборочные комбайны, фрезерные культиваторы и даже трактора! Кроме этого организовал в центральном совхозе «Ленский» месячные курсы для получения механизаторами теоретических и практических знаний, необходимых для работы на новой, зарубежной, потому совершенно незнакомой им технике! Не успокоился и на этом! В качестве преподавателей пригласил из маленькой скандинавской страны, отвоевавшей у моря не одну тысячу гектаров плодородной, бывшей морской земли, толковых, имевших необходимое специальное образование, фермеров, получавших уже тогда с каждого гектара по пятьсот центнеров картофеля! Всерьез подумывал и о следующем шаге, а именно — построить современные овощехранилища, позволяющие торговать сельскохозяйственной продукцией от урожая до урожая! И все же своим директорам совхозов жаловался: «Вот бы еще нам закупить голландских породистых коров, от которых молока европейцы надаивают в два, а то и все три раза больше, чем от наших холмогорских буренок! Вот бы дела по снабжению «алмазников» молочной продукцией резко вверх пошли! Как пошли бы!..» А потом сам же себя мудро и успокаивал: «Видать, точно бодливой корове Бог рог не дал!..» В результате своего такого патриотичного рвения за вверенное ему сельское хозяйство пользовался и у простых рабочих, и у партийного руководства района вполне заслуженно большим, непререкаемым авторитетом.

Своего самого молодого директора Пак, как всегда, встретил более чем приветливо — с благодушной улыбкой, крепким рукопожатием. Едва Анатолий Петрович занял свое привычное место в кресле с мягкими подлокотниками, стоявшем напротив стола совещания, спросил его:

— Что пить будешь — растворимый кофе или свежезаваренный корейский чай с твоим любимым печеньем?

— Знаете, ни то, ни другое! — И, посмотрев на свои ручные часы, продолжил: — Обед скоро, не хочется аппетит портить!

— И то верно! Надеюсь, обедать будешь у меня?

— Да неудобно как-то!

— Тоже нашел что сказать!.. А мне вот велено первым секретарем передать тебе благодарность за спасенную капусту! Надо же, как ты с прополкой

лихо управился! Да и с закладкой зеленки на силос дела у тебя в совхозе идут неплохо. Но все же ты шибко-то нос от моей похвалы не задирай — ведь что в свое оправдание ни говори, а начало заготовки сена в центральном отделении, можно сказать, провалено! Знаю, знаю, что из-за производственной необходимости, но все-таки...

— Как провалил, так и выправлю! Слово даю! А к вам, Владимир Андреевич, в этот раз заехал, конечно, поговорить по душам, но больше всего хочется узнать, как в других совхозах дела идут! — то ли с обидой, то ли с досадой сказал прямолинейно Анатолий Петрович.

Более мудрый районный руководитель сделал вид, что этого совершенно не заметил, но строго спросил:

— Уж не намерен ли с ними в соревнование вступить?

— А почему бы и нет?! Или, простите, не под моим руководством в «Сельхозхимии» всего за год выполнение государственного плана увеличилось по тому же внесению органических удобрений, между прочим, самого сложного вида работ, аж вдвое? Под моим!

— Это, в самом деле, так! За что тебе лично от меня огромное спасибо! Но в любом случае ты с матерыми директорами пусть не по своей вине, но находишься в неравных условиях — у них хозяйства за многие годы отлажены, можно сказать, работают, как исправные машины, без сбоев, а у тебя — на ладан дышит!

— И что с того?! Я ведь для того и пришел, чтобы совхоз поднять на нужный уровень! И тянуть с этим не собираюсь! Раз взялся за гуж, то живот свой положу, но в бессилье не скажу, что не дуж! Вот так-то!

— Ладно, Анатолий Петрович, не заводись! Я ведь просто по-отечески только хотел еще раз дать тебе понять, что дел в совхозе невпроворот, то есть — не до жиру, быть бы живу!.. Понимаешь?

— Понимаю! А все же?..

— Все же, отвечая на твой вопрос, сообщаю, что на первом месте по заготовке кормов, как и ожидалось, идет совхоз «Ленский», за ним, с небольшим отставанием, — «Витимский». И еще, в этом году по результатам социалистического соревнования приказом министра установлено несколько довольно солидных премий.

— И что там полагается за первое место?

— Для хозяйства — сто тысяч рублей, а директору — право на получение вне очереди автомобиля «Жигули»!

— Легковушку мне не надо! Тем более — «Жигули»! А вот деньги моему разоренному, лежащему, как подыхающая скотина, на боку совхозу совсем не помешали бы!

— А не высоко ли метишь?

— Вы опять за свое, ну словно не знаете, что мне — от природы максималисту, как всегда, — или все, или ничего!

— Отчего, отчего, а от скромности ты, Анатолий Петрович, точно не умрешь! Впрочем, если не в твои года хватать звезды с неба, то когда?! Дерзай! Однако время обедать... Пошли!

Идти долго не пришлось — начальник управления жил в трех минутах ходьбы в новом, полгода назад введенном в эксплуатацию, пятиэтажном темно-синем жилом доме, на третьем этаже. Хозяйка Инна Викторовна, тоже родом из корейцев, невысокая, полноватая, с узкими глазами-щелочками, с черными — без единой сединки! — густыми волосами, одетая в шелковый цветистый халат, оказалась хлебосольной, видать, очень любящей мужа женой — к стоящей уже на столе квашеной капусте, еще прошлогоднего урожая, на первое подала наваристый овощной суп, на второе — мясные биточки с рисом, а в качестве десерта предложила на выбор зеленый чай или брусничный сок. Анатолий Петрович, которому очень уж понравилась перцовой остротой квашенная по-корейски капуста, выпил, чтобы затушить пылающий от красного перца во рту огонь, обжигая небо, с поспешной жадностью аж два стакана сока и, чувствуя всем организмом приятную сытость, утер рот салфеткой и горячо поблагодарил хозяйку за вкусное угощение.

Владимир Андреевич не курил, но после сытного обеда предложил своему самому молодому директору выйти на балкон, где, то ли от солнца, то ли глубоко задумавшись, по-доброму сузив и без того узкие азиатские глаза-щелочки, с легкой любознательной улыбкой в краешках тонких губ вдруг спросил:

— Как устроился?

— Нормально!

— Это в общежитии-то? Я как-то раз там ночевал, в одной из двух небольших комнат... Для холостяка площади хватает, а вот для женатого человека — ну никоим образом, ведь рано или поздно дети пойдут! Где их размещать будешь? У себя на голове, что ли?!

— Вот когда родится первый, а может, даже и второй ребенок, тогда и буду думать о расширении жилья! Да и потом, Владимир Андреевич, откровенно говоря, если на вторую женитьбу я смело решился, но выйдет ли из этого толк — уверенно сказать пока не могу, ведь, сами знаете, я — не подарок!.. У меня всегда на первом месте была и, надеюсь, будет работа! А согласится ли с этим моя новая, причем с характером, жена — вопрос, и очень не простой. Я, конечно, все силы приложу для того, чтобы ответ на него оказался счастливым! Но ведь вы, поскольку намного старше меня, должны и лучше знать: семейный дом строится, как любое здание,

одновременно с двух сторон, и крыша у него должна быть, ну минимум как двухскатная!..

— Тебе видней!.. Но ты не совсем прав, поскольку ничего дороже семьи, своих детей на свете не может быть. Работа, как легкомысленная женщина, может в любое время изменить, а вот родные души — никогда! Подумай об этом хорошенько! Это только в молодости кажется, что жизни нет ни конца ни края, а как перевалишь за ее становой хребет, так и оглянуться не успеешь, как старость на всех парах подкатит!.. И вот еще что, на следующей неделе тебе надо будет слетать в Якутск на утверждение в обкоме партии, да и перед министром сельского хозяйства, своим самым высоким начальником, предстать необходимо, ведь приказ им о твоём назначении директором еще не подписан!

— Надо слетать, значит, слетаю! Только не получится ли, как в известной поговорке: «Проработал я все лето на туза да на валета!..»

— Не получится! Дело твое изучено, решение о твоём назначении принято, просто надо соблюсти протокольные формальности!

— А жену с собой я могу взять?

— Дело, как говорится, хозяйское!..

— Тогда я могу быть свободным?

— Куда так торопишься?

— Да надо еще в банк заехать в отношении кредита!

— Дело, с учетом нехватки средств даже для выдачи зарплаты, — более чем первостепенное! Тем не менее, о моих словах в отношении семьи, не будь дураком, — помни, причем крепко!

— Договорились!

С управляющей промышленного банка Зинаидой Евгеньевной Сидоровой Анатолий Петровой был знаком шапочно. Несколько раз заставлял ее в кабинете предшественницы Клары Исааковны Усман, совсем недавно — аж в семьдесят лет! — ушедшей на заслуженный отдых. Всегда с ней подчеркнуто вежливо здоровался, не менее вежливо улыбался, отмечая, что Зинаида Евгеньевна, несмотря на свой бальзаковский — срединный — возраст, была излишне полноватой. На круглом лице, с маковым румянцем на щеках, с жировым вторым подбородком, как-то лукаво светились большие голубые глаза с ресницами, сильно удлинёнными за счет черной туши. Полные, не потерявшие сочность, губы отливали вишневой помадой. В отличие от своей пожилой начальницы она одевалась не в кофты и юбки, а в цветастые платья с широким подолом, но плотно облегавшие дородную, пышную грудь.

С той недалекой поры банк переехал в новое двухэтажное, каменное светло-желтое здание, с высоким крыльцом под бетонным козырьком,

с двухстворчатой, обитой черным дерматином дверью, с довольно большими окнами, надежно защищенными от взлома грабителей стальными узорчатыми решетками. Перед зданием для машин клиентов была устроена просторная бетонная площадка-стоянка, обрамленная с трех сторон клумбами, зимой, понятно, занесенными глубоким снегом, зато с наступлением летнего устойчивого тепла на них высаживались разных сортов цветы, своей яркой красотой радующие взгляд.

Ровно в два часа дня Анатолий Петрович с букетом бордовых роз, купленных по дороге в единственном в городе цветочном киоске, переступил порог банковской приемной. Тотчас молоденькая секретарша, оторвав красивые васильковые глаза от какого-то журнала, несколько удивленная порывом, с которым вошел еще один посетитель, устремила на него лучистый взгляд и, мило ответив на приветствие, спросила:

— Вы, молодой человек, к Зинаиде Евгеньевне?

— К ней! По очень важному делу!

— А разве не знаете, что прием клиентов она ведет до обеда?

— Тьфу! — ударил себя по лбу Анатолий Петрович. — Конечно, знаю, да вот, дурень, что-то забыл! Но поскольку я для встречи с управляющей проехал больше ста километров, повторяю, по очень важному делу, то не могли бы вы просто сообщить обо мне! Может, она для меня сделает исключение из установленных правил... Я вам за исполнение моей просьбы был бы бесконечно благодарен!

То ли секретаршу подкупило его горящее решимостью лицо, а вместе с этим напористость речи, то ли она покорно ощутила на себе мощные волевые волны, исходившие невидимыми лучами от синих глаз нежданного посетителя, но благодушно спросила:

— Как о вас доложить?!

— Директор совхоза «Ньюский» Анатолий Петрович!

Через несколько минут, выйдя от управляющей и оставив за собой открытой массивную, отделанную под орех дверь, она не без удивления бархатным голосом произнесла:

— Зинаида Евгеньевна вас примет! Проходите!

Управляющая при появлении молодого директора не встала из-за стола, а лишь холеной рукой показала на кресло, стоящее у столика, встык придвинутое к большому рабочему столу из ореха, с лежащим на нем большим стеклом, под которым были видны, аккуратно разложенные, листы с какими-то напечатанными текстами.

— Зинаида Евгеньевна, здравствуйте!

— Здравствуйтесь, Анатолий Петрович! Какими это ветрами вас занесло к нам, в нашу бесконечную суету городскую?

— Да вот, наконец, нашел время в качестве знака уважения преподнести вам этот скромный букет роз! Говорят, вы их очень любите!

— И все?! — принимая цветы, вопросительно произнесла Зинаида Евгеньевна. — Или есть более важное дело?

— Даже не знаю, говорить о нем или не говорить — настолько оно для вас ну совсем пустяковое!

— Лукавите, Анатолий Петрович, ох, лукавите! Я нашу районную газету читаю, да и без нее о вас достаточно наслышана! У руководителя вашего уровня пустяковых вопросов не бывает!

— Скорее всего, вы правы! Только откуда мне знать — насколько, если директором работаю без году неделя! И уж чего-чего, а вашей мудрости мне точно не хватает. Вот я и решил узнать, как в банке выгодней получить кредит. Может, возьмете, по примеру Клары Исааковны, надо мной шефство, а я в ответ, чем могу, тем всегда помогу. Могу без особых проблем избавить вас, как руководителя в основном женского коллектива, от ежегодных осенних хлопот по обеспечению своих работников овощами и капустой. Да и за свежим мясом по рынкам с утра пораньше или после работы незачем бегать, если можно по одному звонку решать эту столь жизненно важную проблему!

— За столь доброе предложение премного благодарна! Я над ним, с вашего разрешения, подумаю! А кредит подо что планируешь получить?

— Под капусту! Все необходимые расчеты со мной!

— Это ту самую, которую, если верить районной газете, чуть ли не геройски спасли, личным примером вдохновляя своих работников?

— Не только! Ведь в совхозе пять отделений — и в каждом этого замечательного продукта хватает!

— Скажу прямо, отказать не могу!

— Это почему же?

— Да хотя бы потому, что Клара Исааковна в самом деле не раз хвалила вас, Анатолий Петрович, за деловую хватку! А в ее мудрости, можно даже сказать, высоком небесном даре — не ошибаться в людях — я неоднократно убеждалась на себе. Так что оставляй свои расчеты! Я сама их посмотрю — и если они верны, то по моему звонку отправите главного бухгалтера для оформления кредитного договора!

Поблагодарив управляющую банком, Анатолий Петрович уже хотел откланяться, как она неожиданно произнесла:

— В последнее время вы очень часто выступаете в районной газете со статьями, очерками, в которых пишете о производственных проблемах и жизни вообще. Внимательно прочитав их, не могу не задать вопрос:

— Откуда такое разнообразие суждений, обобщений, переживаний, часто настолько оголенных, словно наружу выворачиваете душу?

— Видите ли, последние четыре года я как бы себе не принадлежу: по решению райкома партии то направлялся на работу в качестве руководителя в леспромхоз, то в строительное управление, то в «Сельхозхимию», а теперь вот — в совхоз! И везде с одной задачей: вытаскивать эти предприятия, как бегемота из болота, из разрухи. Все вышеперечисленные предприятия разных хозяйственных направлений, со своей спецификой работ. Везде для успешного решения поставленной передо мной задачи требовался разный подход, усложняющийся тем, что практического опыта, за исключением сельскохозяйственного, у меня не было. Приходилось на ходу учиться всему! Конечно, прежде всего, — новому! И при этом еще как-то умудриться не совершить роковых ошибок. Сказать, что мне просто пока везет, можно. Но это будет неверно! Поскольку я все больше убеждаюсь, что мне, извините за нескромность, от природы дан немалый дар — обладать организаторскими способностями, как, скажем, художнику талант писать картины, композитору — музыку, а актеру перевоплощаться в своего героя, играя ту или другую художественную роль!

— Значит, можно сказать, что вы в своем роде — кризисный директор? Или я все же ошибаюсь?

— Скорей всего, так! Только я над этим почему-то никогда не задумывался — просто порученное мне дело старался, во-первых, во что бы то ни стало закончить сполна, во-вторых — так, как это прежде никому не удавалось до меня!

— Уж не карьерист ли ты, Анатолий Петрович?

— Конечно же, нет, ибо всеми правдами-неправдами не лезу, внутренне сжигаемый самолюбием, по служебной лестнице вверх, а, словно пожарник с самолета на парашюте, выбрасываюсь в самую гущу таежного пожара, где, если не победить — значит только одно — умереть! Вы хоть раз видели воочию, как горит тайга?

— Нет, не видела!

— А мне приходилось не только смотреть на таежную огневую стихию, но еще и своими руками тушить ее! Было это в самом начале моей трудовой деятельности в качестве скотника в совхозе. Это такое незабываемое событие, что, если вы не против, то готов рассказать о нем!

Управляющая посмотрела на часы, о чем-то подумала, что-то решила про себя и, по внутренней связи предупредив секретаршу, что она будет некоторое время занята, произнесла не без интереса:

— Знаете, с удовольствием послушаю!

— Так вот, на помощь лесникам, — стал рассказывать Анатолий Петрович, — безуспешно пытавшимся ликвидировать в глухой тайге очаг возгорания, из совхозных рабочих была спешно сформирована бригада, члены

которой, в том числе и я, получили на складе лопаты, брезентовые пологи, противогазы, ведра и были на вертолете доставлены к самому краю пожара. Там уже всю работал бульдозер, по каким-то лесным дорогам чудом приехавший. Он своим мощным стальным ножом, ломая вековые деревья, вокруг бушующего огня рыл и рыл, грозно урча, заградительную траншею. Управлял им молодой, но до того отчаянный тракторист, что иногда смело настолько близко подъезжал к пламени, что даже один раз от упавшей на гусеницу горячей сосны вспыхнул двигатель! Хорошо, что мы, рабочие, были рядом и смогли мигом брезентовыми пологами да землей сбить с него дико пляшущие языки ревущего, как зверь, красно-золотого огня...

На этом Анатолий Петрович хотел закончить свое повествование, но, видя, с каким вниманием, будто отрешившись от всего остального, слушает его, не перебивая, управляющая банком, решил продолжить:

— Вообще пожары бывают двух видов — низовой и верховой! При первом огонь идет по земле от дерева к дереву, от пня к пню, по пути, словно корова языком, слизывая все, что только может гореть: сухой мох, ветки, хвою и палую листву. Добравшись до лесины, он только губит кору, а вот сам ствол поджечь, наполненный почвенной влагой, силы ему чаще всего не хватает. Зато при горении выделяет такое количество ядовитого дыма, что он, словно огромные клочья ваты, висит в тайге непроглядно, удушающе, напрочь раздирающе гортань, как рашпиль, — и работать в таких невероятно трудных условиях можно только в исправном противогазе. А в нем и при нормальной-то летней температуре дышать нелегко, а когда воздух раскален до пятидесяти градусов, то настолько трудно, что сердце бьется с бешеной силой — словно готовое вылететь из грудной клетки вон. Обильный пот, струясь по лицу, солью, словно огнем, обжигает глаза — и смахнуть или утереть его невозможно! Остается лишь часто моргать и, конечно, терпеть! Ох, как терпеть! А ведь надо еще, не жалея живота своего, и орудовать — то лопатой, то пологом, то пилой, чтобы сбить или засыпать землей прожорливое пламя.

После часа такой адской работы все тело словно наливается тяжелым свинцом, руки и ноги не слушаются тебя, в голове стоит протяжный, сводящий с ума тяжелый гул, словно кто-то невидимый бьет и бьет резиновой палкой по темени, поясница сначала затекает, потом ее начинает разрывать боль, очень схожая с труднопереносимой зубной! Но в этом, без даже самого малого преувеличения, земном аду всего страшней — это заблудиться, ибо чаще всего значит — в конце концов, окончательно выбившись из сил в поисках выхода на свежий воздух, в полном бессилье рухнуть, как срубленная жердь, на землю, где все живое выгорело дотла,

и, задохнувшись, погибнуть! Поэтому, одновременно борясь с удушьем и с огнем, стараешься не выходить за поле слышимости работающего бульдозера. Он, что ни говори, в бушующем лесном пожаре — слуховой маяк, ориентир, да что там — единственная надежда на жизнь!

Если с низовым огнем еще можно, с умом организовано действуя, справляться, то с верховым — по своему горькому опыту знаю, что — нет. Представьте сами, как тушить пламя, увлекаемое сильным ветром от кроны к кроне, вспыхивающих вмиг сильней любого костра, сбрасыванием воды с вертолета, как иногда показывают по телевизору? Но при этом почему-то не сообщают, что именно с помощью авиации удалось ликвидировать хотя бы один большой очаг возгорания... Уже одно это говорит, что верховой пожар под силу лишь самой матушке-природе. Если она не уймет поднявшийся ветер, не обрушит из свинцовых туч проливной многочасовой ливень, то он, огненно пронесясь, как вихрь, до края тайги, тотчас начинает в населенных пунктах поджигать с крыши один дом за другим. В таких случаях, к величайшему сожалению, редко когда обходится без человеческих жертв: кто-то при внезапном налете огня оказался больным настолько, что не смог самостоятельно выбраться из дома на улицу, кто-то решил спасти хоть что-нибудь из нажитого за всю жизнь хозяйского добра, да не смог второпях верно рассчитать ни свои силы, ни свое время... Да мало ли из-за чего!..

А ведь бывает еще хуже: местные власти вместо того, чтобы эвакуировать в срочном порядке людей из зоны, к которой неумолимо приближается пожар, преступно по радио успокаивают их, что таежный огонь минует село — якобы все необходимые меры для этого предпринимаются. И поступают так только потому, что привыкли по-дедовски, да и по нашему русскому, хотя и волевому, но порой очень уж самоуверенному характеру, уповать на предательское авось и не желают обременять себя лишней заботой по размещению своего народа на временном месте жительства! Не делают того, для чего поставлены на свои ответственные посты, за что получают немалую зарплату, причем, из бюджета, наполовину состоящего из народных денег, в виде налогов, собранных с каждой души в государственную казну! Подлые мерзавцы — и только! Я бы их судил всем миром и безжалостно расстреливал, чтоб другим неповадно было!..

При рассказе лицо у Анатолия Петровича покраснелось, взгляд разгорелся, как таежный огонь, душа запылала от пережитого, от негодования... И он даже не замечал, как порывисто — к месту и нет — размахисто жестикулировал руками, иной раз даже ударял кулаком по столу! А когда закончил — виновато опустил глаза, словно стыдясь за свою горячность.

ших, но важных вопросов: по снабжению совхоза недостающей сенозаготовительной техникой для еще одного звена — решил по телефону, молодцевато сел в машину, добродушно улыбнулся водителю и с легкой душой распорядился возвращаться домой.

За день взошедшее огневое солнце своими жаркими лучами просушило полотно трассы. Едва с городской бетонки выехали на нее, как за машиной поднялся, за клубился длинный шлейф песчаной пыли, такой мелкой, что она, взвихренная дико вращающимися колесами, буквально проникала через все щели в салон — и, подрагивая, висела серой воздушной массой, оседая на голове и костюме, даже лезла в глаза и нос, отчего время от времени приходилось с опасением, дабы не удариться головой в лобовое стекло, неприлично чихать. Несмотря на то, что все угловые форточки были открыты под встречным углом, чтобы свежий воздух вривался в кабину, а боковые стекла дверок опущены до конца, было так душно, что дышалось с трудом. Однако это не мешало Анатолию Петровичу всю дорогу находиться в расслабленном состоянии — и, как всегда, по выработанной за многие годы привычке спокойно обдумывать вопрос за вопросом завтрашнего дня, чтобы с самого утра, не теряя ни минуты, отдавать необходимые распоряжения, от четкого, выверенного выполнения которых напрямую зависела успешная работа огромной организации, со всеми ее многочисленными, жизненно важными составляющими: мастерскими, кузницами, пилорамами, кормоцехами и так далее — работа, движимая усилием почти двух тысяч рабочих. □

Продолжение следует.

Молчание нарушила управляющая:

— Интересно... Как страстно вы это поведали! Такое не придумать! Это пережить и прочувствовать надо! В связи с этим у меня вдруг возник вопрос: а вы свой характер с каким бы пожаром сравнили?

Даже не задумываясь, Анатолий Петрович быстро ответил:

— Конечно, с верховым!

— А почему?

— Да потому, что я так же неукротим, так же порывист, так же целеустремлен! Любая преграда, кроме вдохновения и желания во что бы то ни стало ее преодолеть, в моей душе ничего другого не вызывает!

— А не надоело жить, словно ходить по лезвию ножа, тем более вы теперь не один — вот слышала, что вновь женились?

— Поначалу, честно говоря, внутренне против каждого нового назначения бунтовал. Но потом понял, что мной управляет не райком и не министры, а ее величество Судьба, от которой, увы, не убежишь, против которой, к сожалению, восставать бессмысленно! Чтобы не тратить зря времени и не набивать лишних шишек, надо принять ее такой, какая она есть, тем более, что она — это, прежде всего, суд Божий! Не подчинюсь ему — буду свыше осужден на такие жуткие муки, что по сравнению с ними управленческие тяготы блаженством покажутся!..

Еще много о чем хотелось управляющей банка спросить молодого директора самого большого в республике совхоза, тем более что, как она слышала, он на протяжении многих лет боролся с коварной болезнью — и, можно сказать, как птица феникс из пепла, в конце концов, восстал из нее еще более сильным, целеустремленным, постигшим жизнь, а главное — понимающим, что ему в этой такой сложной, настолько порой непонятной жизни надо! Но время поджимало — и она лишь с уважением на прощание ему по-дружески искренне сказала:

— Ну что ж — и дальше живи по судьбе! И пусть ветер успеха подхватывает и несет паруса твоего корабля! А я теперь знаю, за что Клара Исаковна прониклась к тебе, можно сказать, материнской любовью!

На улицу, к стоящей машине с водителем Петром, молодым парнем, кстати, мужем заместителя главного бухгалтера совхоза, Анатолий Петрович вышел не то что с душой, летящей на крыльях счастья, но вполне довольный своей поездкой в город. Собирался еще заехать в «Сельхозтехнику» к всесильному, пользующемуся у районного начальства непрекаемым авторитетом, начальнику Геннадию Трифоновичу Наумову... Но вдруг страшно захотелось домой, к дорогой жене, чтобы посмотреть в ее огромные, глубокие, как речной омут, красивые, с легкой грустинкой, глаза — и до самого утра безнадежно утонуть в них... И он несколько неболь-

Леонид Млечин

КРОВАВАЯ НОЧЬ

в Дамаске

Москва. Кремль

Президентские садовники покидают кабинет заранее, задолго до появления хозяина. Обычно у них предостаточно времени для работы — полить цветы, оборвать засохшие листья, взрыхлить землю. Но не в этот день. Присматривавший за садовниками офицер Федеральной службы охраны вдруг заторопился:

— Все, пора заканчивать!

Он не должен был объяснять причину спешки. В первом корпусе Кремля это и так все прекрасно понимали: президент подъедет раньше обычного. В кабинет прошла группа хмурых офицеров. Даже ночью в приемной президента дежурит охрана, но все равно перед приездом хозяина положено проверить, не появились ли в кабинете каким-то чудом посторонние технические устройства типа звукозаписывающей аппаратуры.

В первую приемную докладывали о каждом шаге приближающегося президентского кортежа. Всякий раз, когда президент хотя бы на короткое время оказывался на улице, руководителей охраны охватывало беспокойство. Была бы их воля, он вовсе не покидал бы хорошо защищенные кремлевские апартаменты.

Журнальный вариант.

Маршрут президентского кортежа был надежно обеспечен. Служба регулирования уличного движения заранее перекрывала улицы. Сотрудники Федеральной службы безопасности и Федеральной службы охраны в штатском размещались по всему маршруту следования кортежа, внимательно следя за крышами и окнами домов, где способен разместиться снайпер, за поведением пешеходов и, особенно, за перекрестками, откуда могла вырваться набитая взрывчаткой машина террориста-камикадзе.

Сопровождавшая президента личная охрана обучена действиям в любой ситуации. Тем не менее, минимум дважды в день, утром и вечером, руководители службы безопасности напряженно вслушиваются в зашифрованные сообщения о передвижении президента. Тяжелее всего им приходится только во время поездок президента по стране. Особенно если он вдруг изъявляет желание пообщаться с народом. Худшие минуты для телохранителей.

Выразить свое недовольствие руководитель личной охраны, разумеется, не смеет. Он держит свои переживания при себе. На то и глава государства, чтобы принимать те решения, на которые другие не способны. И не дело руководителя охраны учить президента. Его обязанность — беспрекословно выполнять приказы и поручения хозяина. Даже самые неожиданные.

Москва. Лубянская площадь

Кабинет первого заместителя директора Федеральной службы безопасности был обставлен стандартной светлой мебелью. На столе лампа под традиционным зеленым стеклянным абажуром. На приставной тумбе — телефоны, в том числе спецкоммутатор. Такой аппарат положен всего трем десяткам высших чиновников страны. Это очень удобная система. Достаточно назвать имя человека, с которым хочешь поговорить, и операторы спецкоммутатора достанут его хоть из-под земли и соединят с ним, где бы он ни находился.

Кабинет Валерия Сергеевича Лебедева отличался тем, что книжные полки были заполнены. Остальные обитатели этого здания расставляли на полках сувенирные альбомы и бесполезные подарки, которыми чиновники на праздники одаривают друг друга, а новый первый заместитель директора не только заказывал литературу посредством положенного ему списка специальной книжной экспедиции, но и сам ходил по магазинам.

Лебедев попросил принести себе и гостю чай с сухарями и выжидающе посмотрел на генерала Клочкова:

— Дмитрий Федорович, вы можете объяснить, как именно отряд террористов в Дамаске проник в здание штаба военно-воздушных сил Сирии именно в тот момент, когда там находился наш министр обороны? В вашем отчете президенту, который я читал, есть все. Кроме главного. Сам факт приезда министра, его маршрут, вообще все решением Совета безопасности держали в строжайшем секрете. О визите предполагалось рассказать только после благополучного возвращения министра домой. Никто посторонний и не знал о его прилете в столицу Сирии... Кроме террористов, выходит... Откуда у них такая информация? Как вы можете это объяснить?

— Это ваша личная просьба, Валерий Сергеевич, или вы исполняете поручение президента? — вежливо переспросил Клочков.

— А вы уточните у президента, — так же мягко рекомендовал ему Лебедев.

Лицо Клочкова дернулось, и он, как бы извиняясь, заметил:

— Я несколько не сомневался в ваших полномочиях. Вопрос в том, как мне переоформить докладную записку.

— Писать ничего и не надо. — Лебедев разложил на столе карту. — Просто покажите, как именно группа боевиков проникла в тщательно охраняемый штаб и из ракетной установки обстреляла внутренний корпус, где министр проводил совещание. Вы же написали, что все обстоятельства теракта вашими людьми установлены.

Начальник Главного разведывательного управления генерального штаба вытащил из стаканчика остро заточенный карандаш и уверенно нанес на карту маршрут движения преступной группы, уничтожившей здание штаба в Дамаске, в результате чего погибли российский министр обороны и его помощники.

— Распишитесь, пожалуйста, — попросил Лебедев.

Генерал Клочков поставил внизу свою подпись и указал дату.

— У вас ко мне больше нет вопросов? — осведомился он.

— Благодарю вас, Дмитрий Федорович. — Лебедев встал из-за стола, чтобы проводить гостя.

Когда дверь за Клочковым закрылась, он открыл сейф и вытащил еще две такие же карты Дамаска. Помимо начальника военной разведки в его кабинете утром побывали первый заместитель министра обороны и начальник управления военной контрразведки. Каждый из них, по просьбе Лебедева, показал на карте путь боевиков в Дамаске.

Разложив рядом три карты, он не смог сдержать мрачной улыбки: все трое указали разные маршруты.

Не владеют информацией? Это предположение он отмел. Генералы хорошо знали ситуацию в Сирии, все последнее время только ей и занимались.

Не располагают точными данными? Импровизировали, лишь бы не демонстрировать свою неосведомленность? Едва ли. Предварительное расследование громкого теракта в Дамаске завершено, так что все данные они получили. И все, словно сговорившись, назвали налет террористов злосчастной случайностью, предотвратить которую было невозможно.

Лебедев придерживался своей версии. Боевики потому и напали на штаб, что знали не только о прилете российского министра обороны, но и его точный маршрут в Дамаске.

Он посмотрел на часы — ровно через пятнадцать минут его примет президент. После того, что накануне произошло в Дамаске, несомненно, внимательно его выслушает. Поверит ли его версии? Когда он накануне видел президента, глава государства был в гневе. И требовал ответа: как все это могло произойти?

Ливан. Бейрут

До Бейрута Салим и Дитер Рольник добрались на катере, которым управлял мрачный грек-киприот, не пожелавший даже взглянуть на пассажиров. Необычное для южного человека отсутствие любопытства объяснялось элементарной предусмотрительностью. Чем меньше капитан катера, чьими услугами пользовались самые разные люди, видит и запоминает, тем больше у него шансов благополучно дожить до старости и уйти на заслуженный отдых в кругу семьи.

В Бейруте Рольника посадили в машину и сразу вывезли из порта. Ливанская столица показалась Дитеру пустынной. Люди предпочитали не высываться. Только дети играли среди бетонных развалин.

Дважды их машину останавливали. Один раз у заграждения, устроенного из бетонных блоков, документы проверили боевики шиитской боевой организации Хезболла. Во второй раз возле баррикады, возведенной из мешков с песком, ими заинтересовались бдительные посты христиан-маронитов. Они пересекли так называемую «зеленую линию», отделяющую западный Бейрут от восточного. Христианский восточный Бейрут был в куда лучшем состоянии: военных не видно, люди прогуливались по цветущим улицам.

Рольнику приятно было вновь ощутить атмосферу военного лагеря. Он много раз бывал в Ливане. В основном миссии оказывались несложными. Днем приезжал, а ночью его уже переправляли на территорию, контролируемую христианами, сирийцами или друзами.

Предстоящей операции предшествовало долгое обсуждение плана действий. Он встретил несколько знакомых лиц — на старой вилле, при-

надлежавшей человеку, который за солидное вознаграждение предоставлял ее всем, нуждавшимся в безопасном месте для деликатных встреч и важных бесед за закрытыми дверями. Вся обслуга в доме принадлежала к одному клану, что почти гарантировало безопасность. Возле дома был большой бассейн. Дитер Рольник искупался и, освежившись, устроился в уютной зеленой беседке, из которой открывался дивный вид на залив.

Еще десять человек собрались на этой вилле. Все приехали порознь. В гражданской одежде. Без оружия. Всем за тридцать. Рольник уже встречал их в разных точках земного шара. Оценил, что на сей раз Салим собрал лучших людей.

Вообще-то его предложение не очень понравилось Рольнику: перебраться в Дамаск и взять в заложники русского офицера, который обучал сирийские войска. Офицера следовало выкрасть и доставить в надежное место.

Опасное дельце. Но работа есть работа. Рольника попросили заняться этим, потому что у него был большой опыт в организации таких рейдов. Он оценил подготовительную работу. Вся необходимая информация была собрана. Русский офицер находился в четырехэтажном здании — штаб-квартире сирийских войск. Задача состояла в том, чтобы проникнуть внутрь, захватить офицера, убить как можно больше сирийцев и, уходя, взорвать здание, чтобы запутать следы.

Салим отвел Рольника в сторону — обсудить денежный вопрос. Конечно, Рольник в любом случае исполнит поручение самого Хаджи Бакра, руководителя службы безопасности халифата. Но без денег такие дела не делаются. Он же не боевик-камикадзе, который взрывает себя в надежде на райские кущи, а профессионал высокого класса, ценность которого для халифата растет с каждой операцией.

Сумма его устроила. Он всегда объяснял клиентам, что сумма гонорара зависит не только от степени сложности операции и грозящей ему опасности, но и от того, нуждается ли он в чьей-то помощи или в специальном снаряжении, которое приобретает за свой счет. В данном случае все было готово. Он оценил оружие. Новенькие бельгийские автоматы F-2000 с подствольным гранатометом и российские «калашниковы» АК-103-2 с модифицированным ударно-спусковым механизмом, позволяющим вести огонь очередями по три выстрела. Таких он еще не видел.

— Откуда? — поинтересовался Рольник.

— Подарок покойника Муамара Каддафи, — ухмыльнулся Салим.

— В каком смысле?

— Когда с Ливии сняли санкции, Каддафи заказал большую партию оружия у бельгийцев. Эти автоматы получила 32-я бригада, которой командовал младший сын Каддафи. И у русских он тоже успел приобрести

эти новенькие игрушки. А когда его сбросили, все это можно было купить в Ливии.

По плану они должны были спуститься по веревке с крыши соседнего здания, проникнуть на третий этаж, где будет проходить совещание, схватить офицера и, пользуясь переполохом, выскользнуть на улицу.

Рольник засомневался, удастся ли им вытащить оттуда русского офицера живым.

— Мы проберемся туда и возьмем его, — обещал он Салиму. — Но вернуться будет нелегко.

Салим лишь пожал плечами, и Рольник его понял: потери не имеют значения. У заказчика иные приоритеты.

— Дитер, нам очень нужен русский, — подчеркнул Салим.

— Я понял тебя, — сказал тот. — Но у меня один вопрос. Зачем ты посылаешь со мной Гюнтера Валле? Он же хочет выйти из игры.

— Ты же сам знаешь, — мягко проговорил Салим, — что из наших игр выходят только ногами вперед.

Сирия уже была разрушена войной. Пострадала и столица. По городу на большой скорости ездило большое количество автомобилей без номеров, полных вооруженными людьми. Передвигаться по прифронтовому городу опытному человеку нетрудно — в полуразрушенных кварталах всегда найдешь место, где спрятаться, затеряться ничего не стоило. Но Рольник решил, что они будут действовать открыто — насколько это возможно. В темноте они почти не отличались от большинства жителей Дамаска, в котором полыхала война. И всех боевиков снабдили действующими пропусками в запретную зону.

С собой взяли оружие, снаряжение и большую черную сумку со взрывчаткой. По одному тихо пробрались в полуразрушенное здание по соседству со штабом правительственной армии. Им предстояло провести в засаде весь день, наблюдая за происходящим у сирийских военных. Следовало убедиться в том, что цель на месте. Если бы они ворвались в здание, а русского полковника там бы не оказалось, все пошло бы насмарку. Повторить атаку было бы невозможно.

Они расположились в здании и занялись наблюдением. Почти не разговаривали. Молились. Читали Коран. Ели очень мало. Зато не пожалели сил на тщательный осмотр оружия. Больше всего времени ушло на подгонку снаряжения, необходимого для того, чтобы проникнуть к сирийцам. Дитер Рольник сам проверил тонкий, но крепкий канат черного цвета с алюминиевым гарпуном на конце.

Они обратили внимание на особые меры безопасности. К штабу правительственных войск постоянно подъезжали служебные автомобили. Входили и выходили какие-то люди, некоторые почему-то были в штатском.

Охрану у входа удвоили. Армейские патрули установили жесткий контроль над всем районом.

Наблюдение подтвердило, что офицеры штаба занимают служебные кабинеты на верхних этажах — подальше от улицы, с которой могут обстрелять окна. А к вечеру стало ясно, что центр активности переместился на третий этаж, где было с дюжину комнат.

Дитер Рольник и предположить не мог, что в штаб военно-воздушных сил Сирии на большое совещание с соблюдением всех мер предосторожности доставили российского министра обороны. Его визит в Дамаск проходил в полной тайне. В стране война.

Дамаск. Штаб военно-воздушных сил

В двенадцать ночи Дитер Рольник и его боевики приступили к делу. Сама по себе операция по переброске с крыши на крышу не представляла особой сложности — они проделывали такие манипуляции сотни раз в учебных лагерях. Ночь была безлунной, и их вряд ли могли заметить. Труднее всего избежать шума — алюминиевый гарпун ударялся о крышу с грохотом, и тут ничего нельзя было поделать. Но, по крайней мере, гарпун зацепился с первой попытки, и все десятеро быстро перебрались на соседнюю крышу.

На крыше, возле парапета стояли в боевом охранении два сирийца. Вместо того чтобы нести службу, они курили и лениво переговаривались. Никакой бдительности. Салим окликнул их, шепотом подозвал, и они поспешили на его зов. На одного сзади набросился Рольник. Второго взял на себя Салим, но оплошал, не справился. Гюнтер кинулся ему на помощь — и напоролся на нож. Сирийца они общими усилиями прикончили. Но и Гюнтер уже не дышал.

Непосредственно под крышей находились две комнаты. Двери были закрыты. Прислушавшись, поняли, что в обеих комнатах люди спят — видимо, отдыхали офицеры, сменившиеся с дежурства.

Стараясь не шуметь, спустились по деревянной лестнице вниз. И оказались на этаже, где и ночью не прекращалась работа. В одной из комнат, за неплотно прикрытыми дверями, громко разговаривали несколько человек. Салим подобрался поближе к двери, остальные страховали его и держали под прицелом остальные двери, чтобы никто не застал их врасплох. Он постучал — сирийский офицер беззаботно открыл дверь и тут же получил пулю в грудь. Затем раздались еще два выстрела. Рольник и Салим ждали, когда на шум выйдет кто-нибудь из соседней комнаты, откуда тоже доносились голоса. И действительно, два вооруженных человека один за другим выскочили в темный коридор. Они ничего не увидели и не успели понять, что

происходит. Люди Рольника прикончили их ножами — ударом, рассекающим горло, — и рассредоточились по всему коридору.

Видимо, рыба была несвежая. Как их могли накормить такой гадостью? Или он просто переел?.. Советник российского посольства, он же исполняющий обязанности резидента внешней разведки в Дамаске Олег Виленович Червонцев уже дважды вынужден был извиняться и выходить в туалет.

Как назло, избежать участия в совещании было невозможно. Вслед за официальной делегацией, которую возглавил главком военно-воздушных сил, прилетел сам министр обороны. Червонцева Центр предупредил, а военные до самого последнего момента ничего не подозревали, и теперь решительно все, в том числе в посольстве и в резидентуре внешней разведки, стояли на ушах. Зал для совещаний был забит.

Когда Червонцев выходил из кабинета начальника штаба сирийской авиации, все собравшиеся проводили его удивленными взглядами. Одновременно с ним из зала с деловитым видом выскользнул Ахмед Шараф из сирийского Главного управления безопасности. Червонцев бросился в туалет, а Шараф, поглядывая на часы, помчался к выходу. В другой момент Червонцев бы призадумался — куда это он, но сейчас ни о чем не мог думать, кроме собственного желудка, напоминавшего кратер, из которого извергалась лава. А ведь практически и не пил, они с Пьянковым всего лишь пообедали.

Полковник Пьянков много лет служил в штабе Московского округа противовоздушной обороны. Неожиданно в управлении международного военного сотрудничества Министерства обороны ему предложили Сирию. Это было еще до начала боевых действий, и полковник немедленно согласился, хотя командировка в любом случае небезопасная, и ехать пришлось без семьи. Зато в Сирии хорошо платят, и жизнь — с точки зрения бытового комфорта — прямо-таки генеральская. В его пользование предоставили полностью обставленный коттедж, с бассейном и спортивным залом. Но в последние месяцы, конечно, все изменилось. Разгорелась настоящая война. Зато и платили совсем по-другому. Рассчитывая на «боевые», Пьянков хотел остаться в Дамаске еще на один срок, потому был крайне любезен со всеми, кто мог замолвить за него словечко. Пригласил Червонцева в дорогой ресторан, щедро угостил. Помочь ему продлить командировку? Червонцев еще не решил. Кто такой Пьянков? Да никто, без связей и поддержки... Но пообедать он не отказался. И ресторан-то выбрали хороший! Откуда же там несвежая рыба?

...Дверь мужского туалета вдруг с шумом распахнулась. Сидя в кабинете, Червонцев неодобрительно поморщился: кого это еще принесло? Ему сказали, что все сирийские офицеры знают — это туалет только для российских советников, остальные ходят на второй этаж. Мужчина, ворвавшийся в туалет, вел себя самым хамским образом. Громко стуча тяжелыми

башмаками по кафелю, он распахнул дверь сначала одной кабинки, потом другой, наконец, приблизился к Червонцеву и так рванул дверцу, что она едва не слетела с петель.

— Что за безобразия! — выкрикнул Червонцев. — Оставьте меня в покое!

Он неважно говорил по-арабски, но полагал, что его голос произведет должное впечатление на хулигана. Вместо этого ворвавшийся в туалет хам мощным ударом ноги выбил дверь. Прямо на Червонцева смотрело дуло автомата, и какой-то бородатый человек сказал по-русски, хотя и с сильным акцентом:

— Выходи!

Дитер Рольник и другие ворвались в комнату, где находились семь человек. Четверо явно были русскими.

Салим бросился на офицера, сидевшего на диване. Рольник занялся остальными. Он выпустил весь магазин своего автомата, и десятиmillиметровые пули разметали их по комнате.

Российский офицер дрался с невероятным ожесточением. Но некому было прийти на помощь. Снизу уже доносились встревоженные голоса. Сирийцы еще не поняли, что внутрь штаба проникли враги, но шума было достаточно для беспокойства.

Рольнику стало ясно, что они не уйдут живыми, если промедлят, да еще и потащат сопротивляющегося российского офицера. Рольник прикрыл глаза, и тому хладнокровно перерезали горло. Салим вытащил его документы, прочитал с запинками трудную для араба фамилию: «Пьянков».

Но тут Руслан Хамидулин притащил еще одного русского — и почему-то в штатском.

— Зачем привел? — буркнул Рольник. — Кто он такой?

— Какая-то «шишка». Можно допросить.

— Спроси, сколько здесь русских, — велел Рольник.

Хамидулин приставил нож к горлу русского — для убедительности — и повторил вопрос. Затем перевел ответ:

— Он говорит, что здесь целая делегация и их министр обороны.

Рольник опять прикрыл глаза, и Хамидулин преспокойно перерезал русскому горло. Таково было пожелание заказчиков — пусть русские пожалуют, что вмешались в сирийские дела.

Дитер распахнул окно и посмотрел на соседнее здание. На третьем этаже свет горел во всех окнах. Относительно возможности приезда русского министра обороны он сильно сомневался, но внутренний корпус штабного комплекса, не видный с улицы, в любом случае представлял собой отличную мишень. Кто-то там точно заседает.

— Все точно, — подтвердил Салим. — К нам поступила такая информация, там должен быть их министр.

— Чего раньше молчал? — буркнул Рольник.

— А вдруг нас обманывали?

Боевики развернули принесенную с собой мобильную ракетную установку, прицелились в центральное окно. Собрали со стола все документы, карты и фотографии и бросились назад на крышу. Заложили взрывчатку возле лестницы, установили взрыватель. Оставалось пять минут на то, чтобы уйти, и они успели.

Ровно через пять минут пустили ракету. Третий этаж соседнего дома буквально разнесло. Сирийцы решили, что начался обстрел, и за первой ракетой последуют другие. В такой ситуации, как правильно рассчитали нападавшие, сирийцы ринутся вон из здания в поисках убежища, и никто Рольника и его людей искать не станет.

Действительность превзошла ожидания. Внутри здания началась нелепая перестрелка. Люди спешно покидали штаб. Рольник, Салим и его люди выскользнули из укрытия и побежали по улице, смешавшись с удирающими в панике сирийцами.

Они заложили взрывчатку и в развалинах дома, в котором укрывались перед нападением. Отбежав на приличное расстояние, Рольник нажал кнопку дистанционного управления, и здание просто рассыпалось. Теперь уже ни у кого из сирийцев не было сомнений в том, что они попали под прицельный обстрел врага.

В условленном месте боевую группу ждал микроавтобус. Они сложили оружие и снаряжение, переоделись. Помолились. Им предстояло вернуться в Бейрут.

Когда добрались туда, Рольник предложил остановиться не в гостинице, а провести пару дней в частном санатории:

— Дорого. Но того стоит. Надо прийти в себя после тяжелой операции.

Все согласились, поскольку стали заметно богаче. И авторитетнее в высшем руководстве халифата.

Немедленно появились врачи. И сразу начались оздоровительные процедуры.

Ливан. Бейрут. Санаторий

Руслан неожиданно проснулся и сразу интуитивно почувствовал, что враг рода человеческого где-то рядом. Сон покинул его в мгновение ока, он

был бодр, свеж и готов действовать. Все вокруг безмятежно спали, не подозревая, что им угрожает. Но он-то знает, что противник рядом, и попытается спасти тех, за кем охотятся. Важнее всего не уснуть и сберечь силы для последней схватки с врагами Аллаха.

Была уже полночь, когда Руслан, осторожно ступая, вошел в пустую операционную, где все было готово к завтрашней работе. Ему нужен был скальпель, и он знал, где его найти. Любовно перебрал все инструменты и выбрал тот, который пришелся ему по руке.

Операционные охранялись, но именно в ту ночь немолодой охранник каждые десять минут отлучался, чтобы позвонить домой: у только что родившегося внука болел живот, и он очень тревожился за маленького.

Руслан беспрепятственно поднялся на третий этаж и, осторожно ступая, двинулся по слабо освещенному коридору. Он не хотел, чтобы его услышала дежурная медсестра. Но его предосторожности были излишними, ее на посту не оказалось, дорога была свободна. Он и не рассчитывал на такую удачу.

Нужная ему палата находилась наискосок от столика, за которым должна была сидеть дежурная медсестра. Ему следовало поторопиться, она могла вернуться с минуты на минуту.

Он приоткрыл дверь и остановился на пороге. Здесь лежал только один пациент, о котором в санатории очень пеклись. Ему дали снотворное, чтобы он мог выспаться, и поставили капельницу.

Руслан вытащил взятый в операционной скальпель... Через тридцать секунд он, сощурившись, вышел в по-прежнему пустой коридор, быстрыми шагами пересек его и исчез на лестничной клетке.

И почти сразу появилась медсестра. Она бегала вниз за салфетками, потому что бестолковая сменщица израсходовала днем весь запас. Спрятав коробку в шкафчик, она вошла в палату и, глухо вскрикнув, застыла на месте: капельница пустела буквально на глазах, но спасительный раствор не поступал больному — гибкая пластмассовая трубка была рассечена чем-то острым, бесценная жидкость вытекала на пол. На столике лежал скальпель. И этим же скальпелем было перерезано горло очень важного пациента. Не углядела! Она бросилась к телефону — сообщить о смерти пациента-иностранца, которого звали Дитер Рольник.

А Руслан, вернувшись в свою палату, лег с сознанием предстоящей ему миссии. Он знал, что враг должен методично уничтожаться, иначе будет еще много жертв. Одолеть врага не просто. Но он уже понял, как это можно сделать. У самой могущественной силы на земле есть слабое место. И как бы хорошо враг ни замаскировался, он его найдет. Эта битва с врагами Аллаха должна завершиться всемирной победой.

Москва. Кремль

День у президента начался с доклада первого заместителя директора Федеральной службы безопасности. Хорошо всем знакомый генерал Лебедев, заменявший своего всерьез заболевшего начальника, был мрачен и не слишком приветлив, чему, впрочем, никто не удивился. Он провел в президентском кабинете двадцать минут и вышел еще более мрачным.

Тут же прозвучал сигнал вызова главного охранника. Когда он вошел, кабинет был пуст. После доклада Лебедева президент удалился в комнату отдыха. Без пиджака, в белой рубашке и черном галстуке, он стоял у открытого сейфа с личными бумагами и что-то лихорадочно искал. Не находил. И явно злился.

— Где-то у меня был его телефон, — проговорил он, увидев вошедшего начальника охраны.

— Скажите, как его зовут. Выясним. — В руках охранника мгновенно появились ручка и блокнот.

— Да я и фамилии не помню, — рассеянно посмотрел на него президент. — В школе у него была фамилия Шубников, а настоящую я потом слышал, да забыл.

Охранник сразу понял, какую школу имеет в виду президент. В разведывательной школе всем давали конспиративные имена. Называть друг другу подлинную фамилию запрещалось. Значит, речь идет о ком-то, с кем президент в молодые годы учился в разведшколе.

— Сейчас сделаем запрос, — с готовностью произнес он. — Но это потребует какого-то времени, пока в Ясенево поднимут архивы.

— Знаешь, Виктор, — захлопнул дверцу сейфа президент, — нельзя, чтобы стало известно о том, что этим человеком интересуется президент. Ты все выясни и быстро... Но не сам, понятно?

Охранник чуть помедлил, ожидая, не будет ли еще каких-то указаний, а когда их не последовало, удалился, стараясь ступать неслышно.

Дежурный секретарь в первой приемной вопросительно посмотрел на него, и он чуть заметно кивнул. Это означало, что к президенту можно заходить. Секретарь поднялся, захватив тонкую папку. Он должен был доложить, кто ожидает приема и кто жаждет незамедлительно поговорить с главой государства по телефону. На три срочных звонка следовало ответить незамедлительно. После того, что произошло ночью в Дамаске...

Москва. Кремль

Встречу устроили в одном из пустующих помещений. Президент не хотел, чтобы Шувалова видели в приемной, записывали в журнал посещений.

Его завели в помпезно обставленную комнату, стерильная чистота которой свидетельствовала об ее необитаемости. У дверей стояли двое молодых людей, еще один сидел в комнате. При появлении Шувалова он встал. Обилие охраны заставило Шувалова насторожиться. Это кому же из сильных мира сего он понадобился?

Президент вошел через другую дверь, на которую Шувалов и внимания не обратил. Двигался он энергично, пожал руку, предложил сесть и, закинув ногу на ногу, внимательно посмотрел на Шувалова:

— Ты совсем поседел. Хотя шевелюру сохранил. Я вот пытался вспомнить, когда мы в последний раз виделись. Кажется, на курсах переподготовки в Краснознаменном институте, верно? Еще совсем были молодыми.

Шувалов, к стыду своему, плохо помнил нынешнего президента. Хотя получилось так, что они дважды учились вместе — сначала два года в разведшколе, затем еще на курсах. Но Шувалов учил арабский, трудился на восточном направлении, «западников» знал плохо.

— Есть одно дело, которым я попрошу тебя заняться, — сказал президент, дав понять, что лирическая часть закончилась.

— Я ушел с оперативной работы, — на всякий случай напомнил Шувалов.

— Знаю, Виталий. Это личная просьба. Личную просьбу можешь выполнить? — Президент заговорил тихо и медленно: — Все, что я тебе сейчас сообщу, как ты понимаешь, высшая государственная тайна. Но я даже не буду просить тебя хранить ее, потому что верю тебе. Случился провал, какого еще не было. Кто-то выдал информацию о приезде министра в Дамаск. Говорю «выдал», потому что есть основания считать, что исламистов на него навели. — Он заглянул в бумаги, лежавшие у него на столе. — Вот, что уже известно. Сирийские саперы из-под обломков взорванного в Дамаске здания извлекли помимо наших людей искалеченный труп человека с европейскими чертами лица. Уже установили, кто он. Немец. Террорист. Присоединился к халифату. Имя — Гюнтер Валле.

— Я его знаю, — сказал Шувалов.

— Мне уже доложили, — усмехнулся президент. — Но это еще не все. За день до этого в Бейруте погиб наш важнейший агент. — Он вытащил из внутреннего кармана пиджака картонную карточку и сверился с ней: — Ее имя тебе тоже известно — Кристина фон Хассель.

Шувалов вздрогнул. Это было имя из прошлого. Он входил в число трех офицеров, которые приняли окончательное решение об ее вербовке.

— Так вот, она предупреждала о возможности теракта против наших людей в Сирии. А за несколько дней до ее гибели в Дамаске внезапно умирает офицер, который ее вел — полковник Федоровский. Его срочно командировали в Сирию как раз для того, чтобы предупредить теракты.

А он умер в первую же ночь в Дамаске. — Президент развел руками: — Как ты понимаешь, с тех пор, как я работаю в Кремле, деталями разведывательных операций мне заниматься некогда. И незачем. Но тут явно происходит нечто чрезвычайное. Вопрос в том, что именно? Или немцы вместе с кем-то провели эту операцию против нас, и концы в воду... Или у нас в Ясенево предательство. Наши люди сотрудничают с халифатом? И думать о таком не хочется. Но... — Он посмотрел Шувалову прямо в глаза: — Поэтому я тебя позвал.

Уж не собирается ли он отправить Шувалова с секретной миссией в Дамаск? Это была бы странная идея.

— Ребята из ФСБ, ясное дело, бьют копытами. У них в контрразведке уже есть список подозреваемых. Лебедев утром был у меня. Знаешь его? Шувалов кивнул.

— Но я не верю, что они найдут предателя, — продолжал президент. — Предал кто-то из своих, тот, кто где-то здесь, рядом. Какой-то мерзавец, которого я знаю, который, вполне возможно, заходит в мой кабинет, стоит у меня за спиной. И я хочу, чтобы его нашли!

Это была, пожалуй, первая фраза, произнесенная с металлом в голове. Президент встал и прошелся по комнате, разминая усталые мускулы.

— Почему ты? Ты знал всех троих. Ты человек, не чужой разведке, но независимый от ее начальства, а, главное, — в отличие от остальных, точно в этой истории не участвовал. Просто не мог... Выходит, из тех, кто способен разобраться в этой истории, доверять я могу только тебе. Видишь, я с тобой предельно откровенен. — Он остановился и посмотрел на Шувалова: — Ты молчал, пока я говорил. Теперь скажи, что думаешь.

Шувалов был ошеломлен. Он ожидал чего угодно, но не такого предложения.

— Я ушел из Конторы, да и когда работал, не был контрразведчиком. Я же работал по линии ПР, политическая разведка.

— А как же дело подполковника Сивашенкова? — улыбнулся президент. — Кто его расследовал?

— Это была самодеятельность, — ответил Шувалов. — Резидентура в тот момент осталась без офицера КР.

Подполковника, который представлял в исламабадской резидентуре линию КР — внешнюю контрразведку, пришлось срочно вернуть в Москву, после того как выяснилось, что он берет с наших дипломатов деньги за молчание относительно их сомнительных коммерческих делишек.

И в этот момент началась история с подполковником Сивашенковым, связавшимся с пакистанскими спецслужбами, — хотел заработать перед пенсией. Шувалов получил потом орден «Красной Звезды», который ему

вручил председатель Комитета госбезопасности и при этом многозначительно пожал руку, попросив орденоносца поменьше распространяться об этой истории.

— Представь себе, — устало заметил президент, — у меня под рукой сейчас тоже нет надежного офицера КР. Так как? Я жду ответа. Готов исполнить личную просьбу президента и помочь родине?

Шувалов согласно кивнул, но при этом чуть поморщился — напоминать о родине было излишеством. Он не любил патетических разговоров, которые в офицерском кругу велись обыкновенно по пьяной лавочке. На трезвую голову они просто работали и исполняли свой долг.

— Вот и отлично, — сказал президент, вставая. — В Ясенево есть два человека, которые посвящены в твою миссию. Это директор и генерал Калганов. Калганова ты должен помнить, он же курировал восточные дела в твои годы, верно? — Он помолчал немного и вдруг задал вопрос: — Знаешь, почему я так хочу, чтобы нашли того, кто сообщил боевикам о поездке министра?

— Предатель должен быть наказан, — произнес Шувалов.

— Потому что я сам должен лететь в Дамаск, — пристально посмотрел на него президент. — Отменить поездку не могу. Должен повидать наших ребят, которые там служат. — И мрачно добавил: — Но не хочу, чтобы мой визит закончился точно так же.

Ясенево. Служба внешней разведки

Дверь за президентом закрылась. Многочисленная охрана как-то сразу испарилась. Если бы Шувалов был мистиком, он бы подумал, что и разговор с президентом, и секретное поручение — все это ему приснилось.

Но появился офицер в безукоризненно отутюженной форме:

— Виталий Александрович, мне велено срочно доставить вас в Ясенево. Вы готовы? Или, может, вам что-нибудь нужно?

Шувалов плохо представлял себе, к кому в Ясенево он должен обратиться и как, собственно говоря, ему предстоит действовать. Но обо всем уже подумали. Его встречал начальник департамента кадров генерал Кольцов. Он покровительственно похлопал Шувалова по плечу:

— Я же тебе говорил, что к нам вернешься, а ты еще спорил. Ну, кто был прав?

Десять с лишним лет назад Кольцов, тогда еще подполковник, оформлял увольнение Шувалова. Забрал удостоверение и проводил его к выходу, чтобы бывшего сотрудника выпустили. На ходу спросил:

— В банк, значит, уходишь?

Шувалов кивнул.

— А сколько тебе там платить будут?

Услышав цифру, обиделся и замолчал.

Теперь генерал Кольцов был сама любезность. Подхватил Виталия под руку, сам повел по территории:

— Ты, небось, забыл, где что? — Пообещал накормить отличным обедом, но позже — директор ждет. — Интимно нашептал на ухо: — Ему надо уезжать, поэтому сказал: как Виталий появится, сразу ко мне.

В начальственный кабинет за все годы службы в разведке Шувалова допустили только один раз — когда его назначили руководителем подразделения, и участникам совещания потребовалась срочная справка. Запустили на три минуты. Он исчерпывающе ответил на вопрос директора, и его отправили назад.

Начальником внешней разведки тогда был Иранец — он выдвинулся во время революции в Иране, служил там резидентом. Молодой генерал рассчитывал на большую карьеру, но его, как и многих, погубил август 1991 года. Потом Шувалову передали, что он будто бы понравился начальству. Но практических последствий вызов к верховному начальству не имел.

Кольцов ввел его к директору и, робко ступая, вышел. Шувалов не узнал кабинет. Впрочем, здесь сменилось столько начальников, что немудрено. Вместо Иранца появился Академик, который просидел несколько лет. Уходя, оставил после себя Индуса. Его Шувалов знал, встречались на курсах подготовки руководящего состава. Когда появился новый президент, Индусу пришлось уйти. Претензий к нему не было, но команду меняли, а он считался человеком Академика.

Нового директора Шувалов прежде никогда не встречал. Еще один «западник», с которым у «восточников» дороги не пересекались. Он был немногим старше Шувалова, но выглядел куда солиднее. Должность, что ли, придает такую значительность? Директор был с Шуваловым откровенен:

— Не стану лукавить. Я и президенту сказал, что не очень верю в успех вашей миссии. Все должны делать профессионалы.

Шувалов выслушал его с непроницаемым лицом. По крайней мере, предупрежден, что он лицо для Конторы нежелательное, и ему искренне желают провалиться.

— Но приказ президента будет исполнен, — продолжил директор. — Вам выпишут документы, выделяют рабочее помещение. Получите доступ ко всем документам, которые понадобятся для исполнения вашего задания. Если возникнет необходимость с кем-то побеседовать, мы это тоже устроим. — Он поднялся из-за стола: — Ко мне вопросы есть?

— Нет.

— Буду нужен, заходите, — сказал директор, провожая его к двери. — Ко мне, или лучше к Калганову. Вы ведь его, кажется, знаете?

Директор вернул его под опеку Кольцова, который повел Шувалова обедать...

Первым беседовал с ним начальник ближневосточного отдела Орлов, больше похожий на боксера.

— Я так понимаю, что вас уже ввели в курс дела? — сказал он.

— Что же там все-таки произошло? — прямо спросил у него Шувалов. Орлов посмотрел на него с откровенной неприязнью:

— А что, могут быть разные толкования?

— Случайность исключаете?

— Нет. Кто-то сдал наших. И я даже не представляю себе, какие деньги были за это уплачены.

— Кого-нибудь подозреваете?

— Список допущенных к информации о поездке министра обороны вам покажут. Список короткий. Все, кто в списке, включая меня, на подозрении.

— Мне нужны личные и оперативные дела... — поднялся Шувалов.

— Директор уже распорядился, — усталым голосом произнес Орлов. — Вас ждут в секретном архиве. Начинать надо с самого начала. Знаете, — добавил он, — сейчас каждый второй будет «капать» вам на соседа, коллегу и начальника. Послушаешь, у нас не один предатель, а целая куча.

— Я так понимаю, что вы в предателя внутри собственной службы не верите? — уже стоя в дверях, повернулся к нему Шувалов.

— Я вообще ни во что не верю. Я — атеист, хотя это сейчас и не модно, — мрачно ответил Орлов.

О том, что Орлов — под подозрением, дал понять главный кадровик службы генерал Кольцов. Он настойчиво предлагал Шувалову начать с беседы в управлении внешней контрразведки.

— Они тебя сориентируют, — убеждал он Шувалова. — Будешь знать, с кем можно откровенничать, а с кем быть настороже. Чьим словам можно доверять, а к кому следует отнестись с осторожностью. А ты сразу к Орлову...

Но Шувалов настоял на своем. Из ближневосточного отдела пошел сразу в секретный архив.

— Дела из особого хранения. Я сам в них никогда не заглядывал. Вы — пятый, кто получает к ним доступ, — удивленно проговорил сотрудник архива.

Если их было всего пятеро, подумал Шувалов, еще не все так плохо. Хуже, если был никому не известный шестой. Хотя почему же «неизвестный»? Неизвестных тут нет, тут все свои. Ему принесли папки с докумен-

тами. Некоторые из них, как несложно было убедиться, он же, будучи молодым офицером, когда-то и подшивал.

Намного раньше

Москва. Баня для служебного пользования

В бане гостевого загородного дома службы внешней разведки происходило то, что осторожные сирийские гости именовали товарищеской встречей коллег, а приятно возбужденные русские хозяева называли просто пьянкой с помывкой.

Сирийская делегация из Главного управления безопасности, подчиненного непосредственно президенту страны, прилетела в Москву в четверг вечером. В пятницу гости отдыхали. Всю субботу шли деловые встречи, а в воскресенье, дав сирийцам выспаться, хозяева повезли их на секретный загородный объект, известный своей баней и хорошим поваром. Баню соорудили специально для иностранных гостей.

Сирийцев было шестеро. Четверо прилетели из Дамаска, двое постоянно работали в Москве, под крышей посольства. Все, как на подбор, молодые ребята, кроме старшего — подполковника Абд аль-Хакима. Все хорошо говорили по-русски.

Час плавали в бассейне, затем парились.

В бане было шумно и весело. Сирийцы, с удовольствием вспоминая годы учебы, травили старые анекдоты, старательно и со вкусом ругались матом, что им самим очень нравилось и что страшно веселило русских.

Сирийцы, не выдержав, первыми выползли из парилки. Дольше всех продержался Абд аль-Хаким. Он облюбовал себе верхнюю полку. Наравне с русскими выбегал окунуться в бассейн, веником умело обрабатывал соседа.

— Здоров парень! — восхищенно прошептал Игорь Федоровский, мускулистый белокурый полковник из управления нелегальной разведки. — Наш человек!

— Он и есть почти что наш, — так же шепотом откликнулся подполковник Маслов, который работал в подразделении, отвечавшем за международное сотрудничество.

Маслов сам служил в резидентуре в Дамаске. Обзавелся пивным брюшком, которое теперь старательно обхаживал березовым веником в наивной надежде похудеть.

Федоровский соскользнул с полки и распахнул дверь:

— Все, я иду туда, где трудно, а то, понимаешь, водка выдыхается.

Последних выбравшихся из бани встретили приветственными криками и штрафными бокалами. Пиво было свежее, бочковое, а не бутылочное. Водку вытащили из холодильника. На стол вывалили воблу.

Федоровский, пригладив жидкие светлые волосы, решительно поднялся. Граненый стакан водки казался крохотным в его огромном кулаке:

— Предлагаю выпить за тесное сотрудничество России и Сирии!

— До дна! — подхватили по-русски сирийцы.

Затем пошли тосты за двух президентов, за профессиональное сотрудничество, за братство разведчиков, за любимое дело. Последние тосты смогли поддержать уже далеко не все. Двоих молодых сирийцев осторожно переложили в мягкие кресла, пылившиеся в углу, и они заснули.

Наравне с русскими пили подполковник Абд аль-Хаким и капитан Шаукат. Абд аль-Хаким расспрашивал москвичей, строятся ли в городе новые мечети. Шаукат, вытирая пот со лба, изъявил желание сыграть на гитаре. Маслов обещал достать гитару.

— Карманов! — окликнул он лейтенанта, который кружку за кружкой глотал пиво, а водку не пил. — Найди гитару!

— Здесь нет гитары, товарищ подполковник, — поднявшись сказал лейтенант.

— Не возражать! — отрезал Маслов. — Выполняй приказ. Какой же из тебя, твою мать, чекист, если ты не в состоянии отыскать такую мелочь, как гитара?

Когда растерянный Карманов вышел, Абд аль-Хаким удивленно спросил Федоровского, проявив исключительное знание русского языка:

— Зачем вы у себя таких охламонов держите?

— Его папа — старый чекист, — заплетающимся голосом пояснил Федоровский. — Служил вместе с нашим первым заместителем директора.

Маслов потащил ко рту стакан, но рука предательски дрожала, и половина пролилась на тарелку с жареным мясом.

— Чего мы цацкаемся с этим старьем? — разозлился он. — Впрочем, у сирийцев еще хуже. Куда ни придешь, сидят какие-то старперы. Они только и занимаются, что о своих прошлых подвигах рассказывают. Пора от этого старья избавляться, а то страну почти профукали. Это никуда не годится, вот что я вам скажу. Вся Сирия теперь только на нас и держится.

— А я слышал, что у вас теперь все решают иранцы. Правда, что ли? — внезапно встрепенулся Федоровский.

— В Сирии все решает наш любимый президент, которому мы все верны, как один! — отчеканил подполковник Абд аль-Хаким.

Его слова повисли в воздухе. Мгновенно протрезвевший Маслов первым нарушил неловкое молчание:

— Может, нам, ребята, на воздух выйти? Погуляем? Завтра опять засядем оборудование монтировать, так ничего и не увидите. А во вторник вам уже назад, в Дамаск.

Германия. Берлин. Тюрьма

Тюрьма, где держали осужденных боевиков террористической организации «Исламское сопротивление», казалась со стороны бетонным чудовищем, начиненным собственной сетью телекамер, и, по словам начальника тюрьмы, гарантировала полную изоляцию заключенных.

На самом деле адвокаты свободно приносили своим осужденным клиентам все, что те просили, — от Корана и мобильных телефонов до самодельных электроплиток для приготовления еды.

На воротах тюрьмы висел плакат, отпечатанный по заказу федерального ведомства уголовной полиции: «Чужих здесь не знают. Не каждый приходит сюда с честными намерениями. Поэтому особое недоверие не является невежливостью». Несмотря на строгий тон плаката, немолодые тюремные надзиратели хранили врожденное почтение к адвокатскому сословию.

У сидевших в тюрьме террористов нашлось множество поклонников. В стопке бумаг они вырезали отверстие, в углубление клали передачу, заклеивали и отдавали папку адвокату, которому предстояло понервничать минут десять, пока его впускали в тюрьму.

Тюремное здание построили больше ста лет назад. В нем содержалось почти полторы тысячи заключенных. Шестьсот человек ежедневно приходили и уходили из тюрьмы, в основном это был обслуживающий персонал, кроме того, тюрьму регулярно посещали ремонтники, электрики, врачи, адвокаты и ортопеды.

В обеденный перерыв две молодые женщины предъявили на входе удостоверение адвокатов и потребовали провести их в комнату свиданий.

Удостоверения были поддельными, но пожилой надзиратель этого не заметил. Он настолько равнодушно относился к своим обязанностям, что обе женщины преспокойно вошли в тюрьму с двумя пистолетами и автоматом в большой сумке.

Дитер Рольник принадлежал ко второму поколению бойцов «Исламского сопротивления». Ему было двадцать три года, когда он подложил взрывное устройство под двухэтажное здание клуба на американской военной базе в Германии. Один американский солдат погиб, трое были ранены. Через три месяца Дитера Рольника случайно арестовали во Франции. Вместе с ним задержали несколько его друзей.

Когда французские полицейские стали фотографировать арестованных, они отворачивались от камеры, закрывали глаза и корчили рожи. Темпераментная подружка Дитера еще и укусила двух полицейских, которые пытались ее обыскать.

Серьезный приговор грозил одному Рольнику. Несколько человек видели, как он закладывал взрывное устройство под здание американского клуба, поэтому «Исламское сопротивление» приняло решение освободить Дитера еще до суда.

Две женщины с поддельными удостоверениями беспрепятственно добрались до комнаты, где Рольник беседовал со своим адвокатом. Надзиратель попытался вежливо остановить молодых женщин:

— Вам, наверное, не сюда. Эта комната занята.

Одна из женщин ударила его по лицу, другая ворвалась в комнату с криком:

— Давай, Дитер, выходи! — Сунула ему в руки пистолет и прикрикнула на адвоката: — Лезь под стол!

Перепуганный пузатый адвокат безропотно полез под стол и сел на корточки, сложив руки на голове. Он даже не смог определить, кто ворвался в комнату и загнал его под стол — женщина или мужчина. Когда его потом допрашивали в полиции, он честно признался:

— Единственное, что я видел, это был черный автомат, свисавший на ремне.

Дитер Рольник выскочил с пистолетом в коридор.

Стоявший в коридоре надзиратель уже пришел в себя, он успел включить сигнал тревоги и обезоружить одну из нападавших. Но Рольник схватил другого надзирателя и под дулом пистолета потащил его к воротам. Женщины бросились за ним. Дежурный не хотел открывать им дверь, но вынужден был это сделать после того, как Рольник прострелил ему ногу.

Одного-единственного выстрела хватило на то, чтобы лишить надзирателей желания сопротивляться. Раненый дежурный рухнул с воплем и стал кататься по полу, а Рольник и его освободительницы беспрепятственно выбрались из тюрьмы, сели в ожидавшую их машину и исчезли...

Исчезнувших преступников принялись искать с утроенной энергией. Полицейским удалось найти машину, на которой бежали Рольник и его освободительницы, квартиру, где они провели первую ночь, но больше ничего. Рольник и его женщины словно в воду канули. Полиция сумела только арестовать девушку, которая наняла для террористов машину и квартиру. Она отказалась давать показания. Иных преступлений за ней не числилось. Тем не менее, скромная, коротко стриженная девушка с большими серыми глазами по имени Петра Вагнер получила пять лет

тюрьмы за соучастие в организации побега террориста Дитера Рольника.

В тюрьме Петра изобрела свою стратегию выживания. Часами читала Коран. Писала длинные письма друзьям и нравоучительные сказки для маленького брата, который учился в третьем классе. В ее камере была электрическая розетка. Ей разрешили купить маленький телевизор и кипятильник, и она могла в любое время выпить чаю или кофе. Еще ей полагались настольная лампа и вделанный в стену радиоприемник с четырьмя программами.

Она часто думала о том, что позволила поймать себя исключительно по собственной глупости. Поклялась, что во второй раз ее не возьмут.

Германия. Город Дахау

Вместо пяти лет Петра Вагнер, соучастница нападения на тюрьму, провела за решеткой всего один год. Суд высшей инстанции счел приговор излишне суровым. Молодая девушка из хорошей семьи, никогда не нарушала закон, запуталась, попала под дурное влияние, раскаивается, ей преподнесен хороший урок, она твердо настроилась на исправление...

В большом городе ее появление прошло бы незамеченным. В большом, но не в ее родном городке Дахау.

Один из первых устроенных нацистами концентрационных лагерей, который принес печальную знаменитость городу, стоял в стороне. На месте лагеря был после войны устроен музей, но горожане туда не ходили. Жители Дахау, баварского городка с более чем тысячелетней историей, утверждали, что в 1933 году они голосовали против нацистов и в создании концлагеря не виноваты.

Когда Петру освобождали, встретить ее она попросила свою лучшую школьную подругу Кристину фон Хассель, которую все, кроме ее собственных родителей, называли просто Кристи. Она приехала за Петрой на машине.

Подруги обнялись. Петра забросила в багажник битком набитую сумку и плюхнулась на сиденье рядом с Кристи. Петра расплнела в тюрьме, появился второй подбородок, но черты лица стали жестче. Она стриглась коротко и в своем балахоне была похожа на мужчину. Выход на свободу подействовал на Петру очень сильно. Она без умолку болтала.

— Едем сразу домой? — перебила ее Кристи.

— Нет, нет, — взмолилась Петра. — Давай остановимся в гостинице, поужинаем, немного выпьем, выспимся, а утром поедем.

Они сняли один номер с двумя кроватями. Петра, забыв о том, что правоверным следует забыть об алкоголе, на радостях заказала в номер ужин

с шампанским. Она рассказывала о тюремной жизни, но не называла никаких имен, боясь, что их подслушивают — предположение, которое Кристи показалось нелепым.

Ела Петра мало, зато много пила и быстро опьянела — лицо стало красным, глаза горели.

До того дня, когда Петру арестовали, Кристи и не подозревала, что подруга детства занимается чем-то нелегальным. Соседи считали девушку послушной дочерью, но бесцветной, лишенной интересов и увлечений. Ее отец был успешным юристом и членом городского совета от правящей христианско-демократической партии.

— Когда же все это началось? — расспрашивала ее Кристи.

Петре хотелось доказать, что она способна какие-то вещи делать лучше, чем мужчины. Деятельная по натуре, она вознамерилась помогать членам боевой организации «Исламское сопротивление», отбывавшим тюремный срок.

Петра и ее соратники переписывались с заключенными. Из этих писем она многое узнала. Письма критиковали ее за размытость позиции и требовали определенности: или полностью поддерживай «Исламское сопротивление», или отойди в сторону.

Петра постепенно втянулась в работу: подготовка адвокатов для процессов над террористами, сбор пожертвований. Заключенные требовали от молодежи дисциплины, настаивали на том, чтобы Петра и другие глубоко изучали Коран и религиозные книги и писали им отчеты о прочитанном.

Постижение религиозных текстов рождало ощущение принадлежности к авангарду борьбы за справедливое дело. И Петре нравилась дисциплина, необходимость подчиняться приказам — все то, что еще недавно она напрочь отвергала. По вечерам они часто говорили о том, что, только уйдя в подполье и ведя вооруженную борьбу, можно жить в этой стране. Великая цель избавляла от разочарований повседневной жизни.

Она попала в компанию молодых женщин, которым завидовала, потому что они обрели уверенность в себе, они знали, как вести себя на людях, и их уважали потому, что они участвовали в этой деятельности.

Лучшей проверкой перед вступлением в группу считалось участие в вооруженном ограблении банка, но Петру приняли без испытания. Ее привел молодой человек по имени Гюнтер Валле. Это был момент, когда все решили, что арестованных и осужденных боевиков «Исламского сопротивления» надо освобождать из тюрьмы любыми средствами. Стали создавать подпольную структуру для проведения боевых операций.

Гюнтер сообщил о Петре людям, которые находились в подполье. Они-то и должны были решить, брать ее или нет. Люди в масках, которые разговаривали с Петрой Вагнер в полутемной комнате, исходили из того,

что первая встреча — решающая. Важно сразу же в разговоре оценить степень решимости идти до конца, волю к сопротивлению, способности и возможности. Может ли она сделать то, что от нее захотят? Готова ли и в состоянии ли физически перенести арест, суд и заключение, если ее поймают полиция?

Ей сразу все объяснили, чего именно от нее хотят, какому риску она отныне будет подвергаться, какие меры предосторожности ей придется соблюдать.

Через месяц Гюнтер Валле сообщил ей, что она принята. Она встрети­лась с двумя террористами во Франкфурте-на-Майне возле центрального вокзала. Все вместе они пошли в «опорный пункт» — меблированную мансарду. Здесь Дитер Рольник, который после ареста старших товарищей возглавил «Исламское сопротивление», собрал группу.

— Двое из них и вытащили Дитера Рольника из тюрьмы, — закончила Петра свой рассказ. — А всю подготовительную работу сделала я. Но напрасно не послушалась совета немедленно исчезнуть.

— А куда же ты могла деться? — заплетающимся языком спросила Кристи.

Петра ухмыльнулась, но ничего не ответила.

Уже было поздно, и они стали ложиться спать. Утомленная дорогой, вином и рассказами, Кристи буквально провалилась в сон...

А утром у Петры началась настоящая паранойя. По дороге домой, прямо в машине она стала писать письма соратникам. При этом она постоянно оглядывалась, ей, видно, казалось, что за ними следят. Кристи не успела ахнуть, как Петра щелкнула зажигалкой, подожгла свои письма и бросила горящие бумаги прямо на пол машины.

Кристи нажала на тормоза так, что они обе чуть не вылетели из машины через ветровое стекло.

— Ты с ума сошла! — топтала она ногами горящие бумаги.

— Ты что, не видишь? Нас преследуют! Надо немедленно уничтожить эти бумаги, а то меня опять упекут за решетку, — пыталась остановить ее Петра.

Кристи довезла Петру до дома и поспешила распрощаться с подругой детства. Она устала и хотела отдохнуть. К тому же у нее дома вставали очень рано, и ей не стоило опаздывать к завтраку. Родители не видели ее несколько месяцев, пока она сдавала экзамены.

Прежде, чем Кристи успела отстраниться, Петра смачно поцеловала ее в щеку и радостно сказала:

— Увидимся завтра.

Петра записалась в местный педагогический институт. В свободное время ухаживала за тяжелыми больными в хирургическом отделении городской больницы. Она мечтала посвятить себя больным малышам, нашла работу в приюте для неполноценных детей. Она не собиралась никого убивать. Но ей показали потрясшие ее видеокadres — дети, погибшие в результате применения химического оружия правительственными войсками президента Башара аль-Асада. Милосердная студентка не спала всю ночь. Утром она пришла к Дитеру Рольнику:

— Я хочу их спасти. Весь мир молчит, видя эти преступления. Мы должны наказать всех пособников зла.

Когда она ушла в подполье, весь мир, которым она дорожила, сжался до размеров ее группы. Если группа одобрила какую-то акцию, значит, она справедлива и моральна. Каждый вечер, перед ужином Дитер Рольник устраивал религиозные и политические занятия в группе. Участие было обязательным для всех. Он учил их распознавать врага, который должен быть сокрушен. Врагами они считали полицейских, судей, предпринимателей, государственную власть как таковую.

— Всемирный халифат создаст общество, основанное на равенстве и справедливости, — внушал им Рольник. — Мы должны помочь приблизить этот счастливый момент. Разрушая государство, которое сеет смерть и несет миру несправедливость... Человек в форме — свинья. Он не человеческое существо. Бессмысленно разговаривать с этими людьми, применение оружия позволительно.

Дитер Рольник поручил им взять в заложники судью Юргена Конто, чтобы обменять его на товарищей по борьбе, сидевших в тюрьме. Это было справедливым делом. И до смешного легким. Они не сомневались, что, увидев оружие, старый крючкотвор струсит: эти свиньи способны быть храбрыми только у себя за судейским столом, под охраной полиции.

Но судья Конто не испугался, когда к нему подошли молодые террористы и выхватили из своих сумок автоматы, не закричал и не побежал, а попытался вырвать автомат у Фрица, который стоял рядом с ним. От неожиданности Фриц забыл, как ему следовало действовать, и только изо всех сил ухватился на приклад.

Петра в изумлении смотрела на них. Третий из террористов — Гюнтер — решил, что судья уже завладел оружием, и нажал на спусковой крючок своего автомата. Очередь в упор распорола судью Конто, и он рухнул на дорожку. На Петру словно столбняк нашел. Она смотрела на окровавленного судью и молчала. На звук выстрелов из дома выскочили какие-то люди.

Первым очнулся Фриц. Он схватил Петру за руку и потащил за собой. Подхватив оба автомата, за ними бежал Гюнтер. Машина ждала их в условленном месте. За рулем сидел Рольник. Увидев, что судьи с ними нет, а Петра в невменяемом состоянии, он просто рванул машину с места.

Богатое уголовное прошлое научило его правильной реакции. Он ничего не спрашивал до тех пор, пока они не оказались в безопасном месте — это была квартира, которой они еще ни разу не пользовались. Рольник снял ее через верного человека, чтобы держать здесь судью.

— Рассказывайте, придурки, что вы там натворили, — приказал он.

Через несколько часов по радио передали сообщение о покушении на судью Юргена Конто. Он был смертельно ранен в шею и спину, и через несколько часов скончался в больнице. У полиции не было никаких версий. Судье никто не угрожал, и с тех пор, как он вышел в отставку, ни у кого не было никаких оснований желать его смерти. К концу дня сообщение о покушении на судью Конто дополнилось информацией о розыске Петры Вагнер, судимой, подозреваемой в соучастии в убийстве.

Подумав, Рольник не так уж сильно огорчился. Он добился своего — его группа прославилась. Убийство судьи поставит Рольника в один ряд с самыми знаменитыми боевиками «Исламского сопротивления».

Единственное, чего он не знал, — что делать с Петрой. Она никак не могла прийти в себя. Он разговаривал с ней целыми днями.

— Если кто-то из заложников сопротивляется или не желает немедленно выполнять приказ, он должен быть убит, — внушал ей Рольник. — И это не имеет ничего общего с убийством, это военная необходимость, возникающая в политической борьбе. Мы ведем войну с фашистским режимом и должны считать себя солдатами. Убийство политического врага — не только необходимость, но и наш моральный долг. Именно так ты должна оценивать происшедшее.

Но он напрасно старался. Петра его слушала, но не слышала. Она не то, чтобы не принимала его аргументов или спорила с ним, она просто замкнулась в себе.

Дитер забеспокоился: ее присутствие в группе становилось разрушительным. Ему надо было как-то избавиться от Петры.

Москва. Квартира на Ломоносовском проспекте

Столица России встретила Кристи хорошей погодой и любопытными взглядами москвичей, которые с первого взгляда безошибочно распознавали в ней иностранку. Семинары шли с утра и до обеда. Вечером участ-

ниц семинара везли в театр, а до вечера Кристи была предоставлена сама себе. Она могла спать, сколько угодно, гулять и вообще делать все, что ей заблагорассудится.

В воскресенье она встала очень рано, и отправилась гулять по городу. Побывала в центре, дошла до Кремля. Ей понравился этот долгий теплый день. А вечером переводчица, которая просила называть ее просто Маша, пригласила Кристи к себе домой. За столом она оказалась рядом с пожилым журналистом, который опрокидывал рюмку за рюмкой и чувствовал себя превосходно. Он следил за тем, чтобы и бокал его соседки не пустовал. Кристи попробовала домашнюю вишневую наливку и не нашла в себе силы отказаться от терпкого напитка. Журналист был мастер произносить кавказские тосты, после которых невозможно было отказаться выпить.

Другим соседом Кристи был молодой человек лет тридцати с небольшим. Он явно любил поесть, о чем неопровержимо свидетельствовал откровенно выпирающий из пиджака животик. Молодой человек, скромно улыбаясь, взял на себя задачу накормить ее до отвала. Хозяйка особенно гордилась запеченным в духовке мясом с жареным картофелем. А когда дошло дело до десерта, Кристи была уверена, что уже ничего не сможет съесть. Но тут Маша принесла с кухни большой домашний торт и стала всех угощать. Торт Кристи тоже не могла не попробовать. Молодой человек съел кусок, с комическим ужасом посмотрел на свой округлившийся животик и потянулся за вторым куском...

Уходили они вместе, и молодой человек предложил Кристи проводить ее.

Расстались у ее гостиницы.

— Меня зовут Кристина, — сказала она. — Для друзей — просто Кристи.

— А меня зовут Алексей, — эхом отозвался он. — Для друзей — просто Леша.

На следующий день они снова встретились и зашли в кафе. Он заказал две порции шоколадного мороженого и два бокала шампанского. Налил немного шампанского в мороженое, которое запузырилось, и стал есть. Еще через день они вместе поехали в Парк культуры и отдыха. У Алексея был отпуск. Он рассказал, что работает в телекоммуникационной компании и увлекается компьютерной техникой.

Алексей понравился Кристи. Он был простым, спокойным и молчаливым парнем. Говорила она одна, а он слушал ее очень внимательно и уважительно. Так ее никто еще не слушал.

Они провели в Парке культуры целый день, крутились на чертовом колесе, катались на лодке, ели шашлыки, и когда пришло время прощаться, Алексей, краснея и смущаясь, сказал, что они могут зайти к его приятелю и выпить у него чаю. Приятель уехал отдыхать и оставил ему ключи от своей квартиры.

Они доехали на метро до станции «Университет».

— Здесь рядом здание московского университета, — объяснил Алексей.

Квартира друга оказалась трехкомнатной, с небольшим балконом, чистенькой и даже как бы не жилой.

— Приятель не женат, — сказал Алексей. — Днюет и ночует на работе.

Он снял куртку и остался в хорошо выглаженной клетчаткой рубашке, летних брюках и сандалиях. В холодильнике оказался большой запас свежей провизии и даже несколько бутылок пива. Одну он сразу откупорил. Она выпила полстакана. Пиво было холодное и вкусное. Кристи поняла, что Алексей загодя приготовился к этому визиту, и эта мысль была ей приятна.

Она отправилась в ванную, чтобы помыть руки, а Алексей тем временем принялся готовить ужин, выставил несколько бутылок пива — для себя, сок и сухое вино — для нее. В квартире нашлись даже свечи. Кристи была тронута. У них получился настоящий романтический ужин с вином и свечами.

Алексей подливал ей вина, подкладывал горячие картофелины, свежие овощи, кусочки тушеного мяса. Кристи ела мало, зато, незаметно для себя, выпила полбутылки вина. Голова приятно кружилась. Ей было необыкновенно весело и хорошо. Она смеялась, круглое лицо Алексея казалось ей необыкновенно милым, и вообще она только тогда за ужином поняла, какой он замечательный.

Уже стемнело, когда Алексей принес с кухни вскипевший чайник, чашки с золотым ободком и шоколадный торт. А потом он вдруг неожиданно поднялся, подошел к Кристи, привлек ее к себе и поцеловал прямо в губы. Она с готовностью ответила. Прекрасный вечер плавно перетек в бурную ночь, которую молодые люди провели в постели...

Утром Кристи позвонила переводчице Маше и сказала, что сегодня не пойдет на экскурсию, а сама погуляет по городу. Маша несколько не возражала. Они с Алексеем весь день провели вместе. До обеда гуляли. После обеда сидели на скамейке на набережной Москва-реки и пили пиво из одной бутылки.

— Ты уже нашла себе работу? — поинтересовался Алексей. — У вас это трудно?

— Я уверена, у меня все будет хорошо, — беззаботно ответила Кристи. — Я отправила резюме сразу в несколько государственных ведомств и в научные институты. Кто-нибудь обязательно откликнется.

— А где бы ты хотела работать? Тебе-то самой что нравится?

— Я еще сама не решила. Мне нравится научная работа, и, наверное, мое место в исследовательском институте. Но для начала мне не повредило бы провести несколько лет на государственной службе — в Министерстве иностранных дел или в ведомстве по охране Конституции.

— Ты подала заявление в ведомство по охране Конституции? Но ведь это же контрразведка! — с удивлением посмотрел на нее Алексей.

— У нас дело обстоит иначе, чем в других странах, — рассмеялась Кристи. — У нас это беззубая служба. Она не имеет права арестовывать и даже не может устраивать обыски.

Алексей не стал продолжать разговор на эту тему. Достал из сумки еще одну бутылку пива.

— Надо ее выпить, ты как?

— Я — за, — поддержала его Кристи.

Вечером они вернулись в квартиру. Алексей вспомнил, что забыл пополнить запасы провизии, и побежал за покупками. Кристи разделась и без стеснения ходила по квартире, закутавшись в простыню. Едва он вернулся и поставил сумки на кухне, как она сбросила простыню и, переступив через нее, прижалась к нему всем телом...

Спать они улеглись далеко за полночь. Алексей сразу же засопел, а Кристи долго не могла заснуть. Она была счастлива. Такой человек мог бы стать ее мужем. Правда, они граждане разных государств. Но если они поженятся, Алексей может уехать вместе с ней на Запад. Для хорошего специалиста работа найдется.

Кристи заснула в самом радужном настроении.

Москва. Районное отделение полиции

Но пробуждение было кошмарным. Рано утром в дверь забарабанили.

— Кто это может быть? — шепотом спросила Кристи.

Алексей не ответил. Его лицо стало бледным и испуганным. Он натянул брюки и пошел открывать. Стук не прекращался. Когда Алексей повернул ключ в замке, в квартиру ворвались пять человек в полицейской форме. Один из них грубо спросил у Кристи:

— Документы есть?

Она кивнула и потянулась за сумочкой. Полицейский вырвал сумочку у нее из рук и вывернул содержимое на стол. Он увидел германский паспорт и с удивлением посмотрел на Кристи. Затем брезгливо, как гремучую змею, взял паспорт и методично перелистал все до единой страницы.

— Как вы здесь оказались? — повернулся он к Кристи.

— Я пришла вместе с... — Она замолчала, не зная, как назвать Алексея. Смеет ли она считать его своим женихом?

Другой полицейский, по виду старший, уже обшарил карманы Алексея, вытащил его служебное удостоверение и присвистнул:

— Это ваша квартира?

— Товарища. Он оставил мне ключ.

— Где товарищ?

— Он в отпуске в Сочи. Но я знаю, как...

— Все ясно, — перебил его старший. — Собирайтесь оба, поедem в отделение, там разберемcя.

Ехать было совсем недалеко. Отделение полиции находилось где-то рядом со станцией метро. Там их разлучили. Алексея увели. Кристи увидела только его несчастное лицо, когда он обернулся, и Алексей исчез за поворотом.

Ее посадили в тесном коридоре и оставили под присмотром троих полицейских, которые сняли фуражки и расположились отдыхать. Они не обращали на Кристи никакого внимания.

Примерно через полчаса ее, наконец, вызвали в кабинет. Лысоватый скучный офицер в мятом мундире с двумя звездочками на погонах задал ей простые вопросы — имя, год рождения, цель приезда. Когда она подписала стандартный бланк, ее опять вывели в коридор, где ей предстояло просидеть до самого вечера. А в девять ее снова вызвали. В том же кабинете, где она уже была, вместо скучного офицера в мятой форме за большим письменным столом сидел невысокий симпатичный человек в штатском с мешками под глазами — верный признак нездорового сердца.

— Садитесь, — сказал он.

Когда она села, он нагнулся вперед и посмотрел ей в глаза:

— Госпожа фон Хассель, я вас ни о чем не буду расспрашивать. Ваш друг мне уже все рассказал. Если хотите, я вас немедленно отправлю домой. И закончим с этой историей. Мы уважаем гостей, но требуем, чтобы и гости уважали наши порядки.

Он говорил очень тихо, и Кристи ловила каждое его слово.

— Слава богу! — просияла она. — Конечно, я хочу, чтобы меня немедленно отпустили.

Он встал и распахнул дверь:

— Дежурный!

Прибежал полицейский с кобурой на боку.

— Приготовьте вещи гражданки Хассель и отвезите ее на вокзал. Сами посадите на поезд и проследите за тем, чтобы она ни с кем не вступала в контакт и никому не звонила.

— А что будет с Алексеем? — уже на пороге спросила Кристи.

— Что именно вас интересует?

— Что вы с ним сделаете?

— Он — наш гражданин, и к нему закон не будет столь же снисходителен, как к вам, иностранке.

Страх охватил Кристи.

— Его посадят? — обреченно спросила она.

— Езжайте к себе в Германию, госпожа Хассель, и забудьте этого молодого человека. Он благородно взял на себя всю вину, так что у вас никаких проблем не будет.

Кристи секунду молчала, а потом твердо проговорила:

— Я не брошу Алексея одного. Я хочу остаться с ним.

— Как вы себе это представляете? — засмеялся хозяин кабинета. — Ваша виза заканчивается, вам в любой ситуации завтра надо покинуть территорию Российской Федерации.

— Я не уеду, пока не узнаю, что ждет Алексея, — заявила Кристи и подошла к нему: — Прошу вас, выслушайте меня.

— Хорошо, — сказал он. — Садитесь. — И, отпустив дежурного, плотно закрыл дверь.

Верхний свет в кабинете так и не зажгли, за что Кристи была только признательна. Она считала, что выглядит ужасно — после всей этой истории. Сумочку с дамскими принадлежностями у нее отобрали, и она даже не могла посмотреться в зеркальце.

Хозяин кабинета попросил называть его просто Григорием Константиновичем. Кристи рассказала ему все, как на духу, со всеми подробностями и деталями. Она говорила торопливо, боясь, что следователю надоест слушать, и ее выставят. Но человек, просивший называть его запросто, по имени-отчеству, никуда не торопился. Он дал ей выговориться, потом стал расспрашивать — о родителях, о детстве, об учебе в университете, о том, почему она приехала в Россию, и что она здесь увидела.

— Вы любите Алексея? — вдруг спросил он.

— Да.

В комнате повисла тишина, и ее вдруг охватило ужасное ощущение полной безнадежности. Наконец Григорий Константинович снова заговорил:

— Мне нужно идти докладывать начальству. Вас пока что покормят.

Он вызвал дежурного, и ее отвели в буфет, где усталая официантка с кудряшками подала порцию сосисок с картофельным пюре и чашку горячего сладкого чая. Чай Кристи выпила с удовольствием и съела половину сосиски под насмешливым взглядом дежурного полицейского, который, кряхтя и причмокивая, прикончил две порции под одобрителное нашептывание пухлой официантки.

В опустевшем коридоре, глядя в выщербленную стену, Кристи ожидала решения своей судьбы почти до полуночи. Ее стало клонить в сон, и она бы, вероятно, уснула, если бы ее не растолкали и не повели в кабинет к Григорию Константиновичу.

— Я должен вам кое-кто рассказать, Кристина, — начал он. — Я не служу в полиции. Я работаю в ведомстве, которое отвечает за государственную безопасность России. Меня попросили заняться вашим делом, потому что коллеги из полиции подозрительно относятся к иностранцам или иностранкам, которые совершают что-то запрещенное, нарушают нормы общественной морали.

— Они решили, что я шпионка? — прервала его Кристи.

— Почти, — почему-то весело произнес Григорий Константинович.

Верхний свет он так и не включил, но в сон Кристи больше не клонило. Настольная лампа по-прежнему отбрасывала резкую тень на лицо следователя, который оказался не тем, за кого она его принимала.

— Наша полиция занимается только уголовными преступниками, у нее нет опыта работы с иностранцами, — продолжал Григорий Константинович.

— Надеюсь, вы меня не подозреваете в шпионаже?

— Проблема не в вас, а в Алексее, — не сразу ответил он. — Алексей не имел права не только приводить вас домой, но и вообще знакомиться с вами. Он совершил серьезный должностной проступок и должен быть наказан.

— Но почему? — взорвалась Кристи. — Неужели гражданам России запрещено любить граждан Германии?

— Алексей не простой гражданин, — покачал головой Григорий Константинович, не обращая внимания на ее вспышку. — Он в определенном смысле мой коллега. Вас он не обманывал. Алексей действительно занимается телекоммуникациями, но его структура входит в наше ведомство, поэтому на него тоже распространяются жесткие правила, принятые в нашей организации. Сами понимаете, чем это продиктовано. У вас в стране существуют такие же правила. Он обязан был сразу доложить начальству о знакомстве с гражданкой другого государства, но не сделал этого.

— Что его ждет? — устало спросила Кристи. — Насколько тяжелым считается это преступление по вашему кодексу?

Она уже все поняла. В реальном и жестоком мире их любовь стала жертвой нелепого раскола мира на Запад и Восток.

— Я очень долго разговаривал с Алексеем, и он честно признался мне, что полюбил вас, что ради вас он нарушил свой долг. Он тяжело переживает случившееся и очень огорчен, что вовлек вас в такую неприятную историю.

— Так что с ним будет? — упрямо переспросила Кристи.

— Ни-че-го, — отчеканил Григорий Константинович. — Я убедил свое начальство в том, что за любовь нельзя наказывать. Он прекрасный молодой человек, хороший специалист, которого ждет большое будущее.

— Спасибо вам! — Впервые за весь этот долгий день Кристи улыбнулась. — Я могу его увидеть? Или меня сразу же вышлют?

Григорий Константинович вытащил из лежавшей перед ним на столе картонной папки какую-то бумагу и стал ее рассматривать.

— В принципе вам разрешено остаться в Российской Федерации еще на неделю. Разумеется, если вы этого хотите. Визу вам продлят в отделе виз и регистраций московской полиции в установленном порядке, — ответил он.

Кристи вскочила на ноги с такой легкостью, что Григорий Константинович даже позавидовал ей. Ему вторая бессонная ночь давалась с трудом.

— Одна просьба, — усталым жестом остановил он ее. — Ради Алексея вам не следует никому рассказывать о том, что произошло. Протокол, составленный в полиции, я изъял.

— Я все понимаю, — серьезно сказала Кристи. — Это в моих интересах. — В ее глазах не было ни капли иронии.

Алексей ждал ее на скамейке у соседнего дома. Увидев ее, бросился ей навстречу, но вдруг остановился. Он не знает, как ему поступить, подумала Кристи и сама подбежала к нему. Он молча сжал ее в объятиях.

Всей немецкой делегации предложили остаться еще на неделю — просто на отдых — и повезли в Санкт-Петербург. А Кристи спокойно прожила эту неделю в трехкомнатной квартире приятеля Алексея на Ломоносовском проспекте, и больше их никто не беспокоил. Кристи убедилась, что Григорий Константинович сдержал свое слово. Правда, для этого у него были веские основания. Кристи сказала Алексею, что ее могут принять на работу в Федеральную службу по охране Конституции. Открывалась невероятная возможность — обзавестись агентом внутри немецкой контрразведки.

Кристи наслаждалась этими спокойными днями. Утром Алексей ходил в магазин за едой, а она что-нибудь готовила, днем гуляли в парке вокруг университета, вечером ходили в кино, а ночью занимались любовью...

На Белорусском вокзале Кристи заплакала. Расставание было безумно печальным. Она чувствовала, что Алексей не в своей тарелке, его гложут какие-то мысли. Когда они теперь смогут увидеться?

Когда поезд тронулся, она уткнулась носом в какой-то журнал, который он ей подsunул в дорогу вместе с домашними пирожками и яблоками, но читать не могла. Думала об Алексее. Другого мужчины у нее не будет, решила она. Другой и не нужен.

Германия. Кельн

Предложение поступить на службу в Федеральное ведомство по охране Конституции стало для нее приятным сюрпризом. Кристи понравилась

работа, требующая больших знаний и серьезного анализа. Ей поручили изучать связи немецких боевиков с ближневосточными террористическими организациями. Она должна была понять, кто и как помогает немецким террористам.

Почти год прошел с того момента, как они расстались на вокзале в Москве. За все это время она решилась написать ему всего три письма и от него получила два. Когда они прощались, Алексей, помявшись, предложил:

— Мы оба попали в трудное положение. У вас не любят наших, а у нас — ваших. Я тебе дам адрес моего приятеля в Австрии. Дай и ты мне чей-нибудь адрес, чтобы мы могли переписываться. Но я думаю, что пока ты не устроишься на работу, нам придется писать друг другу реже.

Первый раз Кристи написала ему через полгода после того, как ее взяли в ведомство по охране Конституции. Она не подписалась, не указала обратного адреса на конверте и бросила его в почтовый ящик, когда ездил в Бонн на совещание.

Кристи села разбирать секретные бумаги, скопившиеся в сейфе, и не-секретные, ждавшие своего часа в письменном столе. К концу дня эта работа была завершена. Это был ее последний рабочий день, она отправлялась в отпуск.

— Зимой? — удивлялись сослуживцы. — Зачем вы идете в отпуск зимой?

— Безумно люблю кататься на горных лыжах, — отвечала Кристи.

Она легко научилась лгать. Горные лыжи и зимние курорты она видела только в кино и, как все, предпочла бы взять отпуск летом. Но ей не терпелось увидеть Алексея. И ждать до лета не было сил.

Австрия. Леобен

В венском аэропорту Кристи затерялась среди множества туристов, которые действительно обожают горнолыжный спорт. Это она предложила Алексею встретиться в Австрии, когда он написал, что имеет возможность ненадолго выехать за границу.

Австрия — славное местечко для зимнего и летнего отдыха. Желающих отдохнуть привлекают скалы, ледники, фантастические горные пейзажи, старые крестьянские усадьбы, национальные костюмы, сохранившиеся с древности красочные народные обычаи и тирольские песни.

Кристи сама назвала время встречи и определила маршрут. Изучая путеводители по Австрии, думала о том, что, по существу, это первая в ее жизни самостоятельная конспиративная операция. Из Вены она отправилась в Леобен, второй по значению город федеральной земли Штирия.

Это самый зеленый район Австрии. Почти половину его площади занимают леса, еще одну четверть территории — поля, пастбища, виноградники и альпийские луга. Во времена Австро-Венгерской империи Леобен был сонной обителью пенсионеров, теперь это современный город.

Алексей Карманов сидел в холле гостиницы в большом мягком кресле. Его теплая куртка и меховая шапка лежали рядом. В руках он держал венскую газету, но не читал, а смотрел на вход. Когда Кристи открыла стеклянную дверь, он бросил газету и побежал к ней. Они обнялись. Вместе, наконец-то они вместе. Какое счастье!

Он снял номер на двоих в маленькой гостинице на окраине Леобена. Предусмотрительно заказал обед и ужин в номер, и до следующего утра они из номера не выходили. Ужин был с шампанским, и Кристи огорчилась, что Алексей тратит слишком много денег. Но он легкомысленно качнул головой. Они не виделись год, и такое событие просто необходимо отметить шампанским.

Кристи привезла ему в подарок несколько тщательно подобранных галстуков, темно-коричневый джемпер и дорогую электрическую бритву фирмы «Браун». Бритву Алексей сразу же опробовал, крутясь перед небольшим зеркалом в тесной ванной комнатке отеля. А примерить джемпер так и не успел, потому что Кристи вовсе не хотела, чтобы он одевался...

На следующее утро она вытащила Алексея на прогулку. Все было, как всегда: она рассказывала, он слушал. Только когда присели на скамейку на центральной площади города, Алексей признался:

— Я очень скучал. Мне без тебя плохо.

У Кристи на глазах выступили слезы. Она взяла его под руку и тихо, чтобы никто не слышал, сказала:

— Может быть, переедем ко мне?

— Ты знаешь, что это невозможно, — покачал он головой. — Разве я могу оставить родителей? Да и как у вас ко мне отнесутся... Представь себе, офицер госбезопасности из России переезжает в Германию. Ты работу потеряешь.

— Новую найду, — уверенно сказала Кристи.

— Да, но не такую, какая тебе нравится, — резонно возразил Алексей. — Все будут относиться к тебе подозрительно. Никто же не станет разбираться, что я всего лишь технарь и военную форму никогда не надевал.

Разговор получился грустный. Вокруг на площади было полно больших и маленьких ресторанов и кафе. Перед ресторанами на тротуарах стояли столики, и люди, раскрасневшиеся на морозе, пили глинтвейн. Блестели

высокие стеклянные стаканы с рубиновым вином. Когда двери открывались, и выбегал официант с подносом, уставленным стаканами с глинтвейном, из кабачков доносилась музыка. Пахло поджаренными сосисками, корицей и бочками — винными и пивными.

В другое время Алексей уже давно заказал бы себе пива, но сейчас он сидел на скамейке тоскливый и угрюмый.

— Хочешь, я перееду к тебе? — предложила Кристи.

— А ты смогла бы? — с надеждой посмотрел на нее Алексей.

— Да, — твердо ответила она.

— Но твои родители — что они скажут?

— Я уже взрослая, — улыбнулась Кристи.

— Тебе не поверят, — вдруг нахмурился Алексей.

— Кто?

— Наши. Решат, что ты выполняешь задание германской разведки.

— Но это же глупость! — возмутилась Кристи.

Алексей в ответ только пожал плечами.

— Что же делать? — В голосе Кристи слышалась растерянность.

— Может, пообедаем пока? — предложил Алексей.

Австрийцы оставили себе кухню тех народов, которые после Первой мировой войны с радостью покинули развалившуюся Австро-Венгерскую империю. В меню были гуляш и цыпленок в соусе, которые перешли к австрийцам от венгров. Гусь с яблоками — подарок поляков. Творожные кнедли и маковые струдели — от чехов.

Алексей выбрал венский шницель, который на самом деле родом из Византии. Ему принесли огромную тарелку с мясом, картофелем и овощами, и его настроение немного улучшилось.

— Есть у меня одна идея, — пробурчал он, пережевывая свой шницель. — Надо, чтобы наши тебе поверили. Убедились, что ты против них ничего не замышляешь, тогда они разрешат нам жить вместе. Ты переедешь, нам дадут квартиру, дачу. Тебе работу подыщут.

— А что для этого требуется? — заинтересованно спросила Кристи.

— Помнишь Григория Константиновича, который с тобой в полиции разговаривал? — внимательно посмотрел на нее Алексей.

Кристи кивнула.

— Он хороший мужик. Проникся к тебе уважением. Когда ты уехала, он мне сказал: «Повезло тебе с такой девушкой. Держись за нее». Он может нам помочь, у него авторитет — о-го-го!

— И как с ним встретиться?

— Можно к нам поехать, в Москву, — предложил Алексей. — А лучше ему позвонить, он сюда приедет.

— Значит, твой Григорий готов ради нас приехать сюда в Австрию? — переспросила Кристи. — Он хочет, чтобы я работала на вашу разведку, так? Я все правильно поняла? Скажи, Алексей?

Ее голос зазвенел, а на глазах выступили слезы. Алексей повернулся к ней, аккуратно снял ее очки и, вытерев ей глаза своим носовым платком, сказал:

— Ты самая умная женщина на свете, а такие глупости говоришь. Сама подумай, что ты ему можешь такое важное сообщить? Ты там без году неделя служишь. Дело-то в другом. Нашим нравится, когда с Запада люди переезжают в Россию. Таких людей встречают с почетом. Но наши должны быть уверены, что их не надуют.

Кристи понимала, о чем он говорит. Запад и Восток по-прежнему соревновались во всем; как и в холодную войну, предметом особой гордости были перебежчики. Но она уже не была наивной девушкой — конечно же, в Москве хотят, чтобы Кристи на них работала — и знала, что согласится. Ради Алексея. Ради будущей семьи, о которой она так долго мечтала.

Алексей позвонил в Москву и сказал, что Григорий Константинович прилетит через пару дней.

Эти два дня пролетели незаметно. Московский гость приехал рано утром и позвонил им в номер. Они встретились через час в совершенно пустом кафе. Кристи даже не сразу узнала Григория Константиновича. Хорошо одетый, пахнувший дорогой туалетной водой, он не походил на человека, который год назад допрашивал ее в тесном кабинете заместителя начальника отделения московской полиции. Он был счастлив, о чем она, разумеется, не подозревала: первая оперативная поездка за границу — подарок начальства за вербовку Кристи.

Григорий Константинович поцеловал ей руку и сел спиной к окну. Заказал всем кофе с булочками, медом, джемом и маслом.

— Чудесно выглядите, Кристи, — заметил он. — Этот год пошел вам на пользу.

— Григорий, — заговорила она напрямик, — вы знаете, где я работаю и чем занимаюсь. Вы знаете, чего я... чего мы с Алексеем хотим. У вас ведь есть какое-то предложение, иначе бы вы сюда не приехали. Изложите его.

Григорий Константинович согласно кивнул:

— Такой разговор и мне больше нравится, — кивнул Григорий Константинович и, допив кофе, аккуратно положил салфетку на стол. — Вы с Алексеем достойная молодая пара. Вам надо жить вместе, и будем рады помочь вам устроиться. Я говорю это не только от своего имени. Но наше правительство озабочено тем, что Германия ведет шпионаж против нашей страны. Среди тех людей, которые к нам приезжают, и которых мы радушно

принимаем, к сожалению, много разведчиков. И это влияет на настроения в обществе. Мы обязаны доказать правительству, что вы настоящий друг нашей страны.

— Что я должна для этого сделать? — настороженно спросила Кристи.

— Ничего, — тут же ответил Григорий Константинович. — Если можете, расскажите подробно о себе.

— Что же вас интересует? — несколько растерялась она.

— Все. Я ведь государственный служащий, я должен составить отчет и дать свои рекомендации. Мне бы очень помогло, если бы я мог вас охарактеризовать как можно подробнее.

Они проговорили до самого обеда. Наконец Григорий Константинович поднялся, подал Кристи меховую шубку и шутливо заметил: — Теперь я понимаю, почему в кафе можно провести всю жизнь. Австрийцы так, собственно, и делают. Сидят здесь целыми днями, читают газеты, беседуют. Привычка сидеть в кафе добавила к австрийскому национальному характеру несвойственную вам, немцам, восточную созерцательность. И подумать только, молодым австрийцам жизнь на родине кажется скучноватой. А почему? Потому что в Австрии все в порядке. Это страна, в которой никогда ничего не происходит. Ни забастовок, ни террористических актов, ни политических землетрясений. Здесь люди ни за что не сражаются, а просто живут. И они еще недовольны.

Григорий Константинович весело засмеялся, и они распрощались.

Вечером, ложась спать, Кристи ехидно сказала Алексею, искавшему тапочки под кроватью:

— Твой старший коллега, видно, не очень преданный сотрудник разведки, если ему так нравится жизнь в Австрии.

Она даже не подозревала, до какой степени она была права. Игорь Мокеевич Федоровский, полковник из управления нелегальной разведки, был счастлив вновь вернуться к оперативной работе. Эта поездка в Вену была первой за пятнадцать лет заграничной командировкой.

Москва. Ясенево. Служба внешней разведки

Шувалов погрузился в личное и оперативное дело Кристины фон Хассель с головой, как в океан. А когда поднял голову и посмотрел на часы, понял, что придется сделать перерыв до завтрашнего дня. Уже пробило полночь. Он сдал папки в архив, расписался и поблагодарил бдительного хранителя.

Как ни странно, его ждали. На продавленном диванчике тосковал хмурый черноусый человек с зачитанной до дыр газетой. Он вручил Шувалову номерную пластиковую карточку с фотографией:

— Ваше удостоверение. — Проводил его к выходу и жестом подозвал человека в кожаной куртке. — Он вас отвезет домой, — объяснил Шувалову.

Шувалов задремал в машине. Его мысли крутились вокруг убитых Олега Червонцева, Кристины фон Хассель, Гюнтера Валле. Почему они умерли почти одновременно?

С сожалением подумал о том, что на следующий день ему придется сделать небольшой перерыв. Неотложное личное дело, уклониться от которого не в его интересах. Но оно займет немного времени.

Подмосковье. Ресторан

Марина гордо выложила на стол пачку денег. Пачка показалась Шувалову увесистой. Тонкие, но крепкие пальчики с идеальным маникюром отсчитали двести тысяч. Она тряхнула пышной шапкой жгуче черных волос и с затаенной улыбкой через весь стол переправила пухлую пачку Каримову:

— Давай, посредник, считай, чтобы без обмана.

Алик Каримов тоже ухмыльнулся. Выкатив нижнюю челюсть и зацепив зубами черные усики, послюнявил пальцы и приступил к подсчетам. Прикладная математика давалась ему легко, и он быстро удостоверился, что все сотенные бумажки с портретом иностранного президента на месте. Побывав в его руках, пачка вернулась на свое место за обширным столом, покрытым белой хрустящей скатертью.

— Теперь ваша очередь, Виталий Александрович, — кивнула Марина Шувалову.

В ней была примесь монгольской крови, подарившей ей смуглую кожу и необузданный темперамент. Степные кочевники, не признававшие над собой ничьей власти, оставили ей в наследство загадочный взгляд черных глаз и неясную улыбку, не покидавшую ее пухлые губы. Она была очень красива. Мужчины провожали взглядом ее сильную и гибкую фигуру. А сама Марина призналась Шувалову, что обижена на родителей и природу. Ей хотелось появиться на белый свет голубоглазой блондинкой с большой грудью.

Откровенной, и то в меру, она бывала с Шуваловым лишь наедине. В присутствии Алика Каримова продолжала играть в ту игру, которая началась час назад, когда все трое встретились в придорожном ресторане, принадлежавшем Марине. Ни Марина, ни Шувалов не подозревали, что увидят друг друга.

Шувалов продавал дом с участком в хорошем дачном месте, Каримов обещал найти покупателя. И нашел. В лице Марины, с которой у Шувалова

четыре месяца назад завязался тайный роман. Она предложила встретиться в ресторане, чтобы передать аванс.

Марина обиделась на Шувалова: зачем ему посредник? Почему не счел нужным рассказать ей, что продает дом? А Шувалов злился на Каримова, который не предупредил его, кто именно покупает дом. Не хотел мешать дела с любовными отношениями. Каримов же считал, что Шувалов просто обязан был поведать о своем новом увлечении.

Марина смуглой рукой вторично показала Шувалову на деньги:

— Не изволите ли пересчитать, сударь мой?

Тот покачал головой и столь же преувеличенно любезно ответил:

— Я вам доверяю, мадам.

— Ха, он мне доверяет! — Марина подмигнула Алику Каримову: — Что же ты меня заранее не предупредил? Я бы по-другому считала. В свою пользу.

— Как не предупредил, Марина Олеговна? — хмыкнул Каримов. — Сразу сказал — с хорошим человеком познакомлю. Сделка — чепуха. Обещал: друзьями станете. Я же не знал, что вы уже друзья. И близкие...

Когда-то юный Алик приехал в город в кузове грузовика, груженого мешками с картошкой. Он вырос в далекой Средней Азии, а после школы отправился поступать в институт. Сел на поезд, да по пути отстал и добирался на попутках. Он прожил в столице почти всю жизнь, но все равно говорил с легким акцентом, нисколько ему не мешавшим. Ему вообще ничто не мешало. Он легко сходилась с людьми и владел искусством дружбы. Это ему принадлежала крылатая фраза: «Если работа мешает дружбе, брось работу».

Он вооружился узенькими очками, вытащил из портфеля сколотые медной скрепкой бумаги и вопросительно покосился сначала на Шувалова, затем на Марину:

— Сделку считаем свершившейся? Недовольных нет?

Оба кивнули.

— Тут все — свидетельство о владении, бумага из регистрационной палаты, — передал он бумаги Марине. — Поздравляю с выгодной покупкой, Марина Олеговна. Основную сумму отдадите завтра, как договорились. Верно?

Она кивнула и углубилась в изучение бумаг, украшенных разнообразными печатями.

— Сомневаетесь, Марина Олеговна? — с деланной обидой в голосе спросил Каримов. — Мне не доверяете?

— Не говори глупостей, Алик. Но я бы и копейки не заработала, если бы не имела привычки все бумаги читать, подписи и печати проверять.

— Надежные люди делали, не беспокойтесь, — смягчился Каримов. — Тут у вас глава районной администрации просил тестю операцию сделать — аденому убрать. Ну, и в знак благодарности все быстренько оформил...

Алик Каримов второй год служил заместителем министра здравоохранения. Насколько хорошим врачом был он сам — на этот счет существовали разные мнения. Со стетоскопом в руке его видели только одноклассники. Зато он был славный «орговик», как говаривал в институтские годы секретарь комитета комсомола. Каримову не было равных в умении найти нужного специалиста, устроить в больницу или организовать операцию.

Заместителем министра он стал после того, как избавил дочку премьер-министра от редкой болезни. С присущей ему настойчивостью он отыскал нужных врачей в Англии и доставил их в Москву. После месячного курса интенсивной терапии дочка главы правительства встала на горные лыжи, а Каримов занял второй по значению кабинет в своем министерстве. В Белом доме считался человеком с перспективой.

Шувалов поднялся.

— Ты куда? — удивился Каримов.

— В туалет.

— Давай быстрее, сделку еще обмыть надо.

— Всем выпивка за мой счет, — махнула рукой Марина.

— Выпивкой хочет отделаться, понимает, что без закуски много не выпьем, — возмутился Каримов. — Да мне как посреднику десять процентов от суммы причитается! Забыли?

— Пожалуйста, я же тебе сразу сказал, что любой процент твой, — остановившись, недовольно посмотрел на него Шувалов.

— Шуток не понимает, — так же ернически продолжал Каримов. — Какие деньги? Дружба важнее.

Дружба у них была странная. Два года назад Каримову — он еще не был заместителем министра — понадобилась серьезная помощь в весьма деликатном деле. Шувалов оказал ему услугу, что считал совершенно естественным. Но Каримов никогда не пропускал мимо полезного человека, налаживал отношения.

А с Мариной Шувалов познакомился на новогодней вечеринке у друзей. В ярко красном платье с высоким разрезом на бедре она лихо отплясывала возле елки. Он был захвачен ее темпераментом и, воспользовавшись паузой, тоже пригласил ее танцевать, но опоздал! Она уже уходила. На следующий день он приехал в ее ресторан и, проявив настойчивость, не ушел, пока не был вознагражден ее вниманием.

Марина оказалась на редкость откровенной. Призналась, что мужчины не способны увлечь ее надолго, но она готова попробовать еще раз...

В тесной туалетной кабинке стоял неискоренимый запах дешевого мыла. Вымыв руки, Шувалов посмотрел на себя в зеркало. Картина ему не

понравилась. Морщины. Седина. Глаза грустные. Все-таки уже староват. Потому он и не заговаривал с Мариной о возможности совместной жизни.

Бросив использованное бумажное полотенце в корзину, он вернулся в зал и остановился как вкопанный. То, что он увидел, ему совсем не понравилось.

Марина не успела насладиться удачной покупкой. Украшенные гербовыми печатями бумаги, которые она старательно изучала, разлетелись по полу, залитому кровью. Марина не сумела сохранить нечто более важное — собственную жизнь. Ее горло было перерезано от уха до уха. Удар по горлу был таким сильным, что голова почти отделилась от туловища. Наверное, кровь из горла хлестала фонтаном, потому что стены ресторана, выдержанные в бледно-голубых тонах, стали багровыми.

Алик Каримов, предвкушавший обед с обильной выпивкой, партию в преферанс и поездку в баню, пытался спастись. В момент нападения он находился у стойки, где наливал себе первую в этот день рюмку «белой». Увидев, что произошло с Мариной, Алик бросился к окну, но нападавший действовал быстрее. Кухонным ножом, взятым со стойки, ударил Каримова в спину и перебил ему позвоночник. Длинный нож вошел в тело по самую ручку.

Каримов лежал лицом вниз, но Шувалов понял, что искать пульс бессмысленно. Бедному Алику не помогла бы вся подведомственная ему медицина. После такого удара не выживают. Он поднял голову и увидел того, кто все это сотворил. Приземистый мужчина в тонком спортивном костюме стоял у дверей. Необыкновенно густые волосы, брови, темная щетина на щеках... В левой руке он сжимал пачку денег — ими Марина расплатилась за домик и участок земли, не подозревая, что ей не суждено ими воспользоваться.

Увидев Шувалова, человек в спортивном костюме повернулся к нему. Несколько секунд они, стоя в противоположных концах зала, смотрели друг на друга. Не сводя с убийцы глаз, Шувалов правой рукой нащупал на стойке бара что-то, показавшееся ему оружием. Но убийцу он, видимо, не интересовал, тот напряженно прислушивался к тому, что происходило на улице, а затем, распахнув дверь, выскользнул из ресторана. Шувалов подбежал к окну, чтобы выпрыгнуть и перехватить убийцу, прежде чем он исчезнет. Но это сделали без него.

Две полицейские машины резко затормозили у кафе. Высыпавшие из машин стражи порядка были в бронежилетах с короткоствольными автоматами.

Мужчина в спортивном костюме развернулся и бросился к мрачно темневшему лесу. Он бежал по раскисшей глине так же легко, как спортсмен-разрядник по гаревой дорожке. На любом спортивном состязании он одержал бы победу над своими соперниками-профессионалами.

Но полицейские и не собирались с ним состязаться. Один из них отдал приказ. Второй остановился, тщательно прицелился, и короткая автоматная очередь поставила точку в этом состязании.

Получив в спину пригоршню свинца, мужчина в спортивном костюме пробежал еще несколько шагов. Полицейские смотрели на него, как зачарованные. Автоматчик снова прицелился — и мужчина в спортивном костюме, рухнув на мокрую глину, покатился в канаву.

Старший что-то коротко скомандовал, и четверо полицейских, закинув автоматы за спину, полезли за трупом. Действовали они на удивление слаженно и умело. Шувалов порадовался за областных стражей порядка, добившихся такого успеха в боевой подготовке. Он только не понял, зачем полицейский, подняв автомат, еще раз выстрелил уже мертвому убийце в голову...

Но все это его уже не касалось, потому что старший из стражей порядка повернулся в сторону ресторана и заметил в окне Шувалова. Они встретились глазами. Ничего хорошего лицо старшего полицейской группы не обещало.

Шувалов предусмотрительно вытащил из куртки паспорт и положил перед собой на столе. Двое полицейских ворвались в кафе с автоматами наперевес, оба были с офицерскими погонами.

— Встать! Лицом к стене! — с порога закричал старший и скомандовал напарнику: — Соколов! Обыщи его!

Чьи-то руки грубо, но сноровисто ощупали Шувалова от подмышек до лодыжек.

— Ты кто, и что здесь делаешь? — спросил старший, на левой щеке которого «красовались» два продольных шрама.

У Шувалова был соблазн ответить, что его знает президент страны. Но он воздержался и лишь коротко ответил:

— Паспорт на столе.

— Повернись! — скомандовал старший.

Теперь Шувалов увидел обоих.

Молодой блондин с погонами старшего лейтенанта взял паспорт и быстро его перелистал. Глядя на старшего, покачал головой.

— Сходи к машине, позвони — пусть проверят, — распорядился тот и подошел вплотную к Шувалову: — Так кто ты такой и как здесь оказался?

Когда Шувалов несколькими фразами пересказал все, чему был свидетелем, лицо со шрамами презрительно скривилось:

— Что-то мне не нравится твоя история. Повтори ее еще разок, а я послушаю.

Он вновь рассказал, как приехал оформить продажу земельного участка, который достался ему в наследство. Пояснил, что в момент появления в кафе человека в спортивном костюме находился в туалете и при двойном убийстве не присутствовал.

— А я думаю, дело было иначе, — уверенно произнес майор. Его темные глаза по-прежнему смотрели мрачно и подозрительно. — Он не убил тебя только по одной причине — он тебя знал. Может, вы вместе работали, а? Подельники? Давай, признавайся. Кто он тебе? Друг? Родственник? Сослуживец? Говори!

Майор железной рукой схватил Шувалова за ворот, и он вдруг понял, что полицейская форма на этих ребятах не более, чем маскировка. Умению вести допрос, давить допрашиваемого взглядом учили не в полиции, а на курсах спецназа Главного разведывательного управления генерального штаба, где Шувалов в свое время вел семинар.

Дверь кафе хлопнула, и появился капитан, застреливший человека в спортивном костюме. Он находился в прекрасном расположении духа.

— Ни документов, ни вещей не обнаружено, — доложил он майору. — Только доллары в правом кармане спортивных брюк. Неплохая сумма, — и показал хорошо знакомую Шувалову пачку, завернутую в прозрачный целлофан.

— Доллары держи у себя, — кивнул майор.

Пачка исчезла.

— Вообще-то это деньги мои. Знаете хорошее выражение: не берите от жизни все, можете не донести, — позволил себе неуместное замечание Шувалов.

Майор, развернувшись, ребром ладони ударил его по горлу так, что он на некоторое время утратил способность вдыхать воздух.

— Ну что за козел, — искренне пожаловался майор своему подчиненному, — когда надо говорить — молчит, когда надо молчать — начинает болтать. Знаешь, чего ему не хватает, Мельник? Хорошего воспитания. Сразу видно, что «пиджак». В армии небось и не служил. Объясни ему, как следует отвечать на мои вопросы.

Капитан Мельник стащил с плеча автомат. Но в этот момент у самого кафе закрипели тормоза, и тесное помещение наполнилось множеством людей в форме и без формы, но весьма начальственного вида. Появление новых участников этой истории спасло Шувалова от обучения хорошим манерам.

— Майор Осадчий!

Властности в голосе человека в хорошо сшитом кожаном пальто хватило бы на троих, но старший группы даже не сделал попытку вытянуться, показывая всем своим видом, что начальник из другого ведомства ему не начальник.

— Это кто? — поинтересовался обладатель кожаного пальто, указывая на Шувалова. — Свидетель или соучастник?

Шувалов мог бы поклясться, что они хорошо знакомы. Но бывают времена, когда старые знакомые, особенно если они в кожаном пальто и в окружении подчиненных, предпочитают тебя не узнавать.

Подмосковье. Межрайонная прокуратура

Изнутри прокуратура напомнила Шувалову районную библиотеку в день субботника. Пухлые дела вылезали из древних шкафов, как тесто из квашни. Прямо на полу громоздились «монбланы» пожелтевших бумаг.

Табличка на двери гласила, что хозяину кабинета доверен высокий пост межрайонного прокурора. Но занявший тесный кабинет лысоватый человек явно таковым не являлся. Он плюхнулся на скрипучее кресло и, озабоченно порывшись в ящиках обшарпанного стола, недовольно буркнул:

— Ни фига у него нет. Как работает, чем он тут занимается?

Сняв трубку, он попросил какого-то Андрюшу «не в службу, а в дружбу» раздобыть чистые бланки. Виновато объяснил, почему отрывает хорошего человека от важных дел:

— Я же должен показания снять и протокол оформить.

Минут пять, пока несли бланки, он возился с форточкой, побагровел от непривычного физического напряжения, но не справился. Видно, когда окно красили, форточку забыли открыть, и она прилипла намертво. Раскрыв чистенький протокол допроса, временный хозяин прокурорского кабинета представился:

— Горинович Владислав Эдуардович, старший помощник начальника отдела.

Любопытный от рождения Шувалов поинтересовался, какого именно отдела, но Владислав Эдуардович пропустил вопрос мимо ушей. Он хладнокровно и ничему, в отличие от майора Осадчего, не удивляясь, записал подробный рассказ Шувалова. Почерк у старшего помощника был превосходный, да и слог неплохой. Прочитав протокол, Шувалов безмолвно начертил на каждой странице: «С моих слов записано верно» — и расписался.

Горинович с видом хорошо поработавшего человека упрятал протокол допроса в папку. Встал, собираясь прогуляться по кабинету, но, сделав два шага, уткнулся в книжный шкаф со стеклянными полками. Книг в шкафу не наблюдалось. На нижней полке валялся выцветший членский билет областного общества рыболовов-любителей и набор крючков. Он двинулся в другую сторону и споткнулся о стул, на котором стоял электрический чайник.

Оставив попытку размяться, Владислав Эдуардович вернулся за стол и провел бесплатный сеанс воспитательной работы со свидетелем:

— В иной ситуации я бы вас отправил в следственный изолятор. А как иначе? Обстоятельства совершения тяжкого преступления не ясны, ваша роль вызывает оправданные подозрения. Так что я в интересах следствия считал бы полезным временно ограничить вашу свободу. Но поскольку личность ваша установлена, принято иное решение. Ввиду смерти главного подозреваемого, могу предположить, что расследование двойного убийства в кафе будет прекращено. Для производства дальнейших следственных действий вы едва ли понадобится, раз таковых не предвидится. Так что я вас отпускаю. Но, прежде чем вы уйдете... — На столе появился еще один чистый бланк. — Подпишите здесь.

— Что это? — спросил Шувалов.

— Обязательство не разглашать то, что вам известно по этому делу.

— А зачем?

Горинович, не ожидавший столь наивного вопроса, только руками развел. Шувалов расписался и задал следующий вопрос:

— Вы уже выяснили, кто убийца?

Временный хозяин кабинета ограничился тем, что отрицательно качнул головой.

— Но вы, по крайней мере, объясните мне, почему на расследование убийства приезжает заместитель директора ФСБ, а на преступника охотится спецназ Главного разведуправления генштаба, зачем-то переодетый в полицейскую форму?

Лицо Владислава Эдуардовича дернулось. Он вырвал подписанный бланк из руки Шувалова, спрятал в ту же папку, где уже покоился протокол допроса, и ответил:

— Не задавайте лишних вопросов. За вас поручилось известное и нам, и вам высокопоставленное лицо, поэтому мы вас отпускаем. Но имейте в виду, что ваше неправильное поведение может изменить решение моего руководства относительно меры пресечения. Решительно изменить.

Шувалов встал и с нескрываемым удовольствием размял плечи.

— Последний вопрос. Как мне получить назад деньги, которые мне заплатила хозяйка ресторана за земельный участок? Они лежали на столе. Их забрал убийца.

— Судя по протоколу осмотра места происшествия, — наставительно заметил Горинович, — денег обнаружено не было. Так что я просто не понимаю, о чем вы говорите.

— А как я могу найти майора Осадчего?

— Здесь не справочное бюро, — буркнул Владислав Эдуардович.

Шувалов лишился не только денег, но и теплой куртки, видимо, оставшейся в ресторане. Но попутную машину удалось остановить почти сразу, и молодой водитель довез его до дома, ни о чем не спрашивая.

Москва. Институт

Шувалов разделся и встал под горячий душ. Он никак не мог согреться. В махровом халате, подаренном Мариной по случаю Дня защитника отечества, пошел на кухню, заварил зеленый чай.

Произвел нехитрую калькуляцию. В графу «убытки» занес смерть Марины, с которой он намеревался связать судьбу. Остальные потери — куртка, деньги и земельный участок с домиком, который достанется каким-то наследникам убитой Марины, — особого значения не имели. В графу «прибыль» можно было записать чудесное избавление от смерти, которая внезапно настигла любимую женщину и старого приятеля.

Баланс был явно в пользу Шувалова, хотя утрату Марины он в полной мере еще не осознал. Он вернулся в ванную и тщательно побрился. Интуиция подсказывала ему, что утренняя история будет иметь продолжение. Пока брился, скептически рассматривал свою физиономию в зеркале. Волосы седые. Еще недавно говорили «соль с перцем». Но за последние год-два «перец» выщипал какой-то любитель остренького, осталась одна «соль».

Он понимал, что должен набрать номер Лизы Каримовой, но тянул время. Она позвонила первой.

— Я все знаю, — безжизненным голосом произнесла Лиза. — Меня возили в морг, потом в прокуратуру. Ты в состоянии приехать?

— Где ты? — только и спросил Шувалов.

— В институте.

Институт располагался у черта на куличках, в противоположном конце города. Но в субботу вечером пробок не было, и Шувалов доехал быстро.

Институт образовали два года назад. Когда Каримов стал заместителем министра, нового директора так и не назначили. Алик чужака не хотел. А, может, придерживал место для себя. Министерская должность — штука ненадежная и, в любом случае, временная.

Обязанности директора исполняла и заправляла всеми делами Лиза Каримова. Избавить ее от приставки и.о. было не под силу даже ее оборотистому мужу. Лиза докторской диссертации не защитила, поленилась, а поставить во главе научно-исследовательского института кандидата наук — нарваться на скандал. Каримов часто жаловался, что ученые — народ склочный, руководить ими трудно.

Шувалов побывал в институте, когда Лиза отмечала назначение. Институт, обнесенный высоким забором, и тогда хорошо охранялся. Но сейчас на воротах стояли не равнодушные увальни из частного охранного бюро, а хмурые парни в камуфляжной форме с автоматами. Шувалов таких уже видел. Не далее, как утром, когда его самого держали на мушке.

Он опустил стекло. Перед ним появилась мощная рука в перчатке:

— Документы!

Шувалов показал паспорт, побывавший сегодня уже во многих руках. Охранник отошел в сторону и пролистал документ, время от времени поглядывая на Шувалова. Автомат по-прежнему был направлен в сторону позднего гостя. Дойдя до последней страницы, протянул паспорт Шувалову, но его рука неожиданно замерла. Охранник сделал шаг в сторону, прижал к уху заверещавший наушник и тут же велел Шувалову:

— Убери машину!

— Куда? — не понял тот.

— Я сказал, убери! — рявкнул охранник, его рука легла на автомат. — Быстро отгони вправо! Прижмись к тротуару!

Шувалов включил двигатель и медленно отъехал в сторону. Что здесь происходит?

Из ворот института на полной скорости вырвался джип. Все стекла были опущены, и видны были лица в темных очках, надетых отнюдь не по причине слабого зрения. Вслед за джипом выкатился черный лимузин, на повороте водитель слегка затормозил, и Шувалов увидел на заднем сиденье известный всей стране чеканный профиль нового министра обороны. За министерским лимузином следовал еще один автомобиль выездной охраны.

Стоявший возле Шувалова автоматчик вытянулся и отдал министру честь. Похоже, он испытал гордость, приветствуя национального героя. Когда кавалькада исчезла, он вновь прислушался к своему наушнику и пересказал поступивший приказ Шувалову:

— Оставьте машину здесь и идите пешком.

— А въехать нельзя? — на всякий случай поинтересовался Шувалов.

— Институт закрыт для въезда автомашин, — отрезал охранник.

В каменной будке возле ворот еще раз проверили документы Шувалова и велели все вытащить из карманов. Возмущаться досмотром сил уже не осталось.

Лиза сидела одна в огромном кабинете с зашторенными окнами. Она забралась в черное кожаное кресло с ногами и выключила верхний свет. Шувалов сразу понял почему: глаза заплаканные, лицо не накраслено. Впрочем, голубоглазая блондинка Лиза Каримова все еще могла смело обходиться без косметики.

— У тебя были высокие гости? — спросил он, не зная, с чего начать разговор.

— Гости? — недоумевающе переспросила Лиза. — Какие могут быть гости? Сегодня же суббота. Я в институте одна.

Она поднялась навстречу Шувалову, сделала несколько шагов и зарыдала. Он подхватил ее и крепко прижал к себе.

— Какая чудовищная история, — прошептала Лиза. — Алик уехал рано, сказал, что у него важная встреча за городом, потом обед с министром. Обещал, что вечером пойдем на премьеру в театр. Я уже стала одеваться, когда позвонили из прокуратуры и... — Она вновь зарыдала: — Боже мой, как все это могло произойти?! В прокуратуре не смогли ответить ни на один мой вопрос. Расскажи мне ты, ты же все видел своими глазами, — попросила она, опускаясь на диван.

Меньше всего Шувалов хотел рассказывать ей, как именно это произошло. Ресторан, окрашенный в багровые тона кровью Марины... Каримов с загнанным в него ножом по самую рукоятку...

— Я же не видел, как его убили, именно в этот момент я, как назло, вышел помыть руки. Если бы я остался...

— Не говори так, — оборвала его Лиза. — Не гневи судьбу. Слава богу, что ты вышел. — Она помолчала немного, потом тихо прошептала: — Кто его... их убил?

— Не знаю, — покачал головой Шувалов. — Убийца был без документов, без вещей. Станный тип. Я бы назвал его сумасшедшим, но он схватил со стола пачку денег и пытался с ней убежать. Значит, был не таким уж безумным.

Лиза опять начала рыдать:

— Господи, неужели из-за каких-то жалких денег...

Конечно, на улицах города убить могли и за копейку, но у Шувалова была другая версия.

— Мне кажется, он убежал.

— От кого?

— Никто мне так и не ответил на вопрос, почему возле ресторана появился спецназ. Они приехали туда не случайно. Они же не знали, что там произойдет двойное убийство. Есть только одно объяснение — они гнались за ним и настигли возле ресторана. Если бы поторопились, и Алик, и Марина остались бы живы.

— Так кто же он такой?

— Это какая-то загадка. Ответ надо искать у тех, кто послал спецназ, переодетый для маскировки в полицейскую форму.

— Для маскировки? — переспросила Лиза.

— Не могли же они ездить по городу и области в военной форме с оружием и стрелять. Преследовать преступников имеет право только полиция. Но кто-то им это разрешил, кто-то выдал машины и обмундирование. — «Очень странная история, подумал Шувалов, но для Лизы имеет значение только то, что она потеряла мужа. Все остальное — чьи-то ведомственные игры». — Зачем ты сидишь здесь? — спросил он. — Поезжай домой.

— Мне страшно, — призналась Лиза. — Я не представляю себе, как вернусь домой, включу свет, войду в комнату, а его нет. Повсюду его вещи, фотографии, его безделушки, коллекции — а его самого нет. — Она в отчаянии помотала головой: — Я не выдержу!

Это Шувалов понимал. Сам пережил нечто подобное.

— Тебе не у кого временно пожить, хотя бы неделю-другую, пока ты придешь в себя? Близкие родственники, надежные подружки?

— Что я, к старикам поеду? Упаси господь! Я не выдержу их разговоров. У родителей мне еще хуже станет.

— Совсем наоборот, их разговоры тебя отвлекут, — убеждал ее Шувалов. — Годится любой вариант, лишь бы не оставаться одной в квартире. Давай, я тебя отвезу домой, помогу быстро собрать самые необходимые вещи и доставлю к родителям, — предложил он.

— Может, ты останешься у меня? — провела рукой по его щеке Лиза.

Как он мечтал когда-то услышать эти слова!

С тех самых пор, как влюбился в нее на школьном выпускном вечере. Их бурный роман продолжался ровно полгода. Потом Лиза остыла к нему и переключилась на кого-то другого. Началась длинная череда ее влюбленностей, закончившаяся браком с Каримовым. Прошло уже четверть века с того времени, а оказалось, что достаточно одного ее слова, и он снова готов бежать за ней. Хотя это чистой воды безумие. Безумие, о котором нельзя даже мечтать!

Телефонный звонок избавил Шувалова от необходимости отвечать на ее вопрос. Звонила «вертушка», аппарат правительственной связи, установленный в институте, который вел важную тематику оборонного значения. Он восхищенно смотрел на нее, пока она говорила в трубку:

— Да... Конечно... Хорошо... — Затем искоса посмотрела на Шувалова и добавила: — Здесь... Могу... Хорошо...

Он понял, что сегодня вечером его услуги не понадобятся, и поднялся:

— Я пойду. Позвони, когда я тебе буду нужен.

В вестибюле почему-то включили свет. Неужели ради него? Какая честь! А для кого еще? Коридоры пустые, все окна темные. Похоже, в институте Лиза и в самом деле была одна. Но к кому же, в таком случае, наведывался в этот субботний вечер новый министр обороны? Наверное, у военных есть здесь секретный отдел, к которому Лиза не имеет отношения.

Но если в институте царил тишина, то в будке охраны творилось что-то невообразимое. Там набился целый взвод вооруженных людей, которые неодобрительно смотрели на Шувалова. Он забрал свой паспорт и вышел за ворота.

Вместо одного автоматчика на улице собралось человек десять. Один из них, озабоченно поглядывая на часы, приказал ему:

— Отъезжайте быстрее!

Не успел Шувалов завести двигатель, как у заблаговременно открытых институтских ворот появились машины сопровождения, а за ними черный лимузин. Кавалькада влетела во двор, и ворота закрылись. За ними остались только две полицейские машины с включенными проблесковыми «маячками», их дело расчищать дорогу, больше им ничего знать не положено.

Теперь можно было ехать, и через пару секунд автомобиль Шувалова растворился в темноте. С такой охраной в стране ездят всего несколько человек. Кто же из них навещал вечером Лизу и с какой целью? И что заставляет высших чиновников государства совершать паломничество в скромный научно-исследовательский институт?

Но поразмышлять на эту тему ему помешал звонок сотового телефона.

— Виташа! — раздался голос одного из руководителей Федеральной службы безопасности.

Прижав трубку к уху, Шувалов невольно усмехнулся: давно же он не слышал этот голос с бархатными интонациями. В студенческие годы Валерка Лебедев признавался, что подумывал, не поступить ли в театральный? От его голоса с ума сходили женщины любого возраста и социального положения. Но все же выбрал другой вуз и другую стезю. И не промахнулся.

Видно, медведь в лесу сдох, подумал Шувалов, если Валерка Лебедев, самый занятой человек на земле, решил уделить ему малую толику своего внимания.

— Виташа, — непринужденно продолжал Лебедев так, словно они только вчера расстались, — почему старых друзей избегаешь? Отчего не звонишь? Не заходишь? Не надо отрываться... Старые друзья тоже могут пригодиться.

— Для какого же дела тебе может пригодиться старый друг? — предпочел уточнить Шувалов.

— Не ты мне, а я тебе! — хохотнул Лебедев. — Но по телефону не имею права, сам понимаешь. Ты — единственный свидетель по делу о двойном убийстве в ресторане.

— Я уже все рассказал...

Голос на том конце провода поскукнел:

— Ну, ты что, хочешь, чтобы тебя официально вызвали на допрос? Чтобы повестку прислали? Могу это устроить и даже полицейского в форме к тебе домой прислать... А не хочешь, так сам приезжай к трем часам. Я пообедаю, и поговорим по душам.

— Приеду, — буркнул в трубку Шувалов.

Москва. Лубянская площадь

Страна менялась, а на Лубянке все было по-прежнему.

Массивный человек, плотно упакованный в черный костюм, распахнул двери своего кабинета ровно в три часа. Помощник вытянулся, ожидая указаний, но Лебедев, не обращая на него внимания, сделал Шувалову приглашающий жест:

— Прошу, Виталий Александрович.

— Точны, как король, Валерий Сергеевич, — в тон ему ответил Шувалов.

Лебедев тоже не знал о его разговоре с президентом. Значит, это должно оставаться тайной.

Уже в кабинете Лебедев добродушно хлопнул его по плечу:

— Не ершись, Виташа! Ты же не чужой человек. Ты один из нас, поэтому помогай. — И с интересом посмотрел на Шувалова: — Если учесть то, что я о тебе слышал, выглядишь неплохо. Наверное, спортом занимаешься, на ночь не ешь, водки не пьешь, а? Только седой совсем.

— Давай, Валерка, говори, зачем я тебе понадобился, — не поддержал тот светской беседы.

— Ты даже не подозреваешь, что только за право войти в мой кабинет, просто войти, большие деньги платят, — рассмеялся Лебедев. — Раз

у меня побывал, значит, к власти приближен, может решать вопросы, от него не отмахнешься... А ты своего счастья не ценишь.

— Вот это ты точно заметил, — посмотрел прямо ему в глаза Шувалов.

Веселость слетела с лица Лебедева. Он указал Шувалову место напротив себя, а сам пошел к сейфу и достал оттуда тоненькую папку, после чего уверенно расположился в кресле.

— Позволь вопрос, — не выдержал Шувалов. — Прямо в день убийства меня допрашивал прокурор. Он сказал, что я больше не понадобится.

— Поясняю, — кивнул Лебедев. — Горинович хотел прекратить дело о двойном убийстве в ресторане в связи со смертью подозреваемого. Превысил свои полномочия. Дело должно быть расследовано досконально. Мы поправили военную прокуратуру.

— Тогда еще один вопрос, — улыбнулся Шувалов. — Речь идет об обычном уголовном преступлении. Почему же ты интересуешься этим делом? При чем тут Федеральная служба безопасности?

Вопрос Лебедеву не понравился. Да и вообще очень немногие имели право задавать ему вопросы. Но ответ Шувалов все-таки получил:

— Убит заместитель министра. Думаешь, это каждый день происходит? Смерть федерального чиновника такого уровня — достаточное основание для нашей работы. Президенту пришлось докладывать.

Лебедев заставил его еще раз пересказать всю историю, особенно заинтересовался эпизодом с майором Осадчим.

— И что за история у тебя произошла с деньгами?

— Они исчезли.

— Майор Осадчий забрал? Ты не крути, скажи, как было.

— Я знаю одно, — стоял на своем Шувалов. — Убийца схватил деньги и убежал с ними на улицу.

— Зачем покрываешь этого Осадчего? Все еще помнишь разговоры об офицерском братстве? — по-дружески упрекнул его Лебедев. — Если хочешь знать, Осадчий опозорил свою офицерскую честь. Он же совершеннейший бандит. Да еще и вор, оказывается. С него давно пора содрать погоны, ему место на скамье подсудимых. С твоей помощью можно прекратить его «художества» раньше, чем он кого-нибудь убьет.

Шувалов выслушал эту тираду с некоторым удивлением.

— Если вы тут, в ФСБ, считаете его бандитом и вором, почему же он продолжает службу в Главном разведывательном управлении генштаба?

— Так мне и нужна твоя помощь, чтобы его посадить, — признался Лебедев. — Доказательства надо собрать. Свидетельские показания. Ты же знаешь, как с армейскими непросто. Тем более, когда назначен новый

министр обороны — национальный герой. На него в вооруженных силах молятся. Сейчас военная контрразведка в трудном положении, к армейским не подберешься.

Шувалов промолчал, и Лебедев зашел с другой стороны:

— Двести тысяч долларов — большие деньги. Очень большие. Для нас с тобой, живущих исключительно на зарплату. Не хочешь говорить об Осадчем, твое дело. Но ты тем самым отказываешься и от денег. Я-то тебя знаю, но у следствия, между прочим, могут возникнуть сомнения. Вцепятся в тебя, начнут трясти, копать в грязном белье. Приятного мало. Не думал о таком повороте, а, Виташа?

— А где, кстати, я могу найти Осадчего? — поинтересовался Шувалов, вставая.

— Выдавать место службы военнослужащего не имею права, — отрезал Лебедев. — Это секрет. Вот если бы ты пошел нам навстречу, тогда...

Москва. Больница «Скорой помощи»

Телефонный звонок Лизы застиг Шувалова в дверях.

— Когда ты приедешь? — спросила она.

Он не ответил, вместо этого задал встречный вопрос, возникший буквально по наитию:

— Ты случайно не знаешь человека по фамилии Осадчий? Он военный, майор.

Ответ был неожиданным:

— Знаю. Грубиян, но занятный. Он несколько раз приезжал в институт вместе с одним важным посетителем.

Шувалов уже понял, кого мог сопровождать майор Осадчий и его команда.

— Попытался за мной ухаживать, — продолжала Лиза. — Представляешь себе? Такая гора мускулов, глаза черные, пугающие. Приглашал в свой любимый грузинский ресторан. Сказал, что обедает там каждый день. Шашлыки — лучшие в городе.

Майор Осадчий, и в самом деле, с двух до трех принимал пищу в любимом грузинском ресторане. Машина у него была казенная с форсированным двигателем. Пока майор утолял голод, водитель в камуфляжной форме, откинув переднее сиденье, прилег, закурил и уставился на экран переносного телевизора.

Шувалов встал за углом. Он не знал, сколько ему придется ждать Осадчего, но рассчитывал на умеренность в еде заботившегося о своей фигуре майора. Когда Осадчий появился в дверях, он тут же двинулся ему навстречу:

— Осадчий!

Тот повернулся и, увидев Шувалова, искренне удивился:

— Ты еще жив?

— А кому я нужен мертвый?

— Спроси себя иначе, — презрительно скривил губы Осадчий, — кому ты нужен живой?

— Я тебя, майор, не понимаю, — негромко произнес Шувалов. — Ты же знаешь, что я к убийству в ресторане отношения не имею. Почему ты меня так ненавидишь?

— Слишком много чести, чтобы я тебя ненавидел. — Осадчий плюнул и пошел к машине.

— Майор! — окликнул его Шувалов. — Деньги-то верни. Мои двести тысяч. Они не ворованные. Я дом продал.

Осадчий, не оборачиваясь, процедил:

— Я из-за твоей банды человека потерял, — не оборачиваясь, процедил Осадчий. — Деньги его родителям отдам, когда к ним в деревню поеду.

— Я не знаю, о какой банде ты говоришь, но я в ней не состою, — схватил его за рукав Шувалов. — Ты меня с кем-то спутал. Объясняю: ты взял мои деньги. Надо отдать.

— Сейчас я тебе кое-что объясню, — многообещающе проговорил майор. — Помимо этого чурки, замминистра, в ресторане зарезали женщину, которую я любил. Думаешь, я прощу такое?

Шувалов не поверил своим ушам. Он с таким недоумением посмотрел на Осадчего, что тот повторил:

— Женщина, директор ресторана, Марина Олеговна, которую убили, — я ее любил. Дошло? Ее, как овцу, зарезали. То ли в твоём присутствии... То ли ты предусмотрительно ушел... То ли это сделал твой подельник... Пока не знаю. Но выясню, кто это сделал и зачем. И какая твоя роль. В прокуратуре говорят, что охотились на этого чурку из министерства. Я не верю. Кому он нужен? Я считаю — Марину хотели убить. Из-за денег. И если ты в этом деле повязан... Руками разорву... Так что держись-ка от меня подальше.

— Послушай, майор, — произнес Шувалов, — Марина для меня значила не меньше.

Напрасно он это сказал. Лицо Осадчего побледнело, и он, мертвой хваткой сжав руки Шувалова, размахнулся и врезал ему в солнечное сплетение. Затем ударил еще дважды, прежде чем Шувалов потерял сознание. Последняя мысль: лишь бы швы не разошлись...

Когда он открыл глаза, то увидел склонившегося над ним заместителя директора ФСБ Валерку Лебедева в неизменном черном костюмчике и, едва шевеля губами, спросил:

— Где я?

— В больнице, где же еще, — назидательно ответил Лебедев. — Ты лежал на земле. Сердобольные граждане решили, что пьяный, вызвали полицию. Патруль обнаружил у тебя в кармане мою визитную карточку, и позвонили в мой секретариат. Я распорядился отправить тебя в приличную больницу. Как освободился, сам подъехал. Кто же тебя так отделал, Виташа? Осадчий со своей командой? Я вообще удивляюсь, что ты живой остался... Ты же умный парень, Виташа, опытный. Зачем пошел к Осадчему? Из-за денег? Он их не отдаст, неужели сразу не понял? Пиши заявление, и я сделаю все, чтобы тебе их вернули.

— А почему Осадчий считает, что я соучастник? — прошептал Шувалов.

— И ты бы на его месте решил то же самое, — удивился его наивности Лебедев. — Он находит в ресторане два свежих трупа. Обоих только что зверски убили. А ты невредим. Почему преступник двоих зарезал, не задумываясь, а тебя пальцем не тронул?

— Я вышел в туалет и не...

— Мне можешь не пояснять, — нетерпеливо отмахнулся Лебедев. — Я изучил все обстоятельства дела и верю тебе. А вот Осадчий не верит. Я знаю, кто ты, и откуда ты, а он не знает.

Последние слова, сказанные с намеком, Шувалов пропустил мимо ушей и поинтересовался:

— Выяснили, кто убийца?

— Пока нет, следственная бригада работает. — Лебедев вновь перешел на сугубо официальный тон.

Когда Валерка Лебедев ушел, Шувалов попытался встать. Непростое оказалось дело. Откинул одеяло, спустил ноги на пол и несколько секунд боролся с дурнотой. Старался дышать ровно и глубоко. Провел рукой по лицу — оно было мокрым от пота. Первый шаг сделал, держась за стул. Затем осмотрел себя и произвел несложную ревизию своего вещевого хозяйства. На нем остались трусы, носки и мятая рубашка. Туфли обнаружились под кроватью. Брюки, свитер и куртка запихнули в черный пластиковый мешок.

Одевшись, он почувствовал себя увереннее. Видимо, плотно пообедавший Осадчий бил его не в полную силу. Пошарил по карманам — ни бумажника, ни мобильного телефона. Видимо, сердобольные граждане, обнаружившие его тело, пришли к поспешному выводу, что ни то, ни другое ему больше не понадобится. Хорошо, хоть оставили паспорт и ключи от квартиры. Какая-то мелочь чудом сохранилась в куртке.

Шувалов вышел в коридор — там было пусто и темно — и, взяв курс на тусклый огонек, добрался до поста. Настольная лампа горела, но дежурная сестра отсутствовала. Впрочем, сестры Шувалова не интересовали, ему нужен был телефон. Он помнил все три номера Лизы — набрал номер мобильного и, когда она ответила, поинтересовался:

— Ты где?

— Это ты где? — ойкнула Лиза. — Я страшно волнуюсь. Позвонила тебе пару часов назад. Ответил чужой голос, послал меня матом: «Ты сюда, телка, больше не звони! Мужика твоего удавили». Представляешь мое состояние? Что происходит? Кому ты отдал свой телефон?

Шувалову было трудно стоять, и он опустился на стул.

— Я, честно говоря, не знаю нового владельца.

— Что за дурацкие шутки! — возмутилась Лиза. — Если бы не знала, что не пьешь, решила бы, что ты набрался. Где ты находишься?

— В больнице, — ответил Шувалов, параллельно с разговором изучавший содержимое шкафчика, установленного на дежурном посту.

— О, господи! В какой больнице, с каким диагнозом тебя госпитализировали?

Фармакологические познания Шувалова были скудными, и он прибег к помощи специалиста.

— Спазмалгон — это болеутоляющее? — уточнил он у Лизы.

— Да, но в некоторых случаях он оказывает побочное действие, поэтому не стоит им увлекаться.

— Не буду, — пообещал Шувалов, выдал из упаковки несколько таблеток, поискал глазами графин с водой, не нашел и стал глотать таблетки одну за другой.

— Почему ты молчишь? — удивлялась Лиза. — Объясни мне толком, что с тобой произошло? Где ты лежишь? Я немедленно приеду, назови номер больницы!

— Я сам к тебе приеду, меня уже выписывают. Ты дома или в институте?

— В институте. Но ты не должен...

— Подожди меня, если не спешишь, — попросил Шувалов, повесил трубку и поднялся.

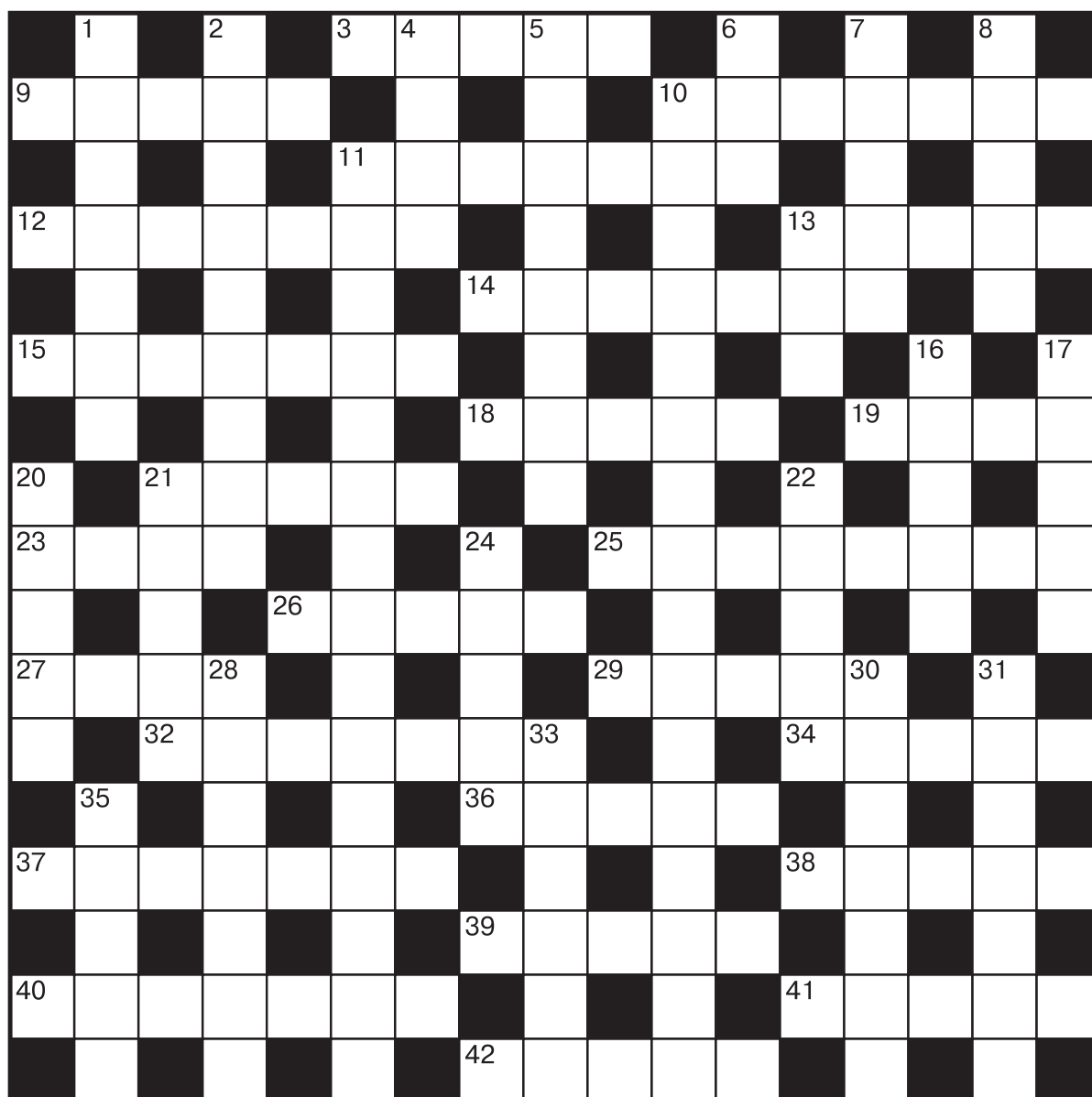
В коридоре он столкнулся с дежурной сестрой, которая заботливо неслла «утку».

— Это вам доктор велел, чтобы вы не вставали, — произнесла она и озадаченно посмотрела на него: — А куда это вы?

— На свидание, — признался Шувалов. — К лифту налево или направо?□

Окончание следует.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Отметка в паспорте об окончании холостой жизни. **9.** «Вольный каменщик» из логи. **10.** Кто засадил Эдмона Дантеса в мрачный замок Иф из романа «Граф Монте-Кристо»? **11.** Религия Ричарда Гира. **12.** Куда «после смерти» попадают цитрусы? **13.** Благовонная смола, чтобы делать ингаляции при ангине. **14.** Какую из рабочих профессий

освоил голливудский секс-символ Харрисон Форд? **15.** «Только с одной ложки разве можно ... как следует распробовать?!» **18.** Что вроде как обретает душа праведника в раю? **19.** Сколько человек на тандеме едут? **21.** Какое событие в Венской опере подтолкнуло врача Яромира Мунди к идее создания службы «Скорой помощи»? **23.** Десерт на обе-

де из рассказа «Мой сосед Радиллов» Ивана Тургенева. **25.** Какая собака стала талисманом пожарных Нью-Йорка? **26.** «Если ... не имеет успеха, это искусство» (мнение Карло Понти). **27.** Что выделяет пальма «cerifera»? **29.** «Ночь баюкала ..., уложив его в деревья». **32.** Какой аминокислотой богат пармезан? **34.** Кого доктор Гаспар Арнери в фильме про трех толстяков переделал в негра? **36.** Первый американский Верховный ... Джон Джей покупал рабов, чтобы освободить их. **37.** Где категорически отказался воевать великий Мохаммед Али? **38.** Эстрада «легкого поведения». **39.** Что принуждает красоток к тому, чтобы вилкой есть кефир? **40.** Какой недуг в давние времена называли «звериный кашель»? **41.** Какую книжку с собой берут, чтобы в пути не заснуть? **42.** «Входные ворота» шлюза.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Какая страна появилась на карте после заключения «Лютеранского соглашения»? **2.** Что делает бессонными ночами героиня Мерил Стрип из комедии

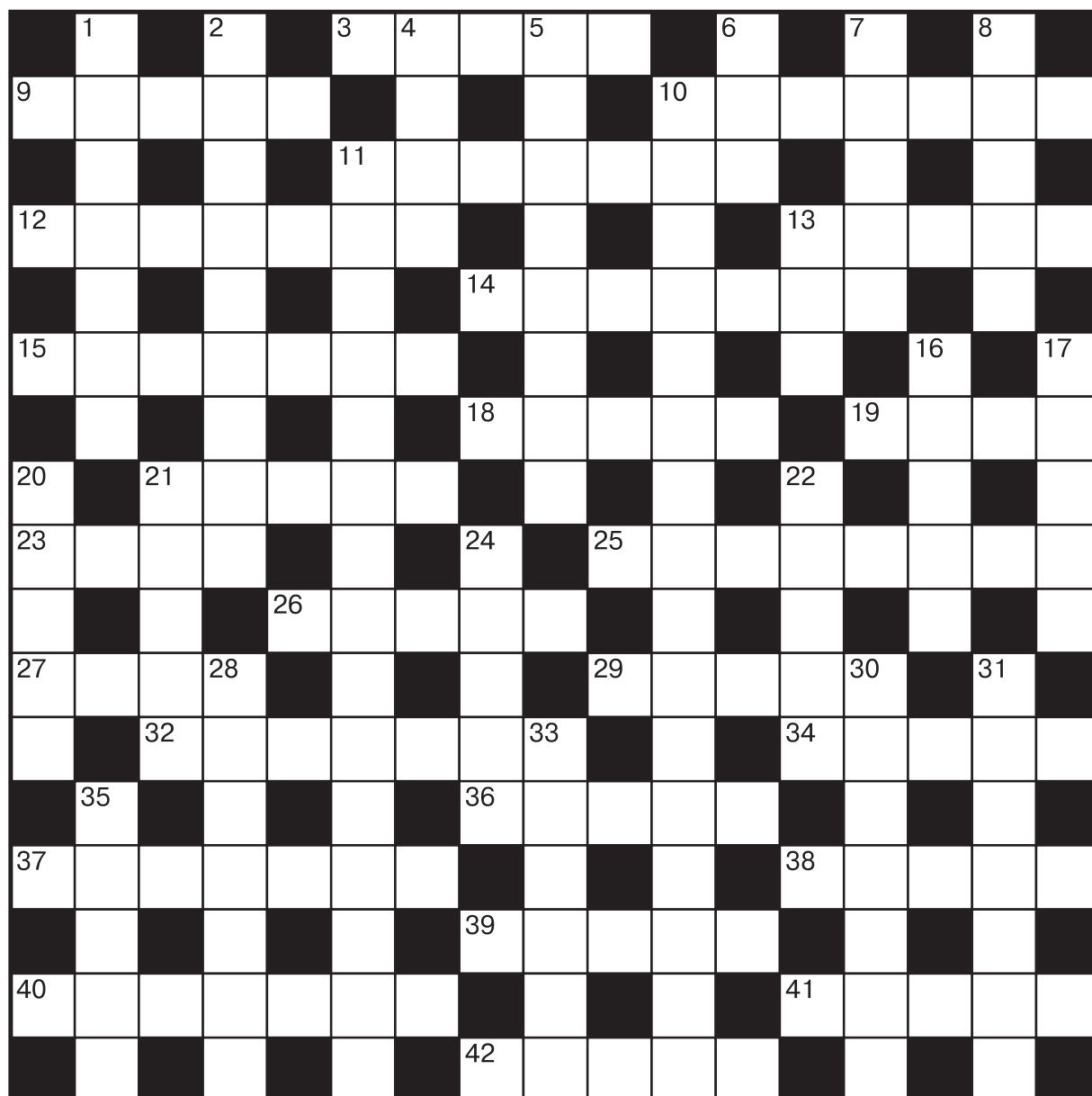
«Простые сложности»? **4.** «До чего дошел прогресс — ... физический исчез». **5.** «Амур не изменяет позы, и заплели со всех сторон неувядающие розы Антуанеты ...» **6.** Упражнение со штангой. **7.** Легковушка американской сборки. **8.** Какая королевская особа известна своей ядовитостью? **10.** «Золочение ручки» бюрократу. **11.** Какой метод позволяет обращаться с покойниками так, чтобы «они и дальше не теряли своей значимости»? **13.** Мастер художественного жеста. **16.** Кто вдохновил Огюста Родена на создание «Мыслителя»? **17.** Настенная декорация. **20.** Комедийный камердинер с ухмыляющимся лицом Стивена Фрая. **21.** Во что врубается шахтер? **22.** Молочный брат яичницы. **24.** «Людам больше всего стыдно за вещи, в которых они не виноваты» (английский классик). **28.** Гиря на цепи из арсенала разбойника. **30.** Плов по итальянскому рецепту. **31.** Повод надеть смирительную рубашку. **33.** Кто загорает «в чем мать родила»? **35.** Служитель Мельпомены из сказки про Золотой ключик.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №9

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Марпл. **9.** Зебра. **10.** Бабочка. **11.** Ламинат. **12.** «Реквием». **13.** Бочка. **14.** Баламут. **17.** Кизил. **20.** Знак. **23.** Виардо. **24.** Разговорник. **25.** Спам. **26.** Угги. **27.** Табак. **29.** Дитер. **31.** Девиз. **32.** Ложе. **33.** Полис. **34.** Акциз. **35.** Страх. **37.** Обыск. **38.** Аметист. **39.** Скунс. **40.** Устав. **41.** Тренинг. **42.** Вихрь.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Ветер. **2.** Дрова. **4.** Адам. **5.** Привал. **6.** Чат. **7.** Хохот. **8.** Скука. **10.** Банан. **11.** Ленинград. **13.** Бутик. **14.** Битва. **15.** Изыск. **16.** Марат. **18.** Прогноз. **19.** Полимер. **21.** «Камаринская». **22.** Круиз. **23.** Видеокамера. **28.** Кентукки. **29.** Дизайнер. **30.** Колбаса. **32.** Лифтинг. **36.** Осень.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** От каких наручников феноменально избавился Гарри Гудини во время своего посещения Скотленд-Ярда? **9.** Задняя нога у иберийской свиньи. **10.** Стил полета у голубей. **11.** Сибирская безрукавка поверх шубы. **12.** Какой «культуре» мир обязан рождением популярного соуса «табаско»? **13.** Город

с именной ветчиной. **14.** Кому нет дела до других женщин? **15.** Язык Ирана эпохи Сасанидов. **18.** Марка учебного самолета из Великобритании, активно использовавшегося для обучения пилотов в годы Второй мировой войны. **19.** Сын Нептуна среди этрусских правителей. **21.** Соавтор открытия антипротона.

23. Одна из муз сюрреализма в любовницах Пабло Пикассо. **25.** Прибор для сбора пауков. **26.** «Величина желания» из каббалы. **27.** Армянское жаркое с овощами в горшочке. **29.** Пони с острова Суматра. **32.** Искусственный шпон. **34.** Какой из корсиканских сыров напоминает по вкусу брынзу? **36.** Любимый торт супруги императора Франца Иосифа. **37.** Кто сварил яд Нерону для отравления Британика? **38.** Соевая пульпа на веганские бургеры. **39.** Большая золотая монета из романа «Цвет волшебства» Терри Пратчетта. **40.** Аризонская бирюза. **41.** Какая Анна стала первой женой Ивана Бунина? **42.** Герой, чьим именем клялись жители древней Мегары.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Игра взглядами при приглашении на танго. **2.** Золотая цепь на поясе из XVI века. **4.** «Священное озарение» у друидов. **5.** Нанесение на тело рисунка с помощью раскаленного металла. **6.** Сальто в группировке назад у акробатов. **7.** Густой сок для приго-

товления чурчеллы. **8.** Домашнее прозвище Анны Ахматовой. **10.** Как за глаза окрестили каждого из представителей «золотой молодежи» в царской России? **11.** Эпитет царя Ирода в Евангелиях. **13.** Епископ, духовный лидер Первого крестового похода. **16.** Какой пес занимает почетное пятое место в рейтинге популярности героев диснеевских мультфильмов? **17.** Кто заменил финикийское письмо в Библии на квадратное? **20.** Бонусы к изданию аниме на видео. **21.** Военный плащ древних римлян. **22.** Редактор, отвечающий перед судом за таблоид, не имея к его изданию фактического отношения. **24.** Самый влюбчивый олень из упряжки Санта-Клауса. **28.** Кто открыл астероиды? **30.** Мидийский царь, перебивший вождей своих подчиненных на пиру, где напоил их сначала допьяна. Так он освободил свою страну от гнета! **31.** Зачистка стола в русском бильярде. **33.** «Полевой меч» прежде у японцев. **35.** Какой француз забил первый гол в истории проведения ЧМ по футболу?

Ответы на эрудит, опубликованный в №9

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** «Тутси». **9.** Канла. **10.** Кусиков. **11.** Донегол. **12.** Авихаил. **13.** Волер. **14.** Головей. **17.** Отлуп. **20.** Учуг. **23.** Галата. **24.** Байрактутан. **25.** Итал. **26.** Сижа. **27.** Тачок. **29.** Табей. **31.** Назук. **32.** Фени. **33.** Кефта. **34.** Армор. **35.** Комбу. **37.** Гуйфу. **38.** Бхангра. **39.** Сабра. **40.** Бидга. **41.** Мескаль. **42.** Шокли.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Шатва. **2.** Плехт. **4.** Умол. **5.** Стероп. **6.** Вул. **7.** «Зимой». **8.** Болео. **10.** Кошон. **11.** Диктерион. **13.** Веган. **14.** Гузка. **15.** Кулиш. **16.** Шубат. **18.** «Маринер». **19.** Каракиа. **21.** Галактофаги. **22.** Курак. **23.** Гакенрихтер. **28.** Капотасо. **29.** Тулбурел. **30.** «Везувио». **32.** Форнакс. **36.** Дролл.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 1-е полугодие 2017 года через редакцию.

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д.14, стр.1 или на электронную почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 110 рублей 00 копеек	За 1 номер — 132 рубля 00 копеек
За 6 номеров — 660 рублей 00 копеек	За 6 номеров — 792 рубля 00 копеек

Для чтения журнала в электронном виде (компьютер, iPhone, iPad и иные гаджеты).

Стоимость подписки на 3 месяца	Стоимость подписки на 6 месяцев
108 рублей 90 копеек	217 рублей 80 копеек

* Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа		Дата
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа		Дата
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на 1-е полугодие 2017 года на журнал «Смена». В период с 13 по 23 октября Вы можете оформить подписку по льготной цене во всех отделениях почтовой связи.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ ФГУП «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		Индекс П2446 — льготный (11 категорий) Индекс — П2431 — для всех подписчиков Индекс — П3292 — годовая подписка online сервис www.podpiska.pochta.ru
КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков Индекс 70656 — годовая подписка
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ		Индекс 99406 — для всех подписчиков возможность оформления подписки через сайт www.vipishi.ru
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»		Индекс 88998 — для всех подписчиков

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Московский дом
книги на Новом Арбате»

Вся
пресса
в одном
месте!

 PRESSA.RU

ВНИМАНИЕ ! КОНКУРС !

Дорогие читатели!

В вашей жизни и жизни ваших близких наверняка было что-то яркое, незабываемое, веселое и грустное, счастливое и трагическое, забавное и нелепое...

И даже на первый взгляд в обыденном таится нечто интересное и неожиданное. Как написал Евгений Евтушенко:

*Людей неинтересных в мире нет.
Их судьбы — как истории планет.
У каждой есть особое, свое,
И нет планет, похожих на нее...*

В этой связи редакция «Смены» объявляет среди своих подписчиков конкурс «Житейские истории» на лучший рассказ о том, чем бы вы хотели поделиться с нашими читателями.

На конкурс принимаются рассказы объемом 10–15 страниц (до 27 000 знаков) желательно в электронном виде на адрес: **tomasmena@mail.ru** до 15 ноября 2016 года.

Вместе с рассказом присылайте, пожалуйста, копию подписной квитанции на 2016 год или доставочной карточки.

Не забудьте указать свой возраст и профессию, а также, что рассказ предназначен для конкурса.

Итоги конкурса будут подведены в конце 2016 года.

Лучшие произведения будут опубликованы на страницах журнала и на нашем сайте, **а победители получат денежные премии.**

Первая премия — 3 999 рублей

Вторая премия — 3 000 рублей

Третья премия — 2 000 рублей

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

